ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Картавцев Владимир Николаевич

РЕЦИПРОК КАК КАТЕГОРИЯ ЯВНОЙ И СКРЫТОЙ ГРАММАТИКИ

Специальность: 10.02.19 – теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель –
доктор филологических наук,
доцент Борискина Ольга Олеговна

Воронеж – 2020

Оглавление

Введение **3**

Глава 1. История и методология изучения реципрокальности в языке .. **12**

1.1.История изучения реципрокальности в языке **12**

1.2.Методологическая база исследования **39**

Выводы из первой главы **80**

Глава 2. Глагольный реципрок – категория явной и скрытой грамматики **82**

2.1. Основные характеристики и признаки глагольной реципрокальности **82**

2.1.1.Семантика взаимности и средства ее выражения 82

2.1.2.Способы идентификации реципрокальной семантики 107

2.2.Категоризация взаимных ситуаций в глагольной лексике **122**

2.2.1.Категоризация взаимных ситуаций по шкале ингерентности - контекстуальности 122

2.2.2.Лексико-семантические закономерности скрытой глагольной реципрокальности 131

2.3. Статус реципрокальности в языковой системе **136**

Выводы из второй главы **145**

Глава 3. Тяготение реципрокальных глаголов к ССПП разных типов **147**

3.1.Алгоритм описания глагольной реципрокальности в языке **147**

3.2.Лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов в синтетическом языке **160**

3.3. Лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов в аналитическом языке **192**

Выводы из третьей главы **215**

Заключение **218**

Список литературы **225**

Электронные ресурсы и словари **242**

Введение

Настоящее диссертационное исследование представляет собой применение концепции и методологии изучения скрытой категориальности в языке, оформленных в разработках Воронежской лексико-типологической группы (А. А. Кретов, О. О. Борискина, О. В. Донина, О. А. Голикова, О. Ф. Задобривская), к исследованию глагольной категориальности.

В качестве исследуемой глагольной категории избрана реципрокальность, трактуемая как языковая категория, включающая семантику взаимности и комплекс языковых средств ее выражения.

Степень разработанности проблемы. Систематические исследования различных вариантов реципрокального значения и разнообразия средств их выражения в различных языках в типологическом аспекте проводились учеными разных школ и направлений. Результаты исследований публиковались в сборниках трудов и коллективных монографиях под редакцией В. С. Храковского, З. Фрайзингера и Трейси С. Курл, Е. Кенига и Ф. Гаста, Н. Эванса, В. П. Недялкова. Множество средств выражения семантики взаимности, согласно принятой В. П. Недялковым терминологии, включает лексические и грамматические реципроки. Под грамматическим реципроком понимается языковое средство, выражающее семантику взаимной направленности действия/процесса и образованное путем прибавления грамматического форманта с взаимной семантикой к слову, изначально несущему значение, идентичное производному, но без семы взаимности (ср.: *обнимать* и *обниматься*, где *-ся* – грамматический формант). Наряду с грамматическими, выделяются также лексические реципроки – средства, в которых формант, привносящий семантику взаимности отсутствует или его присоединение к языковой единице не является ее простым преобразованием из единицы с односторонней семантикой в единицу с идентичной семантикой, дополненной семой взаимности (*воевать, разговаривать, общаться,* ср. также: *бороть - бороться*). Тому, какие понятия выражаются реципроками определенного

типа, уделяли внимание в своих работах как отечественные, так и зарубежные лингвисты: Н. А. Янко-Триницкая, С. Кеммер, М. Хаспельмат, Ю. П. Князев. Последние три исследователя предложили списки понятийных сфер, в которых реципрокальность выражается лексически или грамматически в рамках одной лексемы, кроме того, Ю. П. Князевым были описаны лексические реципроки, а С. Кеммер – так называемые реципроки естественные.

Актуальность данного исследования объясняется, во-первых, необходимостью включения глагольной лексики в исследование скрытой категориальности, разрабатывавшейся ранее на материале именной лексики. Во-вторых, выявление тенденций к маркированию определенных семантических классов взаимных ситуаций сходными грамматическими средствами в разных языках мира, в том числе и при помощи скрытых классов глагольной лексики (без участия грамматических показателей), остается актуальной задачей, решение которой может составить основу интегральной типологии реципрока. В-третьих, на пути решения этой задачи стоит вопрос выработки четких методов идентификации реципроков, как с грамматическими маркерами, так и без таковых, что требует, в свою очередь, специального систематического описания самой идентифицируемой семантики. Строившиеся ранее логические и формальные модели, а также достижения рабочей группы В. П. Недялкова используются в настоящей работе в качестве основы описания реципрокальности как категории, содержащей скрытый и явный сегменты. Подобное представление глагольной категории позволит под другим, новым углом зрения взглянуть на устройство данного участка грамматики языка.

При этом **гипотеза исследования** состояла в предположении о наличии зависимости функционирования глагольных реципроков на коммуникативно-синтаксическом уровне от их свойств на уровне лексико-семантическом. В результате проведенного исследования данная гипотеза получила подтверждение. Установлено, что лексическая семантика

реципрокального глагола (глагола, обладающего семантикой взаимности) определяет тип синтаксической конструкции, к которой данный глагол обнаруживает тяготение.

Объектом исследования выступает реализация ситуации взаимности действия в 5000 контекстов употребления глаголов, обладающих значением взаимного действия / отношения. Большая часть контекстов (4579) была получена из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ), включая английский языковой материал – из русско-английского параллельного подкорпуса НКРЯ. В качестве источников языкового материала также привлекались словари и электронные лингвистические ресурсы.

Предметом исследования является качественный аспект соотношения явной и скрытой реализации реципрокальной семантики посредством глагола в языках синтетического и аналитического строя.

Цель исследования состоит в определении принципов устройства глагольной реципрокальности и закономерностей функционирования ее элементов.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

1) системно описать семантику взаимности и способы выражения данной семантики в языках синтетического и аналитического строя;

2) разработать лексико-синтаксическую классификацию конструкций, в рамках которых выражается взаимность;

3) разработать комплекс способов идентификации реципрокальных глаголов;

4) определить статус категории реципрокальности в языке в плане скрытости / явности;

5) установить наличие системной зависимости скрытой категоризации взаимности от лексической семантики глагола;

6) провести корпусное исследование синтаксического функционирования реципрокальных глаголов для установления факторов, определяющих «синтаксическое поведение» глагола;

7) использовать полученные данные в определении границ между явным и скрытым сегментами реципрокальности.

Теоретическую и методологическую базу исследования составили:

- теория языковой категоризации мира (Э. Сепир, Б. Уорф), концепция скрытой грамматики С. Д. Кацнельсона, идеи скрытой именной классификативности в работах В. А. Виноградова, А. А. Кретова и О. О. Борискиной;

- работы по типологии реципрока (В. П. Недялков, Э. Ш. Генюшене, Ю. П. Князев, А. Б. Летучий, С. Кеммер, М. Хаспельмат, Дж. Хэйман); исследования категорий возвратности и залога (В. В. Виноградов, А. А. Холодович, В. С. Храковский, Н. А. Янко-Триницкая, О. В. Чагина);

- концепции недискретной грамматичности (В. А. Плунгян, В. Б. Кашкин, В. А. Виноградов); функциональная грамматика (А. В. Бондарко); исследования языковой концептуализации мира (Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев, Анна А. Зализняк);

- труды по теоретическому синтаксису (А. М. Пешковский, И. П.Распопов, Ю. Д. Апресян и его коллеги по рабочей группе в Институте проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН, Я. Г. Тестелец); функциональному синтаксису (А. М. Ломов, В. Ю. Копров, А. Мустайоки), коммуникативному синтаксису (Г. А. Золотова); теории синтаксических концептов (З. Д. Попова и Г. А. Волохина); лексически ориентированному синтаксису (Т. М. Чирко и Т. М. Ломова);

- работы по системному устройству языка (И. А. Бодуэн де Куртенэ, Г. П. Мельников, Ю. С. Степанов) и системности лексикона (З. Д. Попова и И. А. Стернин, А. А. Кретов и И. А. Меркулова); по структуре и семному анализу лексического значения (З. Д.Попова и И. А. Стернин); теоретической семантике (И. М. Кобозева);

- труды по лексико-семантической типологии и грамматике конструкций (Ч. Филлмор, А. Голдберг, А. Стефанович и С. Грис, а также

Е. В. Рахилина и другие представители Московской лексико-типологической группы).

В исследовании использовались такие лингвистические **методы**, как анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ (в том числе и с элементами коллоструктционного), трансформационный и логико-семантический анализ высказываний, а также корпусные и количественные методы исследования языка.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Глагольная реципрокальность является смешанной языковой категорией, имеющей явно-грамматический и скрыто-грамматический сегменты.

2. Различные промежуточные состояния грамматикализованности категории реципрокальности являются равноправными, наряду с «грамматической единицей» (явными с морфологической точки зрения средствами реализации реципрокальной семантики) и «грамматическим нулем» (скрытым классом средств реализации данной семантики).

3. В рамках лексико-семантических полей вербальных действий и конфронтации реципрокальность имеет системную тенденцию кодироваться скрытым образом.

4. Существует комплекс способов идентификации скрытых реципроков в контексте, включающий:

- универсальный тест на реципрокальность,
- логико-семантическую интерпретацию,
- определение реципрокальности элемента по характеру синтагматически связанного с ним элемента,
- реконструкцию незаполненной позиции для второго участника,
- идентификацию реципрока с помощью классификатора. Классификаторами скрытых реципроков являются предложные конструкции, проецируемые глаголами с реципрокальной семантикой.

5. Характер функционирования реципрокальных глаголов в высказывании зависит от их лексической семантики: лексическая семантика глагольного предиката определяет тип синтаксической конструкции, к которой тяготеет данный глагол.

Научная новизна исследования определяется тем, что, *впервые* идеи и принципы, разрабатывавшиеся ранее для скрытой именной классификативности, применены к материалу глагольной лексики; *впервые* в фокусе исследования оказалась континуальная природа реципрокальности. *Впервые* введено и обосновано понятие *смешанной* языковой категории. *Впервые* принцип описания языковой парадигматики через синтагматику, предложенный Г. П. Мельниковым для описания фонетической системы тюркских языков, применен к исследованию грамматической системы языка. При этом описание свойств изучаемой категории строится на корпусных данных; предлагается интегральный взгляд на ее лексико-семантический, морфологический и синтаксический аспекты в их взаимодействии.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в моделировании градуированной шкалы, представляющей собой разные состояния грамматикализованности категории взаимности в таком синтетическом языке, как русский, и в таком аналитическом языке, как английский. Кроме того, выводы из исследования лексико-семантического аспекта реципрокальности представляют собой развитие идей, заложенных В. П. Недялковым, Ю. П. Князевым, С. Кеммер, Дж. Хэйманом, М. Хаспельматом.

Представленный в данном исследовании подход к глагольной реципрокальности позволяет выделить множество скрытых реципроков, отличное от выделенных В. П. Недялковым и С. Кеммер множеств «лексических реципроков» и «естественных реципроков». Так, понятие «скрытый реципрок» отличается от понятия «лексический реципрок», выделенного В. П. Недялковым. В отличие от понятия «лексический реципрок» понятие «скрытый реципрок» исключает из своего объема многие

глаголы, образованные аффиксальными способами. При этом в его объем включены грамматические реципроки, передающие семантику взаимности синтаксическим способом. В отличие же от «естественных реципроков», описанных С. Кеммер, скрытые реципроки выделяются на основе формальных лингвистических, а не логико-семантических критериев.

Практическая значимость исследования. Предложенные в работе классификации языковых средств, участвующих в выражении семантики взаимности в языке, могут, с одной стороны, использоваться в практике преподавания языка как иностранного, а с другой – помочь переводчику при выборе необходимых языковых средств выражения определенной семантики, включающей компонент взаимности. Представленные и обоснованные в работе способы идентификации реципрокальной семантики могут найти применение в лексикографии, так как они позволяют уточнять и дифференцировать словарные значения русских и английских глаголов, лексико-семантические варианты которых выражают семантику взаимности.

Несомненную пользу результаты данного исследования могут принести специалистам в области автоматической обработки естественного языка, компьютерного анализа и синтеза текстов, в том числе – и в рамках машинного перевода.

Достоверность полученных результатов обеспечивается, во-первых, привлечением для исследования разнообразного языкового материала, представляющего максимально широкий диапазон средств выражения реципрокальности в разноструктурных языках; во-вторых, анализом репрезентативного корпусного материала, представляющего достаточно большую и сбалансированную выборку контекстов; в-третьих, использованием специально разработанных способов идентификации реципроков в контексте, позволяющих дифференцировать реципрокальные и односторонние употребления одного и того же глагола.

Апробация работы осуществлялась на Международной научной конференции «Новые направления русистики: XXXV Распоповские чтения»

(Воронеж, 2017), Всероссийской конференции с международным участием «Проблемы компьютерной и типологической лингвистики», посвященной памяти В. Т. Титова (Воронеж, 2017), IV Международном семинаре «Дискурс. Интерпретация. Перевод» (Кашкинских чтениях) (Воронеж, 2017), Научной сессии ВГУ, посвященной 100-летию Воронежского госуниверситета (Воронеж, 2018), Международной научной конференции к 100-летию ВГУ «Воронежская филологическая школа» (Воронеж, 2018), X Региональной научной конференции «Народная культура и проблемы ее изучения», (Воронеж, 2018), Международной научно-практической конференции «Языковая картина мира в зеркале перевода» (Воронеж, 2018), V Всероссийской научной конференции с международным участием «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2019), Международной научной конференции «Актуальные проблемы современной русистики: XXXVII Распоповские чтения» (Воронеж, 2019), IV научной межвузовской конференции молодых ученых «Пространство научных интересов: иностранные языки и межкультурная коммуникация – современные векторы развития и перспективы» (Москва, 2019), научной сессии факультета РГФ (Воронеж, 2019), IV Международной научной конференции «ФИЛКО: филология, культура, образование» (Воронеж, 2019); Межвузовской научной конференции «Актуальные проблемы лингвистики и современные технологии обучения иностранным языкам в вузе» (Воронеж, 2019), VI Всероссийской научной конференции «Сопоставительные методы в лингвистических исследованиях. Межъязыковое и внутриязыковое сопоставление» (Воронеж, 2020).

По теме диссертации опубликовано 14 работ, в том числе 2 – в изданиях, индексируемом в международных базах научного цитирования Scopus и Web of Science, и 5 – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трех Глав, Заключения и Списка литературы. Во Введении дается краткая

характеристика исследования. В Главе 1 представлена теоретическая и методологическая база исследования. Глава 2 представляет результаты эмпирического исследования, направленного на определение статуса категории реципрокальности в синтетических и аналитических языках, моделирование и идентификацию взаимной семантики, исследование категоризации взаимных ситуаций в глагольной лексике. Исследование, представленное в Главе 3, направлено на изучение функционирования реципрокальных глаголов в контексте. В Заключении подводятся основные итоги работы и обрисовываются перспективы исследования.

Глава 1. История и методология изучения реципрокальности в языке

Данная глава посвящена, во-первых, определению степени изученности категории реципрокальности в мировом языкознании, а во-вторых, в ней излагается методология исследования, направленного на системное описание феномена языковой реципрокальности.

В первой части главы излагается история изучения реципрокальности в отечественном и зарубежном языкознании. Во второй части главы обсуждается концепция исследования: в рамках широкого понимания грамматики рассматриваются несколько самостоятельных направлений лингвистических исследований с фокусом на общие черты, для того чтобы построить целостную методологию на их основе.

1.1. История изучения реципрокальности в языке

Реципрокальность (взаимность) является одной из важнейших семантических категорий. Она имеет своей основой логическую симметрию, однако не тождественна ей (см.: [Князев 2007]; см. также о соотношении логического и грамматического в работе [Колшанский 1965]). Первым главную особенность реципрокальной семантики – способность участника ситуации выполнять две противоположные роли в одном действии, одновременно являясь его субъектом и объектом относительно других исполнителей этого действия – описал выдающийся русский синтаксист А. М. Пешковский (см.: [Пешковский 1956]). О вытекающих из высказывания с реципрокальной семантикой следствиях писал О. Есперсен: у высказывания с реципрокальной семантикой, в котором один из участников ситуации выражен подлежащим, обязательно существует коррелят, в котором этот участник выражен дополнением [Есперсен 1958].

В связи с доминированием в грамматике подхода «от формы к содержанию» а также тем, что в русском языке существует морфологически маркированная группа глаголов с реципрокальной семантикой – взаимно-возвратные глаголы, описание реципрокальности ранее сводилось к описанию

данного класса глаголов и их функционирования. Это был узкий взгляд на явление, внутри которого, естественно, и возникли попытки «выйти за рамки».

Как мы уже отметили, первым ученым XX века, кто четко определил список глаголов, входящих в интересующую нас группу, стал А. М. Пешковский. Ниже приведен список А. М. Пешковского, дополненный М. А. Шелякиным и классифицированный по структурно-деривационному признаку Ю. П. Князевым (в скобках дан комментарий Ю. П. Князева) [Пешковский 1956, с. 114; Князев 2007, с.321; Шелякин 1991, с. 322]:

1. *бороться, драться, соглашаться* («необратимые»);
2. *ссориться, мириться* (теряющие при получении постфикса *-ся* каузативную семантику);
3. *обниматься, целоваться* («собственно взаимно-возвратные»);
4. *переписываться, переговариваться, перекликаться* («мультипликативно-взаимные»);
5. *съехаться, разлететься, сговориться, сыграться, спеться* («префиксально-постфиксальные»).

В описательной и нормативной «Грамматике русского языка» АН СССР 1952-1954 гг. подробно описываются взаимно-возвратные глаголы. Раскрывается ценная мысль о том, что «отношения между субъектом и объектом действия… проявляются в значениях глаголов и их синтаксических связях» [Русская грамматика 1960, с. 413] (идея связи семантики глагола и его синтаксического контекста получила дальнейшее развитие в трудах ученых Московской семантической школы и Уральской семантической школы, см.: [Апресян 2010; Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм 1997]). В этой грамматике, как и в работе [Пешковский 1956], фактически дается вербальное изложение формулы реципрокальной пропозиции. В качестве примеров приводятся глаголы из разных понятийных сфер: вербальное действие (*браниться*), социальное действие (*встречаться*), физическое действие (*обниматься*). Семантика постфикса *-ся* определяется как «друг друга». Показано, что если взаимно-возвратный глагол стоит в единственном

числе, то реципрокальная семантика передаётся при наличии творительного падежа совместного действия, данный вид семантики выражается «предложно-падежной конструкцией словосочетания» [Грамматика русского языка 1960, с. 414]. Таким образом, показывается необходимость описания семантики реципрокальности на большем, чем одно слово, отрезке речи. Так, в тех случаях, когда постфикс *-ся* является аналогом местоименного маркера *друг с другом*, участник, выраженный подлежащим, будет одновременно косвенным объектом. В подобных случаях, по утверждению авторов грамматики, выражается оттенок совместного действия. Согласно концепции «Грамматики», взаимно-возвратные глаголы относятся к возвратно-среднему залогу [Грамматика русского языка 1960].

В моделирующей «Грамматике современного русского литературного языка», вышедшей в 1970 г., отмечены разноуровневость и широкий спектр средств выражения реципрокальной семантики. Так, указывается на то, что взаимно-возвратное значение может быть выражено приставкой *пере-* в сочетании с суффиксом *-ыва-/-ива-* (*переругиваться*), словосложением (*взаимо-уничтожаться*), сочетанием глагола с местоимением или местоименной группой (*разговаривать между собой*) [Грамматика современного русского литературного языка 1970].

«Русская грамматика» 1980 г. подходит к данному вопросу менее дифференцированно: возвратно-средний залог не выделяется, понятие взаимности толкуется через понятие совместности [Русская грамматика 1980].

В 1984 г. выходят «Основы русской грамматики» И. П. Распопова и А. М. Ломова. В этой книге лексико-грамматический разряд возвратных глаголов подвергается подробной внутренней классификации. В данной работе взаимно-возвратные глаголы выделяются наряду с такими классами, как собственно возвратные (например, *умываться*), активно-безобъектные (*кусаться*) и другими, соответствующими различным семантическим свойствам глаголов, объединенных общностью формы [Распопов, Ломов 1984].

Таким образом, в грамматических описаниях русского языка советского периода взаимно-возвратные глаголы последовательно выделялись и описывались, при этом, как правило, внутреннему членению, как это сделано в работе Ю. П. Князева [Князев 2007], не подвергались. Однако данное утверждение справедливо лишь применительно к всеобъемлющим описаниям: с 1960-х гг. стали появляться монографии, в которых данная тематика получила новое, подробное освещение.

В свою очередь, английская грамматика (как область научной мысли) породила идею о том, что функционирование языка осуществляется в форме синтагматических последовательностей словоформ с большей или меньшей степенью устойчивости (см.: [Sinclair 1991; Ломова, Чирко 2010]). Данная идея была следствием практики изучения языкового материла, демонстрирующего явление синсемантичности английской лексики («взаимопроникновения» семантики языковых единиц в рамках синтаксической конструкции) [Sinclair 1991; Ломова, Чирко 2010]. Данная точка зрения была впервые высказана Дж. Синклером и его коллегами (институт COBUILD). Вполне закономерно, что авторы этой теории попытались привести в системное соответствие разбиение глагольной лексики по понятийным сферам и ее разбиение по синтаксическим паттернам, в которых данные глаголы функционируют. В рамках проекта «грамматики паттернов» института COBUILD, которым долгое время руководил Дж. Синклер, в 1990-е гг. вышли ценные как для изучающих, так и для исследующих английский язык грамматики-тезаурусы: Collins COBUILD Student`s Grammar [Collins COBUILD Student`s Grammar 1990] и Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs [Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs 1996]. Итогом подобной лексико-синтаксической классификации стал «своеобразный тезаурус английского языка на лексико-грамматической основе» [Ломова, Чирко 2010, с. 205]. В «Грамматике моделей» 1996 г., где реципрокальным глаголам посвящена отдельная глава, английские глагольные конструкции, выражающие взаимную семантику, исчислены с точки зрения

соответствий определенных синтаксических структур лексической семантике ядерной лексемы, несущей информацию обо всей ситуации (ср. с более ранними идеями лексически ориентированного подхода в работах [Апресян 1967; Русская грамматика 1979].

Важно отметить, что в вышедшем несколькими годами ранее издании Collins COBUILD English Grammar уже был представлен базовый анализ синтаксического функционирования глаголов с реципрокальной семантикой: отмечена синтаксическая вариативность выражения реципрокальности в связи с коммуникативными смыслами, даны наглядные, но неполные списки реципрокальных глаголов, произведено разбиение последних на транзитивные и требующие предложного дополнения [Collins COBUILD English Grammar 1990]. Кстати, в грамматике Longman Student Grammar of Spoken and Written English Д. Байбера, С. Конрада и Дж. Лича [Biber 2002], как и в грамматике [Celce-Murcia, 1983], хотя и дается меньший, чем у COBUILD, объем описательной информации, однако реципрокальности также уделяется внимание.

В «Грамматике паттернов» представлен детальный анализ функционирования интересующих нас глаголов: даются подробные списки для каждого паттерна, классификация последних более дифференцирована, добавлены принципиально новые сведения о средствах подчеркивания реципрокального значения. Заметим, однако, что в основу подхода положена классификация глаголов на основании их «словарного», лексического значения. В заключительной части при этом отмечается, что реципрокальное значение может выражаться и с помощью присоединения реципрокального местоимения к глаголам, не имеющим в своем значении ингерентно, независимо от контекста реципрокальной семы (см.: [COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs 1996]).

Говоря о современном теоретическом и типологическом описании реципрокальности в отечественной лингвистике, прежде всего, следует обратить внимание на достаточно латентный (однако значимый) период

развития научной мысли в данном направлении, начиная с «Российской грамматики» М. В. Ломоносова [Ломоносов 1755].

По верному наблюдению Л. А. Антонюка и А. Е. Михневича, «в отечественной традиции взаимное значение из-за отсутствия «самостоятельных» формальных показателей последовательно рассматривалось как «оттенок» возвратного (средневозвратного) залога (Ф. Ф. Фортунатов – П. С. Кузнецов, А. А. Шахматов – В. В. Виноградов)» [Антонюк, Михневич 1978, с. 186].

Научное описание реципрока в межъязыковом аспекте было положено исследованиями языковеда из Харьковского университета А. В. Попова (1855-1880). В 1881 г. в Воронеже в «Филологических записках» была опубликована часть его магистерской диссертации (магистерская диссертация в дореволюционной России была аналогом современной кандидатской) «Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в Санскрите, Зенде, Греческом, Латыни, Литовском, Латышском и Славянских наречиях». В ней находим первое в отечественной лингвистике сопоставительное исследование, затрагивающее проблематику реципрока [Попов 1881].

Почти через четверть века данную проблематику поднимал ближайший ученик Ф. Ф. Фортунатова В. К. Поржезинский. В своей докторской диссертации «Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках» он также разрабатывал тему реципрока в межъязыковом аспекте [Поржезинский 1903].

А. М. Пешковский, развивая, как преподаватель-практик, идеи своих учителей, пишет «Русский синтаксис в научном освещении», где исчисляются взаимно-возвратные глаголы. Научный труд выходит в 1914 г. Данная работа переиздается несколько раз, в том числе и в 1956 г. (см.: [Пешковский 1956]), уже на волне подъема в отечественной лингвистике. Тогда, в послевоенный период развития советского языкознания,

отечественная наука постепенно подходила к прорыву в анализируемой области.

Академик В. В. Виноградов, детально описал категорию залога в русском языке: квалифицировал аффикс *-ся* как формообразующий и словообразовательный, проанализировал наличие/отсутствие соотношения между глаголами на *-ся* и глаголами без данного аффикса. Ученый уделял внимание взаимодействию лексического и грамматического значений в русском возвратном глаголе. Говоря о возвратных глаголах с семантикой взаимного действия, В. В. Виноградов выделяет взаимно-возвратное и взаимно-моторное (по сути, локативное) значения. Академик говорит о смежности значений взаимности и совместности, указывает на существование в русском языке полисемии, когда у одного глагола есть значения одностороннего и взаимного действия, а также на две альтернативные функции предлога *с* в конструкции с взаимным значением – функцию выражения совместности и взаимности (см.: [Виноградов 1986]).

В 1962 г. выходит работа Н. Я. Янко-Триницкой «Возвратные глаголы в современном русском языке», где автор уже выделяет на основе общности семантики и примыкающие к взаимно-возвратным глаголам на *-ся* глаголы, реципрокальность которых не выражена морфологически с помощью данного форманта, и дает им название *лексически-взаимные,* обращая внимание на специфику их лексической семантики [Янко-Триницкая 1962].

В данной монографии автор подвергает глубокому анализу семантические и формальные характеристики русских возвратных глаголов, анализирует различные подходы к интерпретации тех или иных свойств изучаемых глаголов в отечественном языкознании и обосновывает определение возвратного глагола как слова, а не формы слова, рассматривая глаголы изучаемого класса как результат словообразовательного процесса.

Н. А. Янко-Триницкая дает обоснование особого статуса форманта *-ся*, критически пересматривая идею о том, что присоединение данной морфемы к слову стало результатом агглютинации. Автор отмечает, что при деривации

посредством постфикса -*ся* переходный глагол становится непереходным, а лексическое значение подвергается изменениям [Янко-Триницкая 1962].

Интересна и идея Н. А. Янко-Триницкой об особом страдательном лексическом (а не грамматическом) значении страдательных возвратных глаголов, в котором сочетаются пассивность и отобъектность. Связь лексико-семантических и грамматических характеристик глагола, вообще, является одной из центральных проблем исследования Н. А. Янко-Триницкой.

Отдельный раздел данной монографии посвящен взаимным возвратным глаголам. Н. А. Янко-Триницкая указывает, что подобные глаголы могут проецировать «особое возвратное местоимение» *друг друга*, которое в синтаксических терминах обозначается автором как «объект взаимности» [Янко-Триницкая 1962, с. 188]. Автор описывает соответствия между семантикой, выражаемой местоимением, и оформлением связи между первым и вторым компонентами данного местоимения (см. таблицу 1).

Таблица 1. Соответствие типов семантики взаимности и способов оформления связи между компонентами взаимного местоимения в концепции Н. А. Янко-Триницкой

Семантика	Взаимно-возвратные отношения	Пространственные отношения
Форма	Беспредложное оформление: *друг друга*	Предложное оформление: *друг с другом, друг напротив друга…*

Любопытна приводимая Н. А. Янко-Триницкой цитата из «Исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева касательно скрытой (чисто лексической) реципрокальности: «Действительный или средний глагол тогда только получает значение взаимного, когда по самому смыслу своему показывает взаимное действие двух или нескольких предметов, напр. *воевать, спорить*» [Буслаев 1959; Цит. по [Янко-Триницкая 1962, с. 190]]. Далее Н. А. Янко-Триницкая представляет классификацию глаголов со значением взаимности в русском языке на основе словообразовательных и семантических характеристик последних. Глаголы, у которых есть значение взаимности, но нет постфикса -*ся*, автор называет невозвратными. При этом она отдельно оговаривает, что «значение взаимности, как одно из характерных значений непереходных глаголов,

может встречаться, как в невозвратных, так и в возвратных глаголах» [Янко-Триницкая 1962, с. 190].

Автор обсуждает и некоторые другие вопросы, связанные с семантикой взаимности и функционированием средств ее выражения. Так, она обращает внимание на семантику полувзаимности, описанную А. В. Поповым в работе [Попов 1881]. Данный тип семантики является, по сути, семантикой одностороннего действия у глаголов – односторонних коррелятов глаголов реципрокальных.

Н. А. Янко-Триницкая пишет и о различии между семантикой взаимно-возвратного глагола и его соотносительного коррелята без *-ся*, указывая, что, кроме наличия/отсутствия семантики взаимности, между первым и вторым есть еще «некоторое, большее или меньшее различие» [Янко-Триницкая 1962, с. 194]. Идея о градуальности семантических различий между соотносительными представителями разных лексико-грамматических классов глаголов становится особенно актуальной сегодня в контексте становления концепции недискретной грамматичности.

Важным тезисом, выдвигаемым Н. А. Янко-Триницкой, является то, что значение взаимности появляется в высказывании благодаря семантике реципрокального глагола, а не в результате его определенных морфосинтаксических характеристик, таких, например, как форма множественного числа глагола. С другой стороны, указывается, что множественность участников ситуации обязательно находит выражение, если не в форме глагола, то в других элементах морфосинтаксической структуры высказывания. При этом автор, говоря о компенсации выражения множественности при употреблении формы единственного числа глагола-сказуемого, приводит примеры-высказывания, построенные по схеме, когда участники ситуации выражены соответственно в левом и правом окружении сказуемого, например, «*С тех пор в продолжение трех лет Нехлюдов не виделся с Катюшей*» [Янко-Триницкая 1962, с. 196]. Тем самым Н. А. Янко-Триницкая косвенно говорит о вариативности синтаксического выражения

реципрокальности. Последнее же является принципиальным положением грамматической типологии. Согласно данным типологов, в одном языке одна и та же взаимная ситуация может описываться с помощью двух конструкций – простой и дисконтинуальной [Nedjalkov 2007], например: *А и Б разговаривают* – простая конструкция; *А разговаривает с Б* – дисконтинуальная.

К проблемам выражения взаимности также на материале русского языкаобращается представитель Московской семантической школы Л. Л. Иомдин, в 1981 г. выходит его статья «Симметричные предикаты в русском языке» [Иомдин 1981]. Однако наибольшее развитие теория и типология реципрока получили в трудах ученых Ленинградской типологической школы, начиная 1970-х гг. Это был возврат к сравнительным межъязыковым исследованиям, о которых мы говорили в связи с дореволюционным периодом, но уже на качественно новом уровне, в рамках оригинальной методологии школы.

К середине 1970-х гг. залог в плане противопоставления актива и пассива уже был описан в Ленинградской типологической школе (см.: [Холодович 1974] и [Храковский 1978]). В сборнике научных работ «Проблемы теории грамматического залога» (см.: [Храковский 1978]) опубликована статья Л. А. Антонюка и А. Е. Михневича «Залоговое значение взаимности и проблема «скрытой» грамматики (на материале белорусского языка)». Авторы указывают, что в языке у грамматикализованных значений могут быть и неморфологические средства выражения. На примере значения взаимности они показывают, как последнее выражается в белорусском языке целым комплексом средств как морфологических, так и контекстуальных, синтаксических, причем реализуемых одновременно в рамках одного высказывания. Именно синтаксические средства (называемые также авторами аналитическими) формируют, по мнению авторов, скрытограмматическую реализацию диатезы, реализацию «вне глагольной формы» [Антонюк, Михневич 1978, с. 186]. Важно, что в выводе из статьи

подчеркивается сложность «разграничения грамматических и неграмматических явлений, в целом образующих функционально-семантическое поле взаимности…» [Антонюк, Михневич 1978, с. 193].

Исследования средств выражения залоговости в Ленинградской типологической школе на этом не закончились. Рефлексиву и реципроку была посвящена коллективная монография [Храковский 1981]. В ней давалось не только теоретическое описание рефлексива и реципрока в плане таких понятий, как залог, диатеза, референтность, но и содержалось двенадцать конкретно-языковых описаний этих актантных дериваций [Храковский 1981]. В последующее десятилетие типологией реципрока занимаются В. П. Недялков (ученик И. Е. Аничкова, предложившего в свое время новаторскую идею о необходимости науки идиоматики, отсутствии абсолютной композициональности в языке, см.: [Аничков 1997]) и его ученик Ю. П. Князев (см.: [Князев 1990; Недялков 1991]). Начиная с 1991 г., В. П. Недялков сотрудничает с Лабораторией формальной лингвистики Парижского университета, продолжает вместе с зарубежными коллегами и своими учениками изучать типологию реципрокальных конструкций в языках мира [Князев 1998; Недялков 2000; 2003; 2004]. Итогом многолетней работы становится выход пятитомной коллективной монографии, обобщающей максимум накопленных знаний о реципроке на материале десятков языков (более сорока), снабженной значительной по объему и глубине общетеоретической частью [Nedjalkov 2007]. В. А. Плунгян в рецензии на этот труд написал, что изучение реципрока можно было бы разбить на «до и после Недялкова» [Плунгян 2009, с. 109].

Ниже мы рассмотрим основные достижения в исследованиях В. П. Недялкова, релевантные в контексте настоящей работы. Во-первых, в процессе типологических исследований сложился понятийно-терминологический аппарат для описания категории реципрокальности (анафорические и медиальные показатели, перекрестная кореферентность, локативная реципрокальность и собственно реципрокальность, антецедент-

субъект и антецедент-объект показателя взаимного значения, прономинальные модификаторы (*между собой*), адвербиальные модификаторы (*взаимно*)) [Недялков 2004].

В. П. Недялков подробно анализирует средства выражения значения взаимности в различных языках мира. Он приходит к выводам, что реципрокальный предикат минимум двухвалентен, с реципроком граничат множественные глагольные формы, выражающие социатив и итератив, дистрибутивные конструкции. В. П. Недялков вводит понятия глагола-основы (от которого образуется реципрокальный глагол), универсального (трансформационного) теста на реципрокальность.

В. П. Недялков уделяет большое внимание классификации реципроков, выделяя синтаксически свободные (с сочинительным и подчинительным оформлением актантов) и синтаксически связанные реципроки, объектно- и субъектно-ориентированные реципроки. Сочинительное и подчинительное оформление, симметричная и асимметричная, simple и discontinuous constructions (в английской терминологии). Вводимая В. П. Недялковым типология синтаксического оформления реципрока легла в основу классификации структурных схем простого предложения, принятой в данной работе (см. раздел 1.2). Автор также отмечает прагматическую нетождественность симметричной и асимметричной конструкций.

В системе терминов, вводимых В. П. Недялковым, особенно важно отметить противопоставление антецедента-субъекта и антецедента-объекта – той части пропозиции, на которую распространяется реципрокальность. Для идентификации антецедента необходимо методом трансформации уйти от ситуации, когда связываемые реципрокальным отношением элементы конструкции находятся в разноименных контекстах сказуемого – левом и правом контекстах соответственно. Пассивную конструкцию необходимо трансформировать в активную. Если интересующие нас элементы попадают в левый контекст, значит перед нами антецедент-субъект, если в правый – объект.

В наиболее полном виде предлагаемая В. П. Недялковым классификация реципроков выглядит следующим образом (см. табл. 2 и 3, где РцП – реципрокальный показатель).

Таблица 2. Типология грамматических реципроков

<table>
<tr><td colspan="7">Грамматические (производные) реципроки</td></tr>
<tr><td colspan="2">Синтаксические</td><td colspan="4">Морфологические</td><td>Клитические</td></tr>
<tr><td>Редупликация фразы</td><td>С реципрокальным местоимением</td><td>Аналитические</td><td>Рекуррентные</td><td>Аффиксальные</td><td>Редупликация корня</td><td>Посредством клитики или рефлексивного местоимения</td></tr>
<tr><td></td><td>Местоименный реципрок</td><td colspan="5">Глагольные реципроки</td></tr>
</table>

Таблица 3. Типология лексических реципроков

<table>
<tr><td colspan="5">Лексические (ингерентные) реципроки</td></tr>
<tr><td colspan="4">Протототипические лексические реципроки</td><td>Полусимметричные лексические реципроки</td></tr>
<tr><td>Реципроки без РцП</td><td>Reciproca tantum</td><td>Реципроки с факультативным РцП</td><td>Производные лексикализованные реципроки</td><td>В симметричной конструкции несут взаимное значение при наличии или без РцП; в асимметричной конструкции несут одностороннее значение</td></tr>
</table>

Разделение реципроков на лексические и грамматические основано на стандартной реципрокальной оппозиции – оппозиции глагола с реципрокальным значением и его соотносительного (морфологического) коррелята с односторонним значением. Если глагол не образует такой оппозиции так, чтобы соотносительный коррелят нес абсолютно то же самое лексическое значение, но без значения взаимности (например, *бранить – браниться*), значит, мы имеем дело с лексическим реципроком. Под ***лексическим реципроком*** понимается слово, в котором реципрокальное значение присутствует ингерентно, не являясь результатом простого грамматического преобразования – одностороннее действие/отношение => взаимное (например, *беседовать*).

Вторая глава монографии, написанная Ю. П. Князевым, посвящена лексическим реципрокам в русском языке (хотя, по словам самого

В. П. Недялкова, «большая часть анализа является типологически значимой» [Nedjalkov 2007, p. 16]). Здесь предлагается еще одна классификация лексических реципроков, в соответствии с которой они делятся на непроизводные (к ним могут относиться не только глаголы – например существительное *дружба*), отложительные (без соотносительного коррелята с односторонним значением – например, *общаться*) и полуотложительные (с изменением в значении относительно такого коррелята – например *мириться* (с кем-либо)). Естественно, что у реципроков двух последних классов в морфологической структуре присутствует реципрокальный показатель. Отдельную группу, согласно Ю. П. Князеву, составляют периферийные реципрокальные дериваты типа *наподобие*. Важно отметить, что лексические реципроки являются языковыми универсалиями [Knjazev 2007]. Вообще, в заключительной части исследования М. Хаспельмат выводит целый ряд универсалий, связанных с реципрокальностью [Haspelmath 2007].

В своей монографии Ю. П. Князев дает одно из наиболее полных описаний реципрокальности [Князев 2007]. Важно, что он рассматривает классы глаголов на основании грамматических характеристик в соответствии с их лексико-семантическими характеристиками. Так, он выделяет среди собственно взаимно-возвратных глаголов три семантические группы: «агрессивно-отрицательная речь» (термин М. А. Кронгауза [Кронгауз 1994]); «действия, связанные с проявлением дружеских или любовных чувств» и физические действия типа *толкаться* [Князев 2007]. При этом автор отмечает узость диапазона значений, носители которых попадают в русском языке в данный лексико-грамматический подразряд, в сравнении, например, с болгарским языком [Князев 2007].

В работе Ю. П. Князева выделены следующие важные аспекты реципрокального значения:

1) Выбор одного из альтернативных средств реципрокального значения накладывает отпечаток на коммуникативный аспект плана

содержания высказывания: участник, выражаемый подлежащим, воспринимается как инициатор действия;

2) В комитативных конструкциях в русском языке наблюдается включение второго актанта в семантику первого структурного элемента (*мы с Михаилом*);

3) Некоторый статический предикат может выражать реципрокальное значение, а его динамический коррелят – нет (при прочих равных условиях): *Миша похож на Сережу* – реципрокальное отношение VS *Миша стал похож на Сережу* – реципрокальность отсутствует;

4) Лексические реципроки поддаются семантической классификации (при этом четкие границы между понятийными сферами провести сложно).

Приведем классификацию лексических реципроков, предлагаемую Ю. П. Князевым, которая основывается на семантическом критерии [Князев 2007]:

1. Реципроки, выражающие абстрактные отношения:
    - 1.1 отношения идентичности, сходства, различия
    - 1.2 отношения соответствия/несоответствия
2. Реципроки, выражающие пространственные отношения:
    - 2.1 отношения близости/удаленности:
        - 2.1.1 наречия, образованные в основном от прилагательных *далекий* и *близкий* (например, *далеко*);
        - 2.1.2 наречные конструкции типа *бок о бок* (ср. англ. *arm in arm, shoulder to shoulder*);
        - 2.1.3 наречия типа *впритык, врассыпную;*
        - 2.1.4 непереходные глаголы типа *примыкать* и переходные глаголы соединения/разъединения;
    - 2.2 отношения геометрической симметрии:
        - 2.2.1 отношения между пересекающимися и параллельными линиями, отношения зеркальной симметрии;
        - 2.2.2 существование/осуществление чего-либо между чем-либо;

2.2.3 чередование/воспроизведение ситуации;

2.3 отношение «целое – часть»

3. Реципроки, выражающие отношения между людьми:

3.1 отношения родства, дружбы;

3.2 отношения соперничества, сотрудничества;

3.3 словесное взаимодействие.

Важные для понимания сути феномена языковой реципрокальности положения обосновываются в исследованиях, проводимых и другими научными коллективами, и отдельными авторами. Так, основатель теории референции Е. В. Падучева дает продуктивный теоретический комментарий, имеющий прямое отношение к природе реципрокальности. Говоря о естественном языке, она отмечает, что в нем «для всех отношений действует своего рода презумпция несимметричности» [Падучева 1974, с. 44]. В связи с этим вполне закономерной представляется тенденция к асимметричному выражению логически симметричных ситуаций. Человеческое сознание ищет точку опоры, субъект мысли относительно которого будет представляться ситуация. А. Мустайоки описывает процесс воплощения семантических структур в языковых средствах как многокомпонентный выбор перспективы. Первым компонентом в этом процессе является ориентация – выбор актанта, с точки зрения которого ситуация будет представлена (ср. с понятием *точки зрения* у И. М. Кобозевой как компонента коммуникативного слоя смысла высказывания) [Кобозева 2000; Мустайоки 2006].

Приведенные выше суждения являются достижениями общетеоретической части синтаксиса. Однако они очень хорошо «работают» на примере реципрокальности. Ю. П. Князев в связи с подобным разграничением пишет о сочинительном и подчинительном оформлении кореферентных актантов [Князев 2007]. А. Л. Мальчуков говорит об автономизации подчиненного актанта [Мальчуков 1998].

Иерархическое представление логической симметрии, на которое указала Е. В. Падучева, однако, не ограничивается лишь выбором одного из

актантов в качестве главного члена, а другого – в качестве второстепенного. Сюда же относится и доминирование в русском языке в плане употребления комитативных конструкций (именительный с творительным падежом) над подчеркивающими симметрию сочинительными конструкциями в подлежащем – X и Y=>X с Y. Явлением того же порядка нам представляется существование двух синонимичных средств выражения симметричного отношения между объектами (в таких случаях говорят об объекте – антецеденте маркера реципрокальности): *I can`t tell Jane and Sarah apart* (симметричное выражение) VS *I can`t tell Jane from Sarah* (асимметричное выражение). Таким образом, теоретические достижения отечественного языкознания дают ценные результаты в аспекте их приложимости для исследования конкретных феноменов.

На современном этапе в русле оформившегося подхода «от смысла к форме» стал возможен широкий взгляд на реципрокальность как семантическую категорию, стоящую за целой системой разноуровневых языковых средств, иначе говоря, как на полевое образование. Изучение языка через функции его единиц разных уровней стало основополагающим положением теории функциональной грамматики А. В. Бондарко. В. П. Недялков и Ю. П. Князев рассматривают языковую реципрокальность как систему единиц, объединенных общей функцией – выражать взаимную семантику. Поэтому в плане методологии работы данных авторов можно отнести к функционально-грамматическому направлению.

Из работ авторов, представляющих другие рабочие группы отечественной лингвистики, стоит отметить исследование И. А. Перельмутера, предложившего в качестве семантического инварианта возвратности и взаимности понятие реверсивности [Перельмутер 1995].

С точки зрения вклада в понимание природы языковой реципрокальности несомненную ценность представляют также результаты исследований А. Б. Летучего. В работе [Летучий 2005] средства выражения реципрокального значения градуируются по принципу семантического поля

(т. е., согласно позиции автора, существует наиболее частотный модификатор – *друг друга* – центр и менее частотные – *взаимно, обоюдно, между собой* – периферия). Здесь же описываются случаи асимметричного выражения реципрокального значения. В статье «Двойной реципрок в русском языке: значение и употребление» А. Б. Летучий на объемном корпусном материале уточняет значение местоимения *друг друга* и функцию двойного реципрока в русском языке, показывая, что случаи совместного употребления местоимения *друг друга* и другой языковой единицы, уже самой по себе маркирующей реципрокальность, не являются простым дублированием смысла или плеоназмом [Летучий 2009].

Из работ последних двух десятилетий нельзя не упомянуть и кандидатские диссертации С. Л. Лукиной «Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты» [Лукина 2001] и А. Б. Шлуинского «Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения» [Шлуинский 2005]. С. Л. Лукина, работавшая под руководством А. М. Ломова, подробно рассмотрела историю изучения возвратных глаголов в русском языке и различные подходы к решению связанных с ними проблемных вопросов: генезис, характер и функции постфикса *-ся*, залоговая отнесенность возвратных глаголов, демаркация понятий «возвратный глагол» и «возвратная форма»; автор исследует сочетаемость возвратных глаголов с приставками, их актантную структуру и акциональные свойства [Лукина 2001]. В составе возвратных глаголов рассматриваются и взаимно-возвратные, а так как данное исследование является сопоставительным, то в поле зрения автора попадают и английские средства выражения взаимности. С. Л. Лукина констатирует, что в английском языке выражение взаимности не связано с выражением возвратности, как в русском, и приходит в целом к выводу о тяготении английской возвратности к аналитичности; в качестве одного из английских соответствий русских возвратных глаголов называется сочетание глагола с взаимным местоимением [Лукина 2001].

В работе А. Б. Шлуинского реципрок рассматривается как «пограничная территория» между залологовой семантикой и предикатной множественностью, являясь частным случаем последней [Шлуинский 2005]. Особенно ценным для нас в данной работе является то, что данный автор рассматривает «взаимодействие семантики предикатной множественности с лексической семантикой глагола» [Шлуинский 2005, с. 331]. Мы в дальнейшем тоже будем изучать связь категориальной семантики – семантики взаимности – с лексическими значениями реципрокальных глаголов.

Значительный вклад в развитие учения о семантике и способах выражения взаимности внесла О. В. Чагина [Чагина 2009], концепция которой создавалась в непосредственной связи с решением практических вопросов преподавания русского языка как иностранного. О. В. Чагина пересмотрела традиционно выделяемые классы возвратных глаголов, приняв за основу семантические и синтаксические типы предложений, в которых данные глаголы функционируют. Рассматривая семантику взаимных глаголов, исследователь выделяет глаголы с формально-грамматическими показателями взаимности и глаголы без таковых, что создает предпосылки для отнесения части средств выражения взаимности к скрытому типу.

Другой важный в контексте интегрального подхода к анализу грамматических явлений аспект, которому О. В. Чагина уделяет внимание, – синтаксический контекст функционирования взаимно-возвратных глаголов. В работе [Чагина 2018] автор выделяет два семантических типа подлежащего при взаимных глаголах, выступающих в роли сказуемого – одушевленный и неодушевленный; исчисляет грамматические способы оформления подлежащего, в том числе и те, выбор которых напрямую зависит от восприятия говорящим двух субъектов как равных или неравных. Взаимное местоимение *друг с другом* при взаимно-возвратных глаголах О. В. Чагина квалифицирует как косвенное факультативное дополнение.

Среди зарубежных лингвистов, занимавшихся реципроком в общетеоретическом, а затем и типологическом плане, первым следует назвать О. Есперсена, который дал определение как реципрокальной ситуации, так и лексическому реципроку [Jespersen 1924]. Следующим следует упомянуть Л. Теньера. В «Основах структурного синтаксиса», ставших классикой мировой теоретико-синтаксической мысли, данный автор, кроме прочего, рассматривает в качестве комбинаций актива и пассива рефлексив и реципрок [Теньер 1988].

Однако подъем в исследованиях зарубежными лингвистами реципрока наступил несколько позднее, примерно тогда же, когда и в Советском Союзе. Важный вывод о взаимном значении как разновидности возвратного делает Ж. Веренк в своей статье «Диатеза и конструкции с глаголами на –ся» [Веренк 1985]. С 1980-х гг. содержательные работы по данной тематике пишет Ф. Лихтенберк (определение прототипической реципрокальной ситуации – см. работу [Lichtenberk 1985]; также [Lichtenberk 1994]). Важнейшие наблюдения над универсальными закономерностями выражения реципрокальности делает американский языковед Дж. Хэйман в работе [Haiman 1983]. Полусимметричные глаголы рассматриваются в работе Ч. Турека «Происхождение симметричных глагольных предложений» [Turek 1988]. Рефлексивно-реципрокальная полисемия рассматривалась в работе [Shibatani 1985], а также в типологических исследованиях, например [Dixon 1980].

Тематика реципрока затрагивалась в работе [Wierzbicka 1980], где было дано определение реципрокальному значению. Впоследствии А. Вежбицкая говорит о лексической универсалии – лексических реципроках со значением «похожий» и «одинаковый» [Wierzbicka 1994]. Специально занимался реципроком в 1980-е гг. Р. Мразек, который рассматривал функционально-семантическое поле совместности и взаимности [Mrazek 1988].

Настоящим же прорывом стали работы американской исследовательницы С. Кеммер [Kemmer 1988; 1993]. В данных работах

изучение реципрока представлено в диахроническом и типологическом аспектах, дано определение взаимной ситуации с двумя участниками как прототипической, исследована темпоральная сторона реципрокальности, отмечено существование невыделяемых синхронически реципрокальных показателей в лексических реципроках (см. о последнем в работах [Kemmer 1988; Недялков 1991]).

В контексте настоящего исследования самым важным стало вводимое автором понятие ***естественного*** (ингерентного) реципрока. В отличие от концепции В. П. Недялкова, у которого ингеретным называется любой лексический реципрок, у С. Кеммер естественные реципроки выделяются на основе принципа сильной семантики (см. об этом понятии подробно в работе [Кобозева 2000]) – к ним относятся действия, которые «по своей природе» не могут быть односторонними. Далее, подобно тому, как Ю. П. Князев приводит лексические реципроки в соответствие с лексико-семантическими группами, которые они представляют, С. Кеммер исчисляет понятийные классы естественных реципроков [Kemmer 1993]. Далее исследовательница связывает «естественность» реципрока с характером его грамматического маркирования. Оперируя понятиями «легкого» (постфикс или клитика) и «тяжелого» (местоимение) маркера, введенными Дж. Хэйманом [Haiman 1983], С. Кеммер классифицирует языки по наличию в них одной или обеих форм [Kemmer 1988]. Применительно к языкам с двумя формами лингвист выводит языковую универсалию: «в выражении действия, которое чаще всего является взаимным, используется легкий маркер». И обратно: «действия, которые редко бывают взаимными, маркируются тяжелым показателем» [Haspelmath 2007, т. 4, с. 2111, со ссылкой на [Haiman 1983; Kemmer 1993]].

Главное противоречие, о котором в связи с вышеизложенными положениями говорит М. Хаспельмат, заключается в смешении взаимности онтологической и лингвистической: частотности употребления языковой единицы в речи и частоты совершения событий данного типа в

действительности. Дж. Хэйман говорит в этой связи о необходимой или очень вероятной взаимности действия или состояния, которые не требуют *явного* маркирования [Haiman 1983]. В контексте настоящей работы важно, что Дж. Хэйман не только говорит о явности/скрытости, но и таким образом отождествляет их с «тяжестью/легкостью» реципрокального показателя соответственно. Необходимо отметить, что при таком подходе не дифференцируются непроизводные лексические реципроки без каких бы то ни было реципрокальных показателей и те, у которых такие показатели имеются.

Важно также, что и сама С. Кеммер, отождествляя частотность взаимности и «естественность» реципрока, при этом делает оговорку, что существует разница между действительностью и тем, как она категоризуется в языке [Kemmer 1988].

Другим важным достижением С. Кеммер, которое роднит ее исследование с работой Ю. П. Князева, является выделение понятийных классов естественных реципроков, релевантных для множества языков. Согласно С. Кеммер, все разнообразие естественных реципроков может быть сведено к десяти лексико-семантическим группировкам:

1) антагонистические действия (семантика конфликта);
2) «физические действия, связанные с проявлением дружеских или любовных чувств» (формулировка Ю. П. Князева []Князев 2007, с. 271]);
3) социальные действия, связанные со встречей или взаимным ассоциированием;
4) непроизвольный физический контакт;
5) физическое схождение или близость;
6) обмен;
7) дележ/деление;
8) согласие/несогласие;
9) разговор;
10) сходство/различие [Kemmer 1988, с. 140].

Для сравнения приведем аналогичный перечень понятийных сфер, кодируемых в разных языках лексическими реципроками (или, как их называет автор, аллельными), предложенный М. Хаспельматом:

- глаголы состязания;
- глаголы совместного действия;
- глаголы связывания, соединения;
- глаголы (раз)деления;
- предикаты (не)идентичности;
- существительные отношения [Haspelmath 2007, p. 2104].

Как видим, в западной лингвистике уже предпринимались попытки привести в соответствие реципроки определенного грамматического класса и понятийные сферы (лексическую семантику).

Кроме работы С. Кеммер, вышедшей в Стэнфордском университете, спустя одиннадцать лет в Колорадском университете была подготовлена монография «Реципроки: формы и функции» (редакторы З. Фрайзингер и Т. С. Курл) [Frajzyngier 2000]. Данная работа представляет собой удачное совмещение теории и описания, проводится анализ большого количества экзотических языков. Внимание фокусируется на реципрокальных показателях, затрагиваются их функции, полисемия, пути грамматикализации. Отмечается, что реципрокальные показатели образовались сравнительно недавно, поэтому на данном материале удобно проводить исследования по грамматикализации [Frajzyngier 2000].

Последние из названных исследований в западной лингвистике находятся методологически ближе других к отечественной (типологической) традиции.

Открытой к взаимодействию с другими школами и направлениями является немецкая типологическая школа изучения реципрока и рефлексива, руководимая Е. Кенигом и Ф. Гастом. В изданной под их редакцией коллективной монографии «Реципрок и рефлексив: теоретические и типологические исследования» опубликовали свои изыскания авторы

различных школ и направлений – из России, Австралии, Израиля и других стран [König 2008]. Получился достаточно солидный труд, включающий описание проблемной области на разнообразном языковом материале, снабженный вводной теоретической статьей от редакторов, где они описывают различные семантические варианты реципрокальности, анализируют место реципрока и рефлексива в системе смежных семантических категорий и описывают их различные способы выражения [König 2008].

Будучи специалистами в области контрастивной лингвистики, Е. Кениг и Ф. Гаст подчеркивают, что их работа представляет собой сравнительное исследование, в задачи которого входит построение морфосинтаксической типологии реципроков, проверка гипотезы о возможности построения подобной типологии на основе учета исторического процесса грамматикализации, исчисление способов кодирования реципрокального значения в разных языках мира, изучение рефлексивно-реципрокальной полисемии, соотношения свойств денотативной ситуации и аргументной структуры предиката как основания для построения типологии. Авторы обращают внимание на взаимодействие семантики, синтаксиса и лексического значения глагола-предиката и то, как ингерентно симметричные предикаты выражают реципрокальность [König 2008], что входит в круг задач и данной работы.

В последнем исследовании значительный методологический акцент делался на теории связывания, которая является одним из способов развития парадигмы порождающей грамматики. Это, а также участие в монографии Т. Силони, эксперта в данной области, позволяет нам говорить о связи немецких компаративистов со школами и направлениями, развивающими формально-логический подход к языку, идущий от Н. Хомского (см. работу [Chomsky 1965]). В русле данного подхода также ведутся исследования, посвященные реципроку. Географически формально-логическое направление

в исследованиях реципрока можно свести к двум взаимодействующим центрам – Восточному побережью США и Израилю.

Среди достижений здесь надо отметить, что именно в рамках хомсианской школы к способам выражения реципрокальности был впервые применен термин *скрытое* в статье, посвященной логическим конфигурациям реципрокальности [Langedoen 1968]. Визуализации различных вариантов семантических конфигураций взаимности посвящена и статья [Dalrymple 1998]. Отдельного внимания заслуживают также исследования формалистов за последние два десятилетия, посвященные реципрокальности – М. Хакла, А. Рубинштейн, Т. Силони.

Работающий в русле формально-логического направления М. Хакл исчислил типы взаимных ситуаций с точки зрения лексического значения глагольного предиката, при этом им использовались термины *скрытое* и *явное*применительно к местоимениям [Hackl 2002].

Специалист по корпусной лингвистике и формальной семантике А. Рубинштейн рассуждает о разнице между местоименным и глагольным маркированием взаимности и связывает последнее с особым типом ситуации – групповым, причем для данного автора симметрия является не семантическим примитивом, а комплексом смыслов [Rubinstein 2007].

Т. Силони, автор ряда работ по реципрокальности, рассуждая о реципроках в контексте теории взаимодействия лексикона и синтаксиса, выделяет три класса реципроков: перифрастические (в терминологии В. П. Недялкова – местоименные), лексические (все, где реципрокальность маркируется в рамках одного слова) и промежуточные (клитические). Противопоставляя лексику синтаксису в рамках грамматики, ученые формально-логического направления ищут ответ на вопрос о лексичности/синтаксичности реципрокальности. Т. Силони, в частности, приходит к выводу о синтаксической природе реципрокальности [Siloni 2012].

Еще одной парадигмой, в рамках которой изучаются реципроки, в том числе и в типологическом аспекте, стал психолингвистический подход. Теоретическое обоснование и экспериментальную апробацию оригинальный психолингвистический метод (предъявление визуальных образов взаимных/односторонних ситуаций для их идентификации носителем языка) получил в трудах рабочей группы из Утрехтского университета (Й. Винтер, И. Куртваген, Е. Б. Пуртман) [Kruitwagen 2017]. Данный метод получил развитие в типологическом плане в результате его применения научным коллективом под руководством австралийского типолога Н. Эванса для изучения языков коренных народов Океании [Evans 2011].

Целью работы Н. Эванса стало описание реципрокальной семантики и сопоставление различных способов ее выражения в двух десятках языков аборигенов островов западной части Тихого океана посредством нелингвистических стимулов (видеозаписей типовых ситуаций). В обширной вводной части коллективной монографии [Evans 2011], вышедшей по итогам экспериментов, авторы критикуют концепцию естественных реципроков С. Кеммер, утверждая, что, во-первых, в понятии естественного реципрока происходит смешение не маркированных реципроков и тех, что содержат «легкий» маркер, а во-вторых, что набор покрываемых естественными реципроками понятий разнится в зависимости от того, какой конкретный язык на каком этапе развития мы рассматриваем. Авторы считают, что ни С. Кеммер, ни кто-либо другой еще не проанализировал достаточное количество реципроков для установления системных связей между лексической семантикой и способом маркирования реципрокальности [Evans 2011].

Подводя итог краткого исторического обзора, сосредоточимся еще раз на основных диахронических вехах изучения реципрокальности в языках. В мировой лингвистической науке категория реципрокальности начала осмысляться давно, однако в ее изучении имел место длительный подготовительный период, который в итоге привел к тому, что исследования,

связанные с языковой реципрокальностью, переживали в последней четверти XX – начале XXI века бурный подъем. При этом внутри указанного отрезка времени можно выделить два периода. Первый – период индивидуальных монографий и статей, заложивших основы понятийно-терминологического аппарата описания реципрокальности – пришелся на 1980-е – первую половину 1990-х гг. Отдельно стоит отметить изучение проблем залога в Ленинградской типологической школе. Второй период связан с применением и углублением этого аппарата на материале большого количества языков. Данный период характеризуется конвергенцией ученых в большие коллективы и выпуском объемных коллективных монографий в 1999 – 2011 гг.

При этом изучение реципрокальности сосредотачивается в русле трех парадигм:

- функционально-типологической (Россия, США, Европа);

- формально-логической (Восточное побережье США, Израиль, Европа);

-- психолингвистической (Нидерланды, Австралия).

Думается, что взаимодействие ученых, специально занимающихся реципрокальностью, с исследователями, изучающими другие языковые феномены с помощью новых методик, в будущем сможет дать новый импульс развития изучению категории взаимности в языке.

1.2. Методологическая база исследования

Основу методологии данной работы составляет теория скрытой языковой категориальности, разработанная А. А. Кретовым и О. О. Борискиной. Однако, поскольку круг исследовательских задач и привлекаемый языковой материал, анализируемый нами, являются новыми в контексте исследований Воронежской лексико-типологической группы, мы начнем описание методологии исследования с некоторых общих положений, выходящих за рамки указанной теории, постепенно подойдя к реципрокальности.

По сути своих задач, методологии и материалу исследование относится к общей теории грамматики. Как было показано в разделе 1.1, в изучение такой грамматической категории, как реципрокальность, очень большой вклад внес коллектив лингвистов под общим руководством В. П. Недялкова. Систематическое представление реципрокальной семантики и средств ее выражения в языке, к которому пришли В. П. Недялков и его коллеги, легло в основу и настоящего исследования. Однако, оставаясь в рамках того же подхода, мы смещаем акценты в сторону недискретного, континуального представления устройства языковых категорий. Рассмотрение категории реципрокальности в аспекте явности – скрытости на основе анализа структурных свойств и функционирования глагольного предиката дает нам возможность, развивая идеи В. П. Недялкова, построить дополнительную градуальную классификацию реципроков.

Подобному «смещению акцентов» предшествовал серьезный сдвиг в развитии грамматической мысли. Традиционное разделение и противопоставление лексики и грамматики (на основании которого и выделяются лексические и грамматические реципроки), долгое время составляло основу всей архитектуры здания мировой лингвистики. Более того, как отмечают Е. В. Рахилина и Я. Г. Тестелец, с осознания этого

разделения «тысячелетия назад, возможно, и началась лингвистическая наука» [Рахилина, Тестелец 2016, с.16].

Однако, как писал А. М. Ломов, «время имеет привычку «дырявить» самые стройные концепции, обнажая в их составе ошибочные посылки, констатации, выводы» [Ломов 2010, с. 50]. Анализ разнообразного языкового материала привел в конце XX века к появлению концепции недискретной грамматичности, которую В. А. Плунгян назвал «альтернативной» традиционной дискретной, отмечая при этом, что, хотя «прототипически выражение грамматических значений осуществляется морфологическими средствами» [Плунгян 1998, с. 6], между грамматическим и неграмматическим существуют и «многочисленные переходные явления» [Плунгян 1998, с. 3]. В духе данного подхода написаны работы В. А. Виноградова, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, В. Н. Перцова, В. Б. Кашкина, Ю. П. Князева [Виноградов 1990; Перцов 1996; Булыгина, Шмелев 1997; Кашкин 2001; Князев 2007].

Широкая концепция в грамматике предполагает интегральное рассмотрение семантики разноуровневых единиц как различных степеней грамматикализованности некоей категории (системы смыслов, объединенных общим (категориальным) признаком). Важнейшими для нас являются следующие ключевые положения данной концепции:

- языковым категориям свойственна градуальность – средства выражения языковой категории ранжируются по градуальной шкале;

- наименее грамматикализованные средства выражения категориальных смыслов составляют грамматическую периферию (см. об аналогах и заместителях грамматических категорий в работе [Плунгян 1998]);

- в языке существует явная и скрытая грамматика, к скрытым категориям относятся те, которые «морфологически в данном языке не выражены» [Кретов, Титов 2010, с. 9].

Развитие такой концепции связано с теорией существования в языке явных и скрытых категорий как результатов различной степени освоения языковым сознанием разных «участков» внеязыковой действительности. Впервые такая точка зрения на язык была высказана американским лингвистом Б. Уорфом в 1937 г. Однако научный труд, в котором содержался материал, посвященный этой проблеме, был опубликован лишь в 1956 г., уже после кончины ученого [Whorf 1956]. В 1970-х гг. к подобным выводам пришел отечественный лингвист С. Д. Кацнельсон, приводивший языковые категории в системное соответствие с механизмами речевого мышления, также писавший о необходимости изучения скрытой грамматики и стоявший на позициях интегрального взгляда на лексическую и грамматическую семантику [Кацнельсон 1972].

Взгляды С. Д. Кацнельсона легли в основу континуально-дискретного принципа в универсальной функциональной грамматике, разрабатывавшегося В. Б. Кашкиным, применившим его при изучении типологии перфекта и неопределенного артикля [Кашкин 1996; 2001].

О необходимости преодоления строгой делимитации лексического и грамматического значений в контексте глобального взгляда на языковую семантику как результат процесса концептуализации мира еще в начале 1980-х гг. писала Т. В. Булыгина. Автор критически осмыслила постулат об обязательности грамматического значения и противопоставила формальной обязательности содержательную как более последовательное и целесообразное понимание этого свойства грамматических категорий [Булыгина, Шмелев 1997]. Многочисленные публикации Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева по проблемам скрытых грамматических категорий и языковой концептуализации были сведены воедино в книге «Языковая концептуализация мира», вышедшей в 1997 г. В данной работе содержатся следующие утверждения, постулирующие принципы концепции широкого понимания грамматики: «…Нет оснований считать любые лексические различия такими различиями, от которых следует непременно «отвлекаться»

при семантико-синтаксическом моделировании» [Булыгина, Шмелев 1997, с. 16]; «”Содержательная” трактовка рассматриваемого принципа <обязательности – *В. К.*>… должна привести к признанию градуального характера “грамматичности” и к выявлению “более грамматичных” и “менее грамматичных” значений данного языка» [Булыгина, Шмелев 1997, с.23-24].

В своей работе [Плунгян 1998] В. А. Плунгян обосновывает недискретную концепцию грамматичности, в которой описываются переходные явления между грамматическим и неграмматическим, причем открывающиеся в новом свете свойства языковой системы связываются с ее когнитивной основой. Важно отметить, В. А. Плунгян в данном исследовании уделяет большое внимание глагольным категориям: антирезультативу, перфекту, а также залогу и актантной деривации [Плунгян 1998].

В связи с тем, что к подобному пониманию природы грамматических явлений приходят ученые, работающие в разных школах, и тем, что данное направление является новацией и еще не оформилось в закрепившуюся лингвистическую традицию, наблюдается морфологическое варьирование одного из главных терминов, обозначающих градуальность, разную степень освоения грамматикой некоторой категориальной семантики.

Так, Т. В. Булыгина говорит о *грамматичности*. Ю. П. Князев, тяготеющий к традициям Ленинградской типологической школы и изучавший вместе В. П. Недялковым реципроки, в 2005 г. защищает диссертацию, посвященную грамматической семантике, в которой он также постулирует концепцию «расширения» грамматики и говорит о различной *грамматикализации* (см.: [Князев 2007]).

В. А. Виноградов, также специалист в области типологии языков, разработал систему степеней – в его терминологии – *грамматикализованности* и систематически описал данное явление [Виноградов 1998]. Его исследование лежит в русле теории грамматикализации – учения о «превращении самостоятельной лексической

единицы в (аффиксальный) грамматический показатель» [Плунгян 2003, с. 232]; см. краткий обзор работ данного направления в работе [Плунгян 2003].

На данной теоретической базе развиваются конкретные исследования, направленные на выявление классификативности в отдельных языках. Так, концептуализация формы в языке, выраженная в разнообразных классификаторах, на материале большого количества языков рассматривается К. А. Гиляровой [Гилярова 2002]. Принцип учета взаимодействия лексики и синтаксиса, анализ сочетаемостных характеристик лексических единиц в составе синтаксических конструкций выходят на главное место в методологии исследований Воронежской лексико-типологической группы, занимающейся изучением скрытой языковой категориальности (см.: [Кретов 1992; Борискина 2011; Донина 2017; Голикова 2018; Задобривская 2019]).

Со времен появления работ Б. Уорфа и С. Д. Кацнельсона [Whorf 1956; Кацнельсон 1972], обосновавших наличие в языке скрытых категорий, изучение этих категорий стало предметом пристального внимания ученых. Были описаны, в частности, категория контролируемости / неконтролируемости действия и некоторые другие категории в русском языке (см. подробнее: [Лингвистический энциклопедический словарь 1990; Булыгина, Шмелев 1997; Зализняк 2006]),

Основоположники учения о скрытых грамматических категориях (Б. Уорф, С. Д. Кацнельсон) выдвигали в качестве главного критерия скрытости отсутствие морфологических маркеров значений [Whorf 1956; Кацнельсон 1972].

Соответственно, руководствуясь подходом А. В. Бондарко, мы можем заключить, что главный критерий идентификации языкового явления как явной грамматической категории – наличие регулярного противопоставления, маркированного морфологически [Бондарко 1971].

Понимание скрытой реципрокальности как морфемно невыраженной сущности, принятое в настоящем исследовании, соответствует пониманию скрытой категории, представленному в основополагающих работах А. А. Кретова по теории скрытой категориальности в языке, по определению которого: «Криптокласс – скрытая лексико-грамматическая категория существительного, состоящая в распределении имен по классам в соответствии с некоторым категориальным признаком при обязательной выраженности классной принадлежности имени через классификатор (конструкцию или словоформу) и имеющая соответствие в явной *(морфемно-выраженной)* грамматической категории хотя бы одного языка мира» [Кретов, Титов 2010, с. 9].

В исследованиях Воронежской лексико-типологической группы рассматриваются механизмы распределения именной непредметной лексики по скрытым классам, организованным вокруг имен-эталонов. В роли классификаторов при этом выступают синтаксические конструкции, содержащие элементы, связанные системными связями с именами-эталонами. В основе частных исследований группы лежит концепция изучения скрытой языковой категориальности, изложенная в монографии [Борискина 2011] и являющаяся важнейшим компонентом методологии настоящей работы.

Согласно данной концепции, непредметная лексика языка входит в различные именные криптоклассы (скрытые лексико-грамматические категории имен существительных), выделяемые по палеосемантическому принципу. Принадлежность к данным классам выражается в сочетаемостных свойствах имен, отражающих «воспоминания» о прошлых контекстах употребления последних и скрытую аналогию означаемой словом непредметной сущности с некоторым именем – эталоном криптокласса [Борискина 2011]. Данные сочетаемостные свойства проявляются при употреблении слова в составе коллоструктур – «лексико-синтаксических конструктах, отражающих реализацию семантико-синтаксических свойств

коллокатов (признаковых слов и имен сущетвительных)» [Борискина 2011, с. 299]. Естественно, что имена существительные абстрактной семантики употребляются в коллоструктциях благодаря своей метафорической сочетаемости (пример из работы [Задобривская 2019, с. 17]):

Love is full of hope…

Здесь эмоним *love* сочетается с признаковым словом *full* как представитель криптокласса Res Continens; признаковое слово, в свою очередь, вводит второй эмоним, значение которого вкладывается в значение первого, согласно описанному О. Ф. Задобривской принципу «матрешки» (см.: [Задобривская 2019]).

Соответственно, в криптокласс входят как имя-эталон, с которым семантически связаны признаковые слова, входящие в коллоструктции-классификаторы, так и множество метафоронимов, ассоциированных с эталоном по аналогии и образующих коллоструктции с этими признаковыми словами.

В последние годы в изучении именных криптоклассов наметились три подхода. Первый – непосредственно «от криптокласса». Исследователь исчисляет криптоклассы, уточняет их состав и сущностные свойства. Так, на данный момент систематически описаны восемь криптоклассов английского языка: Res Acutae («Острое»), Res Continens («Вместилище»), Res Filiformes («Нитевидное»), Res Liquidae («Жидкое»), Res Longae Penentrantes («Длинно-тонкий предмет стабильной формы»), Res Parvae («Рукоятное»), Res Planae («Предмет с ровно-плоской поверхностью») и Res Rotundae («Круглое»). В русле этого подхода см., например, работу [Голикова 2018].

Второй подход – от семантического класса существительных. В рамках данного подхода изучаются закономерности криптоклассной активности (вхождения в те или иные криптоклассы) имен определенной семантики на определенной языковом материале. Так, на материале различных вариантов английского языка О. В. Дониной была рассмотрена скрытая категоризация эмоций (см.: [Донина 2017]).

Третий подход является комбинированным и представляет собой описание свойств какого-либо криптокласса с опорой на лексику определенного семантического класса. Примером подобного описания может служить работа О. Ф. Задобривской, исследовавшей осмысление понятий из сферы эмоций как вместилищ и их категоризацию в языке (см.: [Задобривская 2019]).

Систематическое описание скрытой категориальности в именной лексике создает предпосылки для проекции данного опыта на лексику глагольную. Данная перспектива развития концепции скрытой именной класификативности О. О. Борискиной была предложена в 1999 г. А. М. Ломовым и, по сути, осуществляется в настоящем исследовании.

В рамках настоящей работы, прежде всего, важен недискретный принцип описания языковых средств, выражающих категориальную семантику, принятый в теории скрытой категориальности. В данном подходе скрытые категории, элементы которых при традиционном взгляде на лексику и грамматику были бы отнесены к сфере лексики, интерпретируются как проявления низких степенней грамматикализованности. Эта интерпретация восходит к идеям В. А. Виноградова, предложившего шкалу грамматикализованности (иначе – шкалу именной классификативности) для описания классов имен существительных в языках мира (см.: [Виноградов 1990]).

Однако анализ языкового материала убеждает нас, что отдельное рассмотрение средств явной и скрытой грамматики возможно не всегда. Так, глагольное выражение реципрокальности возможно, как с помощью морфологических средств (явная грамматика), так и без таковых, например, в рамках глагольной лексемы (скрытая грамматика). Подобная интерпретация результатов наблюдений основывается и на определенной традиции в функциональной грамматике. Взаимодополнительный характер скрытого и явного в кодировании грамматических смыслов подчеркивался В. Б. Кашкиным как один из принципов универсальной функциональной

грамматики (см.: [Кашкин 2001]). Комплексный взгляд на явную и скрытую грамматику в выражении единой категориальной семантики – инструментальности – представлен в работе С. В. Бужинского, ученика В. Б. Кашкина (см.: [Бужинский 2013]). Семантико-функциональный подход А. М. Ломова предполагает выявление отношений между всеми средствами выражения категориальной семантики, как «формально фиксированной», так и «не фиксированной», в функционирующем языке, что было наглядно показано автором подхода при анализе фиксации в языке базисных акциональных значений русского глагола (см.: [Ломов 1977а]).

Основываясь на собственных наблюдениях и с учетом упомянутой научной традиции, мы считаем целесообразным ввести понятие *смешанной* языковой категории – категории, множество средств выражения которой представлено как явным, так и скрытым способами. Для характеристики подобной категории наиболее подходящим термином нам представляется «смешанная языковая категория». Понятие смешанности включает принципиально важную для нас идею о том, что элементы скрытого и явного сегментов входят в одни и теже парадигмы, находятся «посреди друг друга» в кладовых языковой системы. Так, несмотря на то, что среди средств выражения конфронтации в русском языке есть множество глаголов, в которых реципрокальность морфологически маркирована – *сражаться, драться, перестреливаться, биться* – все равно, среди них есть реципроки без -ся – *воевать, конфликтовать*. И, наоборот, среди множества глаголов вербального взаимодействия без *-ся – разговаривать, говорить, беседовать, спорить, обсуждать* – есть место реципрокам на *-ся – наговориться, общаться, переговариваться*.

Наоборот, такие, рассмотренные нами в качестве вариантов для номинации типа категории реципрокальности прилагательные, как «комбинированная», «гибридная», не обладают подобной семантикой. В их значениях, напротив, есть идея сочлененности изначально автономных объектов, часто при четко обозначенной границе между сущностями в

составе нового объекта. Важно также и то, что смешанность может возникать без действия человека – субъекта, контролирующего и сознательно, целенаправленно выполняющего действия по комбинированию, соединению разных объектов. Так как мы изучаем естественный язык, то намек на идею искусственности (рукотворности) будет неуместен.

Вообще, открывающийся исследователю взаимодополнительный характер скрытого и явного в грамматике в широком смысле этого слова при наличии плавных переходов между первым и вторым представляется нам закономерным и прямым следствием из общетеоретического принципа недискретной грамматичности на языковую парадигматику.

Говоря же о проекции идей недискретной грамматичности на языковую синтагматику, связанной с рассмотрением сложных взаимовлияний и взаимопроникновений в составе синтагматического целого, поясним, что наиболее полно отражающим языковую действительность в этом аспекте является такое направление, как грамматика конструкций (см.: [Fillmore 1988; Goldberg 1995; Stefanowitsch, Gries 2003; Tomasello 2003; Рахилина 2010]). Рассмотрение системы криптоклассов языка через систему коллоструктций показывает, с одной стороны, объективную взаимосвязь между языковой парадигматикой и синтагматикой, а с другой, демонстрирует сущностную связь между теорией скрытой категориальности в языке и шире – концепцией недискретной грамматичности – и грамматикой конструкций. Ср. в этой связи тезис В. А. Плунгяна о конструкциях как своеобразной грамматической периферии и его оценку методологической значимости анализа глагольных конструкций при описании грамматики языка (см.: [Плунгян 1998, с. 22-23]).

Появление грамматики конструкций связано с именем американского лингвиста Ч. Филлмора. Ч. Филлмор в своей пионерской работе «Дело о падеже», вышедшей в 1968 г., хотя частично и опирался на идеи генеративной грамматики, все же создал собственную, ставшую ключевой в

семантико-синтаксических описаниях теорию глубинных падежей [Fillmore 1968]. На нее, в частности, опирались И. А. Мельчук и Ю. Д. Апресян [Мельчук 1974; Апресян 1995]. В конце 1980-х гг. Ч. Филлмор выступил с программной статьей, заложившей основы нового направления в лингвистике – грамматики конструкций [Fillmore 1988]. В качестве единицы грамматического описания предлагались конструкции как результаты взаимопроникновения, взаимодействия и взаимозависимости их компонентов при определяющей роли семантики. При этом учитываются взаимно накладываемые компонентами друг на друга ограничения на сочетаемость и тенденции к совместному употреблению определенных элементов в рамках конструкции. Согласно данной теории, конструкции – это единицы, усваиваемые человеком при овладении родным языком, образующие иерархию по принципу от простого к сложному и объединяющиеся в «семейства» [Рахилина 2010].

Вопросы, связанные с поиском факторов, определяющих функционирование языковых единиц в контексте, получают большое внимание в грамматике конструкций. Конструкции в рамках данной теории рассматриваются как образующие иерархию некомпозициональные сущности, в которых происходит взаимовлияние и взаимопроникновение различных факторов – от фонетических до семантических и синтаксических: «…элементы разных уровней не просто связаны – они неотделимы и интерпретируются во взаимодействии друг с другом. Нередко в “одной упряжке” могут оказаться не только семантико-синтаксические (и прагматические), но и морфологические, и даже фонетические свойства отдельных составляющих» [Рахилина 2010, с. 20-21].

Подход Ч. Филлмора обладает большими объяснительными возможностями для моделирования синтаксических структур, описания живого материала естественных языков, в том числе и тенденций к фразеологизации на материале корпусов, изучения процессов овладения

детьми языком, а также фреймового моделирования семантики в компьютерных системах. Так, на основе теории Ч. Филлмора его ученица А. Голдберг в середине 1990-х гг. обосновала справедливость описания глагольных конструкций как систем равноправных элементов, что означало отход от глаголоцентричности [Goldberg 1995], М. Томаселло в начале 2000-х гг. показал, что дети усваивают язык на основе частично понимаемого ими (на уровне фокуса внимания и цели) употребления конструкций взрослыми, а не на основе врожденной системы правил (теория Н. Хомского) или механического воспроизведения услышанного [Tomasello 2003]. Корпусная лингвистика активно применяет достижения грамматики конструкций в сопряжении с методиками коллострукционного анализа (предложены в 2003-2004 гг. американским ученым С. Грисом и немецким исследователем А. Стефановичем), которые привносят в грамматику конструкций необходимый для массированных корпусных исследований статистический компонент [Stefanowitsch, Gries 2003]. В России идеи грамматики конструкций развиваются в последние годы Е. В. Рахилиной и ее сподвижниками по этому направлению, в 2010 г. ими создана Московская лексико-типологическая группа, занимающаяся построением лексической типологии на основе фреймов – понятия, также введенного в лингвистический обиход Ч. Филлмором [Fillmore 1982; Rakhilina, Reznikova 2014].

Из всех достижений грамматики конструкций в контексте настоящего исследования первостепенную важность получает обнаруживаемое в ходе коллострукционного анализа тяготение определенных лексем к определенным контекстам. Наличие такого тяготения означает, что за множеством употреблений лексемы в различном окружении скрываются некоторые закономерности, очевидно, связанные с какими-либо категориальными признаками, которые несет в себе употребленная лексема. Именно это свойство лексемы позволяет использовать наблюдение за ее лексико-синтаксическим функционированием с целью получить

информацию о категории, которая репрезентируется данной лексемой, в данном исследовании – глагольной. В Главе 3 на основании данного свойства элемента языковой системы мы будем анализировать лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов с целью изучения того, как в языке организована категория реципрокальности.

В частности, задаваясь вопросом об отнесении того или иного языкового средства к явной или скрытой грамматике, мы исходим из того, что объективным критерием являются особенности функционирования языковых единиц в контексте, на основании общности/различия которых данные единицы можно классифицировать. Подобный подход является применением на грамматическом уровне принципа описания языковой парадигматики через синтагматику, предложенного Г. П. Мельниковым для описания фонетики тюркских языков [Мельников 2003].

Таким образом, кроме естественно входящей в круг исследовательских задач морфологии, мы также большое внимание уделяем синтаксису, в рамках которого как в среде «проявляется» поведение словоформы и который Г. А. Золотова назвала «организующим центром грамматики» [Золотова и др. 1998].

Принятому в настоящей работе пониманию грамматики идейно близок семантико-функциональный подход в морфологии и синтаксисе (см.: [Ломов 1977б; 1994]. При этом мы рассматриваем лингвистические явления, прежде всего, по принципу «от значения к форме» (см. обзор работ в русле данной концепции в монографии [Мустайоки 2006]). Соответственно, еще одной причиной, по которой мы включаем в теоретико-грамматическое исследование одновременно морфологию и синтаксис, является то, что «деление традиционной грамматики на синтаксис и морфологию теряет при функциональном подходе всякий смысл» [Мустайоки 2006, с. 11-12].

Теперь обратимся к базисным понятиям общей теории грамматики, которые являются основополагающими для данного исследования.

Одним из основных понятий грамматики является понятие грамматической категории. Как было указано выше, при широком понимании в данный термин включается и «грамматическая периферия», куда входят заместители грамматических значений [Плунгян 1998]. См. также о расширенном (грамматическая категория в понимании В. А. Плунгяна), широком (грамматическое единство) и узком толковании термина «грамматическая категория» в работе [Бондарко 2000].

Расширенное понимание грамматического, предполагающее наличие в языке смысловых категорий, сопоставимых с грамматическими, но не получающих (скрытые категории) или лишь частично получающих (смешанные категории) грамматическое оформление, подводит нас к введению в оборот термина *языковая категория*, под которым в работах Воронежской лексико-типологической группы подразумевается «множество значений, с которым на основании определенного системного признака может быть соотнесен отдельно взятый элемент языковой системы» [Голикова 2018, с. 12]. Ср. с понятием «семантическая категория» в работах [Пеньковский 2004; Порядина 2002; 2003].

В настоящей работе категория реципрокальности рассматривается как подсистема, функционирующая в составе языковой системы.

Подобное понимание языковой категории имеет общие черты, прежде всего, с понятиями функционально-семантического поля (см., например, работу [Бондарко 2000] и функциональной подсистемы (см.: [Ломов 1977а]). Важно, что концепция функциональных подсистем допускает существование языковых категорий, у которых нет традиционно выделяемого морфологического ядра [Ломов 1977б].

Действительно, реципрокальность в языке представляет собой функционально-семантическое поле (в понимании термина А. В. Бондарко), единицами которого являются разноуровневые средства выражения семантики взаимности – морфологические (например, постфикс *-ся* у русских взаимно-возвратных глаголов), лексические (лексемы *драка, спор* –

субстантивные лексические реципроки, глагольные реципроки, прономинальные показатели, о которых говорилось выше), лексико-грамматические – целые синтаксические конструкции при условии определенного лексического наполнения (например, *российско-французские отношения*). В рамках фреймов «бой», «разговор» реципроки связаны с их односторонними коррелятами (биться = атаковать + обороняться и т. д.).

Под грамматикализованностью категориальной семантики понимается то, насколько деривация некоторой формы отражает грамматическое преобразование, сообщающее исходному слову данную категориальную семантику (см. об этом в работе [Виноградов 1998]). Таким образом, полная грамматикализованность – это когда у слова путем прибавления одного, специализирующегося на выражении данной категориальной семантики морфологического элемента при полном сохранении всех остальных семантических признаков меняется или прибавляется одна сема и полученная таким образом форма встраивается в словоизменительную парадигму одного и того же слова. Это – «чистая» грамматика – ср.: *дом* (единственное число) – *дома* (множественное число). Как видим, в русском языке категориальная семантика числа у существительного обладает полной грамматикализованностью. При полной грамматикализованности процесс грамматического преобразования будет полностью сведен к процессу словоизменения, а полученная сема будет являться элементом грамматического значения – граммемой.

При полной грамматикализованности категориальной семантики мы будем иметь противопоставленные друг другу формы одного и того же слова, а при частичной – иметь дело с лексико-грамматическими разрядами слов. Кроме того, малые степени грамматикализованности категориальной семантики позволяют выделить семантические классы в рамках словообразовательных типов. При нулевой грамматикализованности в лексике языка с помощью специальных процедур выявляются скрытые классы. Так, в русском языке в соответствии с изложенным выше

формальным критерием морфологический показатель реципрокальности -ся является словообразовательным

Однако даже если предположить, что в каком-либо языке мира реципрокальная форма является неотъемлемой частью глагольной парадигмы для всех переходных глаголов данного языка, семантический критерий разграничения словообразовательных и словоизменительных средств не даст нам возможности отнести реципрокальные показатели ко множеству средств словоизменения. Как точно заметил И. А. Мельчук при отнесении реципрока к семантическим словообразовательным значениям, переведение глагола в разряд реципрокальных, в противоположность смене залога, связано с изменением лексического значения данного глагола [Мельчук 1998]. Действительно, глагол в реципрокальном значении будет функционировать как предикат, обозначающий положение дел, принципиально отличающееся от положения дел, описываемого его односторонним коррелятом.

Разумеется, здесь возможны возражения в плане того, что иначе может быть определена сама граница между лексической и грамматической семантикой. Однако важно отметить, что в свете континуального подхода к интерпретации языковых – формальных и семантических – явлений исследователь получает право при необходимости описывать некоторые явления как пограничные и переходные. В таком случае вопрос четкого определения языкового средства как словообразовательного или словоизменительного на основе содержательного критерия перестает быть принципиалным препятствием на пути дальнейшего исследования. Обратим внимание лишь на один аспект, принципиально отличающий реципрокальное значение от залоговых словоизменительных значений и шире – выводящее реципрок за рамки объема понятий залога.

Вслед за В. А. Плунгяном мы разграничиваем понятия залога и актантной деривации [Плунгян 2003]; см. также: [Тестелец 2001]. Залог коррелирует с коммуникативным аспектом плана содержания высказывания,

отвечает за показ одной и той же ситуации в том или ином ракурсе, с теми или иными акцентами. Ср. два высказывания на языке суахили:

nyoka a-li-mw-uma Halima. – Змея укусила Халиму [Vitale 1981, p. 116].

Halima a-li-um-wa na nyoka. – Халима была укушена змеей [Vitale 1981, p. 116].

Актантная деривация – грамматическое преобразование, за которым в плане семантики стоит сущностная перестройка самой ситуации, она вводит новую пропозицию. Реципрок обозначает ситуацию, принципиально иную, чем его так называемый соотносительный коррелят. Ср., например, еще два высказывания на языке суахили:

Juma a-na-m-penda Halima. – Джума любит Халиму [Vitale 1981, p. 147].

Juma na Halima wa-na-pend-ana. – Джума и Халима любят друг друга [Vitale 1981, p. 147].

Интерпретирующая актантная деривация – это грамматическое преобразование, содержание которого составляет модификация прототипической для данной ситуации семантической структуры с приданием ей определенной конфигурации (см. вышеуказанные работы В. А. Плунгяна и Я. Г. Тестельца). Так, в случае с реципроком, где наблюдается преобразование односторонне направленного действия в многостороннее симметрично направленное, имеем следующую схему преобразования:

A>B + ⇔ (непосредственно модификация) = A⇔B,

A sees B + ⇔ = A and B see each other.

Рассмотрев общеграмматические понятия и термины, обратимся собственно к терминам, выражающим различные аспекты и элементы категории реципрокальности.

Для начала отметим, что интересующий нас предмет исследования неоднороден и представляет определенную сложность как в плане

семантики, так и в плане средств ее выражения, что отразилось и в терминологии.

Реципрокальная семантика – семантика взаимного отношения (действия), когда между участниками ситуации устанавливаются симметричные отношения. Агенс при таком типе отношений между актантами в силу взаимной направленности действия является одновременно объектом (адресатом) эквивалентного действия.

По определению Ю. П. Князева, реципрокальная ситуация – это «ситуация с двумя участниками, А и Б, в которых А находится в том же отношении к Б, что и Б к А» [Князев 1998]. Языковую семантику, представляющую собой отображение ситуаций вышеописанного типа, взятую в отдельности или в совокупности со всеми выражающими ее средствами языка, будем называть реципрокальностью.

Реципроком в узком смысле называют интерпретирующую актантную деривацию, результатом которой является приобретение грамматической конструкцией вышеописанного значения.

При всей справедливости данной интерпретации реципрока следует отметить, что она объясняет лишь те случаи, когда изменяется первичное лексическое значение предикатного слова. Мы же должны рассмотреть все случаи, в том числе и те, когда предикатное слово уже содержит реципрокальную сему, поэтому в данной работе мы придерживаемся широкого понимания термина реципрок – *средство выражения реципрокального значения*.

В силу неоднородности функционально-семантических полей и корреляции понятия функционально-семантического поля с понятием функционально-семантической категории как связанного с определенной частью речи сегмента в рамках полевой структуры [Всеволодова 2007] мы определяем глагольные реципроки как категорию в рамках функционально-семантического поля реципрокальности. В состав такой категории могут

входить как отдельные глагольные лексемы, так и конструкции с ядерным элементом – глаголом, обозначающие реципрокальные ситуации.

В. П. Недялков в средствах выражения реципрокальной семантики выделяет собственно реципроки типа *сражаться* и локативные реципроки типа *разъединять*, реципроки с антецедентом–субъектом, как в примере *они беседуют,* и с антецедентом-объектом, как в примере *сопоставить факты* [Недялков 2004].

По частеречевой принадлежности ядерного слова в конструкции, выражающей взаимное положение дел, могут выделяться глагольные, субстантивные, адъективные реципроки.

По способу выражения реципроки традиционно подразделяются на грамматические и лексические (см. Введение).

В языках мира существует и множество специальных показателей реципрокального значения. В. П. Недялков выделяет морфологически связанные (например, постфикс *-ся,* префиксы *со-* и *пере-* в русском языке, как в словах *биться (с кем-либо), перебрасываться, сочетаться*) и свободные лексические показатели (возвратные, например *sich* в немецком языке, и реципрокальные местоимения, например *друг друга* в русском языке, *einander* в немецком) [Недялков 2004]. Таким образом, говоря о лексических средствах выражения реципрокальной семантики, следует различать полнозначные лексические реципроки и лексические специализированные показатели реципрокального значения.

Фокус внимания в данной работе в основном сосредоточен на глагольных реципроках с антецедентом-субъектом (субъектно-ориентированных реципроках). В понятие глагольного реципрока мы включаем:

- местоименные реципроки, представляющие сочетание глагола с местоимением, причем глагол в своем значении не имеет реципрокальной семы и может кодировать реципрокальное положение дел лишь благодаря тому, что употреблен с соответствующим местоимением;

- двойные реципроки, когда глагол имеет реципрокальную сему в своем значении и употреблен в синтагматической связке с местоименным показателем реципрока;

- глагольные реципроки, представленные реципрокальными глаголами – глаголами, в словарном значении которых присутствует реипрокальная сема, – без местоименных маркеров.

Соответственно, глагольная реципрокальность, на которой сосредотачивается исследование, трактуется как компонент категории реципрокальности, представленный множеством элементов языковой системы, участвующих в глагольном выражении реципрокальной семантики.

Тот или иной тип глагольного реципрока рассматривается в синтаксическом контексте. Для реципрокальных глаголов синтаксис является средой функционирования, надобъектом. При этом местоименный реципрок по своей сути сам является объектом синтаксического порядка.

Таков общий методологический фундамент работы. Как видно, он в основе своей сводится к широкой концепции грамматики, полно представленной и глубоко раскрытой в теории скрытой языковой категориальности и, в свою очередь, раскрываемой в данной работе в направлении совместного изучения явной и скрытой грамматики на глагольном материале.

Теперь обратимся к теориям, которые содержат ряд принципов и идей, также ставших важной и неотъемлемой частью данного исследования, но уже в качестве частных элементов его методологии.

Во-первых, во многих положениях мы опираемся на идеи системной лингвистики. Активный период системности в лингвистике начинается с И. А. Бодуэна де Куртенэ (см.: [Бодуэн де Куртенэ 1963]). Редукционизм, проявившийся в сведении языковой системности к реляционно-структурному остову языка, сменился с середины XX века системно-структурной парадигмой, более полно охватывающей явления языка, подходом, в рамках

которого функционирование языковой системы стало рассматриваться в социальном, психологическом и других контекстах [Сусов 1985].

Одной из вершин развития системного подхода к языку можно по праву считать концепцию Г. П. Мельникова, специалиста, соединившего в себе инженерную и лингвистическую мысль и описавшего язык как коммуникативную систему, состоящую из разноуровневых, функционирующих и взаимодействующих элементов, которая, в свою очередь, неразрывно связана с сознанием – тоже системой, но системой, функциями которой являются познание и прогнозирование [Мельников 1978]. В концепции Г. П. Мельникова, основанной на диалектическом подходе, язык был представлен как одновременно идеальная по своей сути и вместе с тем существующая на физическом уровне в психике система, благодаря которой происходит установление связи между мыслительными смыслами и коммуникативными значениями [Мельников 1978].

Данная теория получила развитие в предложенной Г. П. Мельниковым типологии языков, а также в работах его последователя А. А. Поликарпова, посвященных циклическим процессам, происходящим в лексической подсистеме языка [Мельников 2000; Поликарпов 1998].

Важно отметить, что принцип учета системности языка последовательно выдерживается и в отечественных функционально-грамматических исследованиях. Так, А. В. Бондарко дает определение языковой системы, ставит целью интеграцию системно-языкового и коммуникативно-речевого аспектов в системно-функциональном анализе, рассматривает взаимодействие элементов грамматической системы с системно-языковой и речевой средой. Исследователь также экстраполирует на лингвистический анализ такие понятия общего системного анализа как моносистемный (системно-дифференцирующий, применяется к грамматической категории) и полисистемный (системно-интегрирующий, применяется к функционально-семантическому полю) [Бондарко 2000]. А. М. Ломов заимствует из нелингвистических системных исследований

термин «функциональная подсистема» и развивает теорию функциональных подсистем (понятие функционально-семантического поля является аналогом понятия функциональной подсистемы) с учетом общих положений учения о системах [Ломов 1977а; 1977б].

По признанию А. Л. Шарандина, в настоящее время перспективным направлением, продолжающим традиции системной лингвистики, является направление в рамках Воронежской лингвистической школы, разрабатываемое А. А. Кретовым [Шарандин 2018].

В данной работе использованы некоторые положения системологии Г. П. Мельникова: объекты постоянно рассматриваются во взаимодействии со средой-надобъектом, рассматривается взаимодействие ярусов системы языка, языковая категория представляется как целое, состоящее из частей, имеющее внутренние границы между частями и внешние границы, изучается распределение объектов в рамках целого по взаимодополнительным множествам, тяготение глагола к определенной конструкции рассматривается как системологическое понятие системной интенции, языковая парадигматика исследуется через синтагматику (см.: [Мельников 1978; 2003]).

Отметим, что и методологические принципы грамматики конструкций коррелируют с положениями системной лингвистики. В рамках системного подхода Г. П. Мельникова акцент делается на обязательном наличии и учете взаимодействия элементов системы между собой и с совокупным множеством воздействий со стороны «надобъекта» – среды [Мельников 1978]. Системной по духу является и грамматика конструкций, в которой взаимовлияние элементов и совокупное влияние разноуровневых факторов на функционирование единицы возводится в главный постулат [Рахилина 2010].

Во-вторых, в данной работе используются многие положения функциональной грамматики.

Становление современной лингвистической парадигмы во многом связано именно с развитием функционально-лингвистических теорий. Свои истоки данные теории берут в пражском функционализме, однако, подъем функциональных исследований в языкознании произошел спустя значительное время после того, как свет увидели идеи ученых Пражского лингвистического кружка, и был связан с глобальными факторами, оказавшими влияние на ход развития мировой лингвистики.

Первым базовым фактором стал семантический поворот в лингвистике. Он был связан с отходом от формально-структурного принципа в изучении языков. Американские дескриптивисты (Ф. Боас, Л. Блумфильд), явившие яркий пример формального подхода к языку, отталкивались от бихевиористской идеи фиктивности мышления и членили речевой поток, извлекая из него морфемы [Березин 1984]. В противовес их подходу американский лингвист Н. Хомский в 1950-е – 1960-е гг. создает теорию генеративной грамматики. На определенном этапе Н. Хомский, ученик З. Харриса, отрицавшего семантику в лингвистике и явившегося автором идеи трансформационной методики, приходит к выводу о необходимости учета семантического фактора, хотя и на правах вторичного и автономного от синтаксиса [Chomsky 1965]. Противоположную точку зрения высказал в конце 1960-х гг. Дж. Лакофф, выдвинувший свою версию порождающей грамматики, в которой семантика является исходным пунктом порождения высказывания. Позиции теории Н. Хомского, претерпевшей, однако, значительную эволюцию, чрезвычайно сильны в западной лингвистике и сегодня.

Как реакция на данную теорию в американской лингвистике с 1980-х гг. в рамках функционализма (в противовес формализму Н. Хомского) развились мощные когнитивно ориентированные направления – грамматика конструкций Ч. Филлмора и когнитивная грамматика Р. Лангакера (о направлениях в американской лингвистике см. работу [Кибрик, Кобозева, Секерина 2002]).

Советская лингвистика в русле семантического поворота была более свободна от примата синтаксической формы. Семантический синтаксис здесь получил большое развитие, выйдя на первый план в лингвистических исследованиях во второй половине 1970-х гг. [Копров 2016а]. Разумеется, конституирующие смысл высказывания лексические смыслы также становились в определенной мере объектом внимания синтаксистов. Среди корифеев семантического синтаксиса советской эпохи, перенесших сильную лингвистическую традицию в современную российскую науку, следует отметить Н. Ю. Шведову (теория синтаксической парадигмы, исходно-формальный подход), Н. Д. Арутюнову (логический анализ языка), Т. П. Ломтева (типология простого предложения, исходно-семантический подход), Е. В. Падучеву (теория референции в русле концепции так называемой «сильной» семантики) [Шведова 1967; Ломтев 1972; Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983; Падучева 1985; Белошапкова 1989; Кобозева 2000]. Так, Н. Д. Арутюнова, защитив в 1975 г. докторскую диссертацию на тему «Предложение и его смысл (логико-семантические проблемы)», впоследствии продолжила заниматься избранной ей тематикой и выступила организатором направления «Логический анализ языка».

Семантика предложения может рассматриваться и с опорой на семантику лексической единицы: ученые Екатеринбургской глагольной школы рассматривают связь между семантикой глагольной лексемы, выражаемой предикатом, и позициями в структурной схеме предложения [Русская глагольная лексика… 1997]. Последовательный учет и разработка лексического фактора свойствен и грамматической теории, разрабатываемой Е. В. Падучевой и Г. И. Кустовой [Рахилина 2010].

Второй фактор – поворот лингвистики к человеку с его внутренним миром, психологией, социальной и культурной детерминированностью также связан с именем Н. Хомского, который в своей генеративной грамматике уделял внимание тому, как язык осваивается живым мыслящим субъектом – человеком. Данное явление называют «хомсианской революцией» в

лингвистике [Харитончик 2017]. Антропологический поворот в лингвистике обозначил начало постструктуралистской парадигмы. Важным фактором, учитываемым теперь учеными, стала человеческая деятельность [Сусов 1985]. Лингвисты стали изучать использование языка в процессе коммуникации между людьми. Изучение функционирования языка в речевой деятельности и, как следствие, функций (целей употребления) его отдельных единиц стало главной задачей функциональной лингвистики. В русле данного направления появились различные школы функционального и коммуникативного синтаксиса – Г. А. Золотовой, М. В. Всеволодовой, А. М. Ломова, В. Ю. Копрова, А. Мустайоки и др. Изучение функций синтаксических единиц и их составляющих оказалось возможным только с учетом семантики лексических единиц, наполняющих синтаксические конструкции, поэтому лексический компонент занимает особенно важное место в концепциях этих школ [Золотова 1973; Всеволодова 2000; Ломов 1994; Мустайоки 2006; Копров 2016б].

Первой и основополагающей функционально-грамматической концепцией в отечественной лингвистике стала теория функциональной грамматики, разрабатываемая А. В. Бондарко и его коллегами. Данная теория основывается на понятиях функционально-семантической категории, функционально-семантического поля, категориальной ситуации и описывает системы средств выражения грамматических смыслов через понятия ядра и периферии (см.: [Бондарко 1967; 1971; 1978; 1984; 1991; 2000; 2011]).

Отдельного внимания заслуживает функционально-типологическая школа А. Е. Кибрика. Среди успехов данного направления следует отметить объяснение различных морфосинтаксических характеристик разноструктурных языков (см. об этом статью «Функционализм в лингвистике» А. А. Кибрика [Кибрик]). А. Е. Кибрик приходит к общему выводу о том, что современная лингвистика должна стать объясняющей (*почему-лингвистика*) [Кибрик 1992].

Основоположником и классиком функционального направления в отечественном синтаксисе признана Г. А. Золотова, автор теории функционального синтаксиса, еще в первой своей монографии по данной тематике уделившая внимание лексике и выдвинувшая идею не «лексического наполнения», а «вырастания» синтаксической конструкции из уже данных словоформ. Словоформа является по Г. А. Золотовой единицей синтаксического уровня – синтаксемой [Золотова 1973].

Основатель школы сопоставительного семантико-функционального синтаксиса В. Ю. Копров последовательно учитывает фактор лексического наполнения. В конце 1990-х гг. в своей докторской диссертации «Номинативный аспект структурно-семантического устройства простого предложения (на материале русского, английского и венгерского языков)» ученый предлагает поаспектный комплексный анализ предложения и в последующие годы вместе с учениками изучает различные классы предложений, выделяемые на основе типов описываемых в них ситуаций (касание, обладание, зрительное восприятие), что напрямую связано с лексической семантикой и функционированием предикатного слова [Копров и др. 2011; Копров 2016б].

Глубокий анализ лег в фундамент системного исчисления семантических структур, лежащих в основе русских предложений, предложенного финским синтаксистом А. Мустайоки. В своей монографии «Теория функционального синтаксиса» ученый дает исчерпывающее описание различных комбинаций смыслов, встречающихся в реальных высказываниях, предлагает свое метаязыковое представление системы семантических структур, проводит их подробную классификацию на основании понятийных сфер, описываемых высказываниями [Мустайоки 2006]. А. Мустайоки подчеркивает большое значение учета лексической семантики в функционально-синтаксическом анализе, однако при этом не отказывается от синтаксической «идентичности» своей теории.

Среди достижений функциональной грамматики получивших отражение в методологии настоящей работы, в первую очередь, стоит назвать континуально-дискретный принцип В. Б. Кашкина.

Комплексное рассмотрение морфологических, лексических и контекстуальных факторов, попытка которого предпринята в настоящем исследовании, занимало важнейшее место в работах В. Б. Кашкина и осуществлялось через понятие грамматико-контекстуальных комплексов, в которых форма, лексика и контекст в различных языках различным образом выражают некоторый грамматический интеграл (см.: [Кашкин 2001]). Динамическое моделирование грамматики сквозь призму процесса деятельности и выбора говорящего (см.: [Кашкин 2002]) коррелирует с тем, что мы рассматриваем альтернативные конструкции, выражающие общую пропозициональную семантику и анализируем, какой из них отдается предпочтение при выборе говорящим грамматического оформления содержания своего высказывания.

Многие свойства, относящиеся в системологии Г. П. Мельникова к понятию среды, надобъекта, в данной концепции связываются с такими близкими понятиями, как континуум, материя оппозиции, фон. По В. Б. Кашкину, универсальный смысловой континуум суживается субъектом до уровня концептуальной ситуации, которая, в свою очередь, категоризуется языком, будучи препарируема в категориальную ситуацию [Кашкин 2001]. Ср. с фильтрами А. Мустайоки: ситуация – положение дел – семантическая структура как набор типовых смыслов, которые говорящий имеет интенцию выразить в высказывании [Мустайоки 2006].

В концепции В. Б. Кашкина содержатся такие авторские идеи и постулаты, пришедшие от его учителей и предшественников, а также из смежных наук, которые одновременно стали базовыми положениями методологии, которая ложится в основу настоящего исследования:

- «определенные комбинации элементов обладают б*о*льшей устойчивостью, “естественностью” … чем остальные» ([Holenstein, с. 211]. Цит. по [Кашкин 2001]).

- одни и те же сущности языковой системы – элементы, множества и подмножества элементов, шкалы состояний – могут оказываться дискретными или континуальными в зависимости от уровня рассмотрения (что напоминает противопоставление фигуры и фона) – и, как нам кажется, от своих собственных, объективно существующих функциональных свойств.

Экстраполируя оппозицию дискретности/континуальности на онтологию, из множества интерпретаций данного противопоставления (часть/целое, простое/сложное) мы берем интерпретацию непрерывное/прерывистое. Мы будем смотреть, как множество реципроков разбивается на подмножества в зависимости от того, как функционируют его элементы в контексте. Главный вопрос заключается в том, функционируют ли разные с точки зрения системных отношений классы реципроков специфическим образом, образуя дискретные отрезки на шкале грамматикализованности и, в конечном счете, тяготея к полюсу абсолютной грамматикализованности или, наоборот, скрытости.

Важнейшим этапом в данной работе стало осознание смешанного характера категории реципрокальности. Выше мы уже говорили, что идея смешанности соответствует не только положениям континуально-дискретного принципа В. Б. Кашкина, но и следует из выводов А. М. Ломова, полученных в ходе исследования русской аспектологии, поэтому мы однозначно делаем вывод об общности методологии настоящего исследования с семантико-функциональным подходом А. М. Ломова (см.: [Ломов 1994]).

В-третьих, данное исследование в весьма значительной степени базируется на достижениях такого направления, как лексически ориентированный синтаксис.

Термин «лексически ориентированный синтаксис» означает «вариант синтаксиса, последовательно учитывающего, с одной стороны, лексико-грамматическое выражение семантико-функциональных звеньев предложения, а с другой – комбинаторику использованных лексико-грамматических средств, что предполагает анализ валентных свойств последних» [Ломов 2004, с. 132]. В рамках Воронежской синтаксической школы данный подход получил значительное развитие на материале английского языка в трудах Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой [Чирко, Ломова 2000; 2008; Ломова, Чирко 2010; 2014]. Здесь необходимо сделать небольшой экскурс в историю данного направления.

И. П. Распопов, анализируя закономерности конструктивно-синтаксического аспекта предложения, отмечал большое значение лексико-семантического фактора. Так, лексемы, употребленные в той или иной функционально-синтаксической позиции, будучи представителями определенной части речи, лексико-грамматического разряда или группировки, выделяемой в рамках последнего, обладают разными наборами проективных свойств. О важности учета лексической семантики И. П. Распопов писал в связи с функционально-синтаксическим потенциалом словоформ, многофункциональностью падежа, граничащей с лексикой категорией залога, категорией модальности (связана с лексической семантикой сказуемого), варьируемости синтаксической ориентации, иерархии функционально-синтаксических позиций (также зависит от лексико-семантических свойств сказуемого) [Распопов 1973]. Утвердившееся позднее разграничение предложения и высказывания позволяет нам говорить о том, что различные аспекты высказывания как лексически наполненной модели предложения, употребленной в речи, несомненно, находились в центре внимания И. П. Распопова.

Выводы И. П. Распопова относительно устройства и функционирования предложения сыграли значительную роль в начавшейся в 1970-е гг. семантизации синтаксиса, становлении лексически

ориентированного синтаксиса, а также в развитии учения о прагматическом (коммуникативном) аспекте синтаксической семантики (А. М. Ломов, У. Чейф, И. А. Мельчук), его последовательном выделении и признании.

С идеями И. П. Распопова и А. М. Ломова (см., например, о номинативно-прагматической парадигме в лингвистике в работе [Ломов 1994]) в значительной степени связаны идеи и лексически ориентированного синтаксиса Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой. В лексически ориентированном синтаксисе интегральный, межуровневый подход не является чем-то априорно заданным извне, он вытекает из концепции, заложившей фундамент направления – учения об организации конструктивного аспекта предложения И. П. Распопова (в его отношении к лексике) [Распопов 1973]. Согласно данной концепции, определяемые своим отношением к вершине предложения – сказуемому – функционально-синтаксические позиции способны вместе со сказуемым образовывать замкнутый синтаксический ряд.

С одной стороны, слово как член этого ряда имеет потребность в получении в данном ряду функционально-синтаксической определенности, проецируя определенные позиции и ориентируясь на позиции подчиняющие. В подобные синтагматические отношения слово входит в соответствии с его свойствами как представителя определенной части речи и уже – как представителя лексико-семантического разряда или одного из его подразрядов низшего, более частного порядка [Чирко, Ломова 2008].

С другой стороны, предложение имеет в своей конструктивной основе предикат, несущий в себе, по выражению С. Д. Кацнельсона, «макет будущего предложения», предусматривающий определенное количество функционально-синтаксических позиций и коррелирующие с ними семантические роли, получающие определенную лексическую репрезентацию [Кацнельсон 1972; Ломова 2007].

Таким образом, взгляды на устройство предложения – единицы коммуникативно-синтаксического уровня со стороны слова и собственно предложения являют противоположные перспективы единого

онтологического механизма двунаправленного взаимодействия синтаксической конструкции и лексического значения.

В данном исследовании используется ряд идей лексически ориентированного синтаксиса, а именно:

- При описании структурной схемы простого предложения под условным номером 2 (ССПП 2), по которой строятся высказывания с реципрокальной семантикой, мы учитываем фактор лексического заполнения объектной позиции – местоимение или местоименное сочетание со значением взаимности. Так как одно звено в предлагаемой в настоящей работе классификации языковых конструкций является лексико-синтаксическим, вся классификация приобретает лексико-синтаксический характер, поскольку любая классификация строится на принципе дополнительности. Как следствие, отнесение предложения к тому или иному типу, пусть даже «чисто» синтаксическому, когда лексический параметр имеет нулевое значение, делается с оглядкой на данный лексический фактор.
- В рамках скрытого сегмента исследуемой категории (как достаточно обозримого) мы обращаем внимание на лексико-семантические разряды входящих в него глаголов, систематически описывая их.
- То, что в других методологических системах называется тяготением, системной интенцией, большей или меньшей устойчивостью сочетания (см. выше), в лексически ориентированном синтаксисе также получает серьезное внимание и интерпретацию. Т. М. Чирко и Т. М. Ломова исследуют, какие конструкции и какое лексическое окружение наиболее типично для тех или иных предикатных лексем в английском языке, выявляя таким образом тенденции к идиоматичному употреблению последних. В этом вопросе авторы направления разделяют во многом позицию института COBUILD и Дж. Синклера, говорящего также о фразеологии как «выявляемой корпусной лингвистикой тенденции употребления словесных знаков в определенных сочетаниях и

комбинациях с другими, а также в рамках определенных синтаксических структур» [Ломова, Чирко 2010, с. 203]. Однако Т. М. Чирко и Т. М. Ломова отмечают, что подход института COBUILD исключает из рассмотрения субъектную глагольную валентность, учет которой дает исследователю важную информацию о тенденциях в функционировании глагола в рамках всей структурной схемы простого предложения. Последовательный учет авторами лексически ориентированного синтаксиса тенденций глаголов к употреблению в тех или иных структурных схемах и дал нам саму идею принципа учета лексико-синтаксического функционирования глагола, раскрытую впоследствии через положения грамматики конструкций и концепции недискретной грамматичности.

То, как данные идеи определяют подход к изучению реципрокальности, и исследовательские процедуры данной работы, наглядно отражено в общей классификации предложений, в которых функционируют реципрокальные глаголы. Такая классификация должна учитывать одновременно и синтаксические, и лексические параметры. Подобный интегральный подход к построению классификации необходим именно в силу описанного выше взаимодействия разных уровней языковой системы при выражении реципрокальности, а также, в частности, отсутствия четких границ сфер влияния синтаксиса и лексики в изучаемом нами явлении.

С точки зрения лексико-синтаксического контекста функционирования реципрокальных глаголов, анализ показал, что все множество высказываний, в основу которых положена реципрокальная пропозиция, в выражении которой участвует глагол-сказуемое, подразделяются на три лексико-синтаксических (т. е. выделенных с учетом фактора лексического наполнения) класса на основании структурной схемы простого предложения (далее – ССПП), которая легла в основу высказывания. Так, можно выделить следующие ССПП (S = подлежащее, V = глагол-предикат, PL = множественное число, Ob = дополнение):

1) с подлежащим, выражающим множественный агенс – множество участников, вступающих в реципрокальное отношение, без позиции для специального маркера (ССПП 1, **плюральная**): S (PL) + V / S (сочинительное словосочетание) + V (примеры 1-2):

*(1) Мы **разговаривали** о погоде*;

*(2) They **conversed** heartily*;

2) с подлежащим, выражающим множественный агенс, и позицией для специального маркера реципрокального отношения – реципрокального местоимения (ССПП 2, **прономинальная**):

A) S (PL) + V + местоименный маркер EACH OTHER/ONE ANOTHER /ДРУГ ДРУГА/ОДИН ДРУГОГО/BETWEEN (AMONG) –SELVES/МЕЖДУ СОБОЙ (местоименные сочетания) (примеры 3-4);

B) S (PL) + V + (предлог) EACH OTHER/ONE ANOTHER/ДРУГ ДРУГА /ОДИН ДРУГОГО (примеры 5-6):

*(3) Они **держали друг друга** за руки;*

*(4) ...his aunt and Miss Williams wordlessly **consult each other***;

*(5) Они тихо **переговаривались друг с другом***;

*(6) They **didn't speak to each other***;

3) с подлежащим и дополнением, называющими стороны реципрокального отношения (ССПП 3, **комитативная**):

A) S + V + O (пример 7);

B) S + V + (предлог) O (примеры 8-9):

*(7) I had to **fight** him*;

*(8) Михаил **встретился** с Костей на углу*.

*(9) I **spoke to** Lui*.

Для наглядности лексико-синтаксическая классификация русских и английских реципрокальных высказываний представлена в таблице 4.

Таблица 4. ССПП, в рамках которых выражается реципрокальность в русском и английском языках

Условная запись синтаксической конструкции	Синтаксическая конструкция
S (Plural) + V или S (сочинительное словосочетание) + V	ССПП 1 – *(10) Они разговаривали (о погоде)* *(11)Противники наконец помирились;* *(12)Лена и Даша поссорились;* *(13) Мы с Михаилом долго разговаривали.* *(14) Mrs Macready and the visitors were still talking in the passage;* *(15) People argued about everything under the sun: sputniks, government notes, the recent rain and the advantages of "Novost" detergent.*
S (Plural) + V (+ предлог)[1]+ прономинальный маркер или S (сочинительное словосочетание) + V (+ предлог) + прономинальный маркер	ССПП 2 – *(16) Они разговаривали между собой (о погоде)* *(17) Эти люди не знали ничего друг о друге;* *(18) Эти два старых учителя очень ценят и уважают друг друга.* *(19) Democrats and Republicans would criticize each other in committees by day, then attend the same backyard barbecues and by night.* *(20) We five neither knew nor wanted to know anything about each other.* *(21) "They sometimes fight among themselves."*
S (Singular) + V (+ предлог)[2] + O	ССПП 3 – (22) *Максим разговаривал с Денисом (о погоде).* *(23) Он воевал с петлюровцами.* *(24) He talked with his wife about quitting Bern.*

Как видим из таблицы 4, высказывания, в которых все взаимодействующие субъекты выражены в позиции подлежащего, относятся к типу ССПП 1. В англоязычной типологической терминологии данный тип реципрокальных конструкций называется *simple* (простая) [Nedjalkov 2007].

[1]Скобки в записи показывают, что предлог не обязателен, т. е. его наличие/отсутствие зависит от модели управления конкретного глагола. Ср.: *Они ненавидели друг друга, они разговаривали друг с другом, воевали друг против друга.*

[2]В данной конструкции нами были зафиксированы предлоги *с, против, супротив, на* (с глаголом *враждовать*). Конструкции с двумя последними предлогами являются архаичными.

В выделении ССПП 2 в наибольшей степени отражается лексико-синтаксический характер принятого в настоящем исследовании подхода: данный тип конструкций объединяет структурные схемы с предложной и беспредложной синтаксическими позициями, заполненными словами особого лексико-грамматического разряда – взаимными местоимениями (Согласно работе [Недялков 2004], *между собой* является местоименным модификатором, в работе [Летучий 2005] данный маркер рассматривается как сочетание предлога с местоимением, образующее наречие.

В ССПП 3 (в англоязычной терминологии – *discontinuous construction* [Nedjalkov 2007]) участники взаимной ситуации находятся «по разные стороны» от глагола-сказуемого, для выражения второго участника чаще всего используется комитативная конструкция с предлогом *с*.

Важно отметить, что во многих случаях принадлежность причастных и деепричастных употреблений к одному из данных типов ССПП также может быть диагностирована путем трансформации, см. ниже диагностический тест В. П. Недялкова (пример 25).

(25) *Разговаривая по телефону с Наташей, она проехала свою остановку* ← *Она разговаривала по телефону с Наташей и проехала свою остановку,*

где

разговаривать с X – комитативная конструкция, которая помогает диагностировать наличие второго участника ситуации.

Аналогично и с причастиями (примеры 26-27).

(26) <u>Поссорившийсяс Егором</u> сосед все еще таил на него злобу←*Сосед поссорился с Егором и таил на него злобу* (ССПП 3 в основе причастного оборота).

(27) Старик сделал замечание громко <u>разговаривавшим</u> в автобусе молодым людям (ССПП 1).

Определенную сложность представляет отнесение к тому или иному типу высказываний, содержащих эллипсис – во многих случаях в ССПП 3

позиция для второго участника опускается, однако по смыслу и грамматически исследователь может ее легко восстановить (пример 28).

(28) В классе наверняка есть девочки и мальчики, которые тоже хорошо учатся, но умеют и дружить. Ср.: *дружить с кем-либо*.

Как показал анализ, подавляющее большинство высказываний, содержащих в той или иной форме глаголы взаимного действия, классифицируются подобным образом.

Лексическая ориентация данной работы предопределила также обращение к теории моделей управления Ю. Д. Апресяна.

Исследование поведения лексемы в составе конструкции и то, как это поведение связано с категориальной лексической семантикой, в течение десятилетий было предметом изучения Ю. Д. Апресяна, чьи идеи легли в основу работ Московской семантической школы (см. о школе в работе [Апресян 2005]). Начав с «Экспериментального исследования семантики русского глагола» в русле идей популярной в 1960-е гг. трансформационной грамматики (см. работу [Апресян 1967]), Ю. Д. Апресян последовательно в четыре этапа в течение нескольких десятилетий разрабатывал теорию моделей управления. Его целью при этом было соединить в лексикографическом описании лексическую семантику и синтаксическое функционирование слова, что должно обеспечить адекватное «понимание» лексемы электронно-вычислительной машиной на языке машинного кода [Апресян 2010]. Так, в 1980-е гг. в Институте проблем передачи информации АН СССР группа специалистов под руководством Ю. Д. Апресяна приступила к разработке экспериментальной системы ЭТАП, в основу которой была положена теория моделей управления, генетически связанная с теорией «Смысл ⇔ Текст».

По признанию одного из последователей идей американской когнитивной лингвистики в России Е. В. Рахилиной, идеи грамматики конструкций Ч. Филлмора оказались родственны идеям Ю. Д. Апресяна еще 1960-х гг., так что можно сказать, что советский лингвист, работавший в сходном с американскими когнитивистами направлении, независимым

образом пришел к аналогичному пониманию стоящих перед теоретическим языкознанием задач и путей их решения. Более того, Ю. Д. Апресян еще в 1967 г. не только дал системное развернутое представление идеи о глубокой включенности лексемы в образуемую ей конструкцию (в плане функционирования и семантики), но и сделал полномасштабное описание «вручную» большого пласта глагольной лексики [Рахилина 2010].

Ниже мы проиллюстрируем, как теория моделей управления «работает» при обосновании универсального теста на реципрокальность, предложенного В. П. Недялковым.

Суть предлагаемого В. П. Недялковым диагностического теста сводится к серии трансформаций:

(29) Они спорят ⇔ А спорит с Б ⇔ Б спорит с А ⇔ Они спорят между собой.

В. П. Недялков отмечает, что в языке есть еще такие лексические реципроки, в которых не наблюдается аффиксального маркирования, а реципрокальное значение сосредоточено в корне [Nedjalkov 2007]. Именно такие реципроки претендуют на принадлежность к классу средств, скрытым образом выражающих взаимность, так как единственным формальным показателем их принадлежности к множеству средств выражения взаимности является их функционирование в определенном *типе предложений* (свойство криптокласса по Б. Уорфу [Уорф 1972]), допускающем идентичные трансформации с предложениями, в которых взаимность маркируется явным способом. Данная трансформация, согласно В. П. Недялкову, представляет собой универсальный формальный тест, применяемый для идентификации реципроков [Nedjalkov 2007, p. 8], и имеет следующий вид:

A and B – V – (pron) ⇔A – V – (prep) B⇔B – V – (prep) A, где A и B – субъекты, связанные взаимным отношением, V – глагольный предикат.

Осуществимость данной серии трансформаций является показателем наличия реципрокальной семы. При наличии реципрокального местоимения — это вдвойне очевидно. Ниже мы приведем обоснование применения

трансформационного способа выявления реципрокальной семы в контекстах, где специальный маркер взаимного отношения отсутствует.

Для этого мы обратимся к теории моделей управления глаголов Ю. Д. Апресяна, который описывал актантный состав глаголов, опираясь на структурные (синтаксические) и семантические показатели. Мы будем основывать дальнейшие построения на концепции трехуровневого моделирования. Эта концепция легла в основу одного из этапов в развитии теории моделей управления, который авторы теории назвали первым семантическим этапом. Для него характерны: описание модели управления предиката через аналитическое толкование глагольной лексемы и синтез семантики, синтаксиса и морфологии [Апресян 2010]. Глагол *talk* имеет в своих моделях управления в ССПП 1 и ССПП 3 разные наборы синтаксических актантов. Попытаемся разработать аналитическое толкование лексемы *talk* по схеме Ю. Д. Апресяна (см. примеры 30-33 и таблицы 5, 6).

(30) Or as Dr Dani Bevan, general manager of Powys health authority puts it: 'If we don't get the communications right, we(X) *can't talk to each other*(W).';

(31)I(X) *talked to him*(Y) *yesterday*;

(32)Union representatives(X) *have been talking with the president*(Y) *about the proposed law*(Z);

(33) Come here, I(X) *want to talk to you*(Y).

Таблица 5. Модель управления глагола talk (ориентация на первое значение по версии [Longman 2006]) для ССПП 3 (участник-1 – подлежащее, участник-2 – предложное дополнение, S = именная группа)

Семантический аспект синтаксического актанта	X – 1-й участник реципрокального отношения	Y – 2-й участник реципрокального отношения	Z– тема
Синтаксический актант (управляемый глагольной лексемой элемент замкнутого ряда словоформ)	X = S	Y = with S; Y = to S	Z = about S; Z = about wh-connector + clause

Таблица 6. Модель управления глагола talk (ориентация на первое значение по [Longman 2006]) в ССПП 1 (участник-1, участник-2 – подлежащее, S = именная группа)

Семантический аспект синтаксического актанта	X – участники реципрокального отношения	W – маркер реципрокального отношения	Z– тема
Синтаксический актант	X = S	W = with each other/one another; W = to each other/one another	Z = about S; Z = about wh-connector + clause

Очевидно, что если синтаксический актант X «вбирает» в себя всех участников реципрокального отношения[1], то мы переходим в альтернативную модель управления рамках ССПП 1. В ней валентность для нового синтаксического актанта W откроется для факультативного насыщения.

Теперь посмотрим, как соотносится предлагаемая процедура тестирования с системой структурных схем простого предложения – типовых

[1]В русском языке, например, в подобных случаях данный синтаксический актант представляет собой синкретичную именную группу (*Мы обсуждаем спорт*), сочинительное словосочетание (*Виктор и Ольга часто спорят о пользе спорта* (пример А. Мустайоки) [Мустайоки 2006, с. 215], или комитативную конструкцию (*Мы с Михаилом обязательно обсудим эту проблему*).

единиц, которые образуют основу всех высказываний [Волохина, Попова 2003] и произведем метаязыковое моделирование теста. Для этого возьмем приведенное выше высказывание *I want to talk to you*. Выйдем из конкретной модально-фазовой вариации – модальной фазы, принимающей в данном примере значение «ХОТЕТЬ» (см. о различных фазовых значениях монографию [Мустайоки 2006]), как явления, нерелевантного для определения структурных схем простого предложения и позиционной схемы высказывания (термины из работы [Волохина, Попова 2003]. Имеем:

I + talk + to you.

На метаязыке, разработанном Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой, ССПП для данного ряда словоформ может быть представлена следующим образом:

КТО + знак речевого действия + С КЕМ.

На англоязычном коде записи структурных схем наиболее адекватной нам представляется следующая формула:

S + V + O_{id}, (O_{id} =to+S) (1), где O_{id} – предложное дополнение.

Подвергнув ССПП этого высказывания трансформации в ССПП для реципрокальной диатезы, получим:

We + talk;

КТО (множественный актант) + знак речевого действия;

S (plural) + V (2);

или:

We + talk + to each other;

КТО (множественный актант) + знак речевого действия + (предлог) позиция для специального маркера реципрокального отношения;

S (plural) + V + (to) EACH OTHER/ONE ANOTHER (3).

Итак, применяемый тест сводится к следующей формулировке: если верно, что (1)`⇔ (2)`⇔ (3)`, то рассматриваемое высказывание является реципрокальным, где (1/2/3)` – высказывания с одной и той же пропозицией, построенные по структурным схемам (1), (2) и (3) соответственно.

Очевидно, что высказывания, образованные на основе всех трех ССПП: (1), (2) и (3), – будут иметь единую речевую пропозицию. Следовательно, ее типовой коррелят – реципрокальная языковая пропозиция – также останется неизменной, даже если мы будем задавать иные значения актантов и предикатных знаков (в рамках подкласса реципрокальных предикатов). Одновременно мы можем подвергать их взаимной трансформации. Следовательно, мы получили тест, который в случае с синтаксически свободным предикатным знаком (т. е. допускающим данный набор трансформаций) позволяет нам идентифицировать реципрокальную сему в употребленном глаголе.

Таким образом, базовые принципы системологии, функциональной грамматики, теории моделей управления и лексически ориентированного синтаксиса, взятые в контексте широкой концепции грамматики, довершают общую картину методологической базы данного исследования и дают нам возможность провести межуровневый анализ с целью установления статуса различных типов реципроков в языковой системе и, в конечном счете, определения устройства категории реципрокальности в языке.

Выводы из первой главы

Цель настоящей главы состоит в определении степени разработанности темы и создании методологического фундамента для дальнейшего исследования. Раздел 1.1 посвящен истории изучения реципрока в отечественном и зарубежном языкознании. Исторический экскурс сделан с целью учета накопленных знаний, подходов и приемов при выработке общей методологии данного исследования, а также определения терминологического аппарата и целей изучения скрытой реципрокальности в контексте разнообразных подходов, имевших место в исследовании реципрока. В разделе 1.1 рассмотрены различные подходы к изучению реципрокальности в мировом языкознании (функционально-типологический, формально-логический, психолингвистический). Вся история изучения реципрока сподвигла нас на новое исследование, направленное на дополнение понятийно-терминологического аппарата и развитие концептуального базиса, сформированных в рамках подхода В. П. Недялкова и Ю. П. Князева.

Раздел 1.2 посвящен собственно методологии исследования, которая строится на концепции недискретной грамматичности, как одновременно основе и перспективе развития теории скрытой языковой категориальности. Значительное внимание уделяется также используемым в работе идеям грамматики конструкций, системного подхода к описанию языковых явлений, континуально-дискретного принципа описания языковых явлений, теории моделей управления, лексически ориентированного синтаксиса Т. М. Чирко и Т. М. Ломовой, а также значению для данного исследования идей А. М. Ломова.

В данном разделе также был представлен понятийно-терминологический аппарат работы, включающий общие понятия широкой концепции грамматики, языковой категории, грамматикализованности, и такие специальные понятия, как реципрок в узком и широком смысле,

различные типы реципроков, реципрокальность, реципрокальный глагол. Определено, что данное исследование фокусируется на субъектно-ориентированных глагольных реципроках.

Описаны три типа структурных схем предложения, в которых наблюдается глагольное выражение реципрокальности: с подлежащим, в котором выражены все стороны реципрокального отношения с позицией для местоименного маркера реципрокальности и без таковой, а также с позициями для выражения разных сторон реципрокального отношения в разноименных (левом и правом соответственно) контекстах предиката. Подчеркивается, что эти типы выделяются на лексико-синтаксической основе.

Предложенный В. П. Недялковым диагностический тест на наличие в высказывании реципрокальной семы, являющийся основным при идентификации реципрокальности, обосновывается нами в свете теории моделей управления Ю. Д. Апресяна.

Таким образом, изучив историю вопроса и определив вектор и подход к решению задач описания глагольной реципрокальности, приступим к непосредственному решению стоящих перед нами задач в следующей главе.

Глава 2. Глагольный реципрок – категория явной и скрытой грамматики

Задавшись целью определить сущность категории реципрокальности, мы встаем перед следующими вопросами: что именно представляет собой категория реципрокальности? Как она может быть квалифицирована в аспекте явности/скрытости? Какие ее свойства проявляются на межъязыковом уровне, образуя типологически значимые закономерности? Решению данных вопросов и посвящена эта глава.

2.1. Основные характеристики и признаки глагольной реципрокальности

Настоящий раздел посвящен реципрокальной (взаимной) семантике и способам ее выявления в английских и русских высказываниях с предикатами – глаголами действия. Реципрокальная семантика глагольной лексемы оказалась связанной со средой функционирования глагола – трансформационным потенциалом синтаксических конструкций и лексическим окружением, что послужило основой для разработки способов идентификации реципрокальной семы в глаголе, употребленном в контексте высказывания.

2.1.1.Семантика взаимности и средства ее выражения

На данном этапе исследования нам необходимо построить наглядную метаязыковую модель реципрокальной семантики и рассмотреть диапазон разновидностей семантических структур и коммуникативных смыслов, представляющих различные грани интересующего нас явления.

Вначале представим метаязыковую модель реципрокальной пропозиции. Рассмотрим следующие примеры (34-37).

(34) I strongly disagree with the last speaker;

(35)“Ye speak with an ill tongue, friend”;

(36)They chatted away about the weather;

(37) It is difficult to converse with people who have extremists` views;

В примерах (34) и (35) речь идет об одностороннем действии, производимом агенсом. В примерах (36) и (37) сказуемое маркирует реципрокальное отношение между участниками ситуации.

Имеем:

- дифференциальный признак семантики высказываний 1 и 2 – присутствие в семантике предикатного знака семы одностороннего действия

- дифференциальный признак семантики высказываний 3 и 4 – наличие в семантике предикатного знака семы, референтом которой служит отношение взаимного обмена одинаковыми действиями.

Ниже представлен «строчный» алгебраический код – формула, описывающая пропозицию, типовую для подобных высказываний. Для 2-х элементов – семантических актантов А и В – имеем:

А/В=В/А, что читается как «А так относится к В, как В относится к А» (ср. определение реципрокальной семантики в работе [Князев 1998]), например:

(38) Дмитрий и Сергей разговаривают.

По аналогичному принципу взаимодействуют между собой актанты в семантических структурах с неограниченным или неопределенным числом участников, что происходит одинаково в английском и русском языках (примеры 39-40).

(39) Bats communicate with each other by making high-pitched noises.

(40) В нашей школе все педагоги относятся друг к другу с уважением.

В семантике высказываний данного типа присутствует некоторое множество участников, состоящее из n элементов, которое графически можно представить в виде n-угольника, из каждой вершины которого проведен n-1 вектор ко всем остальным вершинам, причем все (n-1)*n векторов маркируют идентичное семантическое отношение. Тогда приведенная выше формула приобретает следующий вид:

$$A_1\rho A_2=A_1\rho A_3=\ldots\ \ldots=A_1\rho A_n\ldots=A_n\rho A_1\ldots\ \ldots=A_n\rho A_{n-1},$$

где ρ – знак отношения в широком смысле слова; A_1, A_2… A_n – участники ситуации.

Данная формула справедлива для описания прототипической реципрокальной семантики, когда стороны находятся в непосредственных отношениях друг с другом.

Важно отметить, что формула, лежащая в основе реципрокальной пропозиции, отличается от формулы, описывающей одностороннее действие. Так, для высказывания 41 будет справедлива следующая модель пропозиции:

A/H = B/H = D/H = E/H…, где A, B, D, E– компоненты множественного субъекта, H – объект.

(41)Они увидели его.

Для реципрокального отношения образы сторон отношения могут быть представлены множественно-дистрибутивным агенсом (выражается множественным числом существительного или однородными подлежащими – существительными в единственном числе, см. пример 42).

(42) Дети перешептывались (между собой). Николай, Олег и Ярослав совещались насчет побега с уроков.

Множественно-собирательный агенс – субкатегория агенса, маркируемая именной группой с собирательным субстантивом, при реципрокальном предикате тоже возможна, хотя и не всегда – подобные примеры выглядят неестественно с местоименным реципроком (примеры 43-44). На подобную неестественность указывает, в частности, И. М. Кобозева [Кобозева 2000].

(43) В пивнушках этих кипела жизнь: игрались свадьбы, справлялись поминки, ***совещалась*** *местная* ***братва****, формировались «крыши» и «подставы», кого продавали за деньги, кого сдавали и так, из одного удовольствия сделать гадость ближнему.*

(44) Детвора перешептывалась между собой.*

Следует отметить, что, несмотря на универсальность формулы, лежащей в основе реципрокального значения, подобные значения весьма

неоднородны. Речь идет о вариативной конфигурации – схемы ситуации в рамках инвариантной реципрокальной пропозиции (ср. использование термина *пропозициональная конфигурация* у Т. М. Чирко и А. В. Быстрых в работе [Быстрых, Чирко 2005]). Мы составили классификацию различных значений, соотносимых с разными конфигурациями пропозиций и допускающими дальнейшие вариации уже на уровне коммуникативного компонента семантики высказывания (см. о пропозициональном и коммуникативном компонентах синтаксической семантики в работе [Кобозева 2000]). При построении данной классификации мы учли и использовали следующие положения и термины: деление реципроков по принципу субъектности – объектности (вводится в работах [Недялков 2004; Князев 2007]), термины *инкорпорирование* и *каузация* (понимаются нами в интерпретации А. Мустайоки [Мустайоки 2006]); термин *равнозначная вовлеченность* (заимствован нами из грамматики COBUILD [Collins COBUILD English Grammar 1990], термин *доминирующий объект* (восходит к термину *доминирующая направленность* в работах В. Ю. Копрова [Копров 2016а]).

Можно выделить следующие значения, выражаемые в русском и английском языках предикатами – глаголами речемыслительной деятельности (цифрами обозначены варианты пропозициональной семантики, буквами – коммуникативной):

1) <u>Субъектно-реципрокальные:</u>

А) субъектно-реципрокальные с равнозначно вовлеченными участниками (примеры 45-48). В примере 48 актант *Михаил* включен в семантику личного местоимения множественного числа в именительном падеже и также выражен вторым компонентом комитативной конструкции; данный тип конструкций назовем комитативной конструкцией с инкорпорированной в местоимение и продублированной второй стороной. Равнозначно вовлеченное участие представлено и в английском языке

(примеры 49-50) и выражено способами, идентичными способам выражения в русском языке, представленным в примерах 45 и 46.

(45) Они разговаривали.

(46) Они разговаривали между собой.

(47) Сергей с Михаилом разговаривали.

(48) Они с Михаилом разговаривали.

(49) They were talking about American food.

(50) The trouble was that they would all agree with each other.

Б) субъектно-реципрокальные с неравнозначно вовлеченными участниками (выделение ведущей активной роли первой стороны, примеры 51-52).

(51) Он разговаривал с Михаилом.

(52) After the judgement, Mr Hill struggled with prison officers….

В) субъектно-реципрокальные с неопределенным множественным субъектом и пассивизируемым на уровне синтаксической структуры объектом, не являющимся участником реципрокального отношения (примеры 53-55).

(53) Эта тема уже обсуждается и, хочется надеяться, что женские группы зададут правительству соответствующие вопросы.

(54) That provision was subject to differing interpretations in Korea, where the issue was debated widely.

(55) It is an issue often discussed in the media, as well as in the parliaments of the Confederation and the cantons in recent years.

2) Субъектно-реципрокальные с семантическим модификатором каузации, пассивизирующим на уровне семантической структуры одну из сторон (описывается каузация реципрокального действия, осуществляемая одной из его будущих сторон, примеры 56-58).

(56) Он разговорил его.

(57) I think I can get him to talk.

(58) (She) chatted up a receptionist having a smoke.

3) Квазиреципрокальные (создание автором иллюзии взаимного действия для приближения монологической письменной речи к форме диалога, прием установления контакта с читателем, здесь также возможна метонимия (по принципу «произведение вместо автора») и пассивные конструкции (примеры 59-62).

(59) *В следующем разделе будут обсуждаться актуальные проблемы семантического синтаксиса.*

(60) I`ll discuss the role of diet in cancer prevention in chapter 7.

(61) The second chapter discusses different approaches to the treatment of cancer

(62) The topic is discussed in detail under article 10.

4) Объектно-реципрокальные: А) с равнозначно вовлеченными объектами и Б) с доминирующим объектом (примеры 63-64):

(63) Он сопоставил факты/последний результат с предыдущим.

(64) I can`t tell Jane from Sarah/tell Jane and Sarah apart – they look so alike.

Смоделировав таким образом реципрокальную семантику, обратимся к анализу средств ее выражения. Комплексный структурно-семантический анализ требует, с одной стороны, рассмотрения семантического диапазона реципрокальных ситуаций (понятийных сфер, в которых может проявляться взаимность) и синтаксических конструкций, в рамках которых данные смыслы находят свое выражение.

Показывая семантический диапазон реципрокальных предикатов в английском языке, мы будем исходить из классификации предикатов, предложенной А. Мустайоки [Мустайоки 2006]. Согласно данной классификации все предикаты подразделяются, прежде всего, на предикаты действия и «не-действия». К последним относятся предикаты отношения и локации. Реципрокальная сема может присутствовать в предикатах действия, отношения и локации. Приведем примеры реципрокальных предикатов **отношения** (чувственно-эмоционального (примеры 65-66),

интеллектуального (пример 67), собственно отношений, выраженных глаголами *match, coincide, correspond, contrast, relate (to)* (пример 68), см. список глаголов в грамматике [Collins COBUILD English Grammar 1990].

(65) Often a man wishes to be alone and a girl wishes to be alone too and if they ***love each other*** *they* ***are jealous*** *of that* ***in each other***;

(66) Let us live near together and ***be kind to each other*** *and* ***love each other***.

(67) They ***did not*** *even all* ***know each other****, unlike a herd of cows, a coop of chickens, or a pen of pigs in communal mud*.

(68) The curtains and the paint ***don`t*** *quite* ***match***.

В русском языке к данной группе относится, например, глагол *совпадать*:

(70) Президент России отметил, что взгляды России и Иордании на события на Ближнем Востоке, в израильско-палестинских отношениях и на ситуацию в Ираке во многом ***совпадают***.

Теперь обратимся к реципрокальным предикатам **действия** и рассмотрим семантические подтипы действия, в которых возможно наличие реципрокальной семы (глаголы выбраны из списков в [Collins COBUILD English Grammar 1990] и классифицированы).

1) Физическое действие. Следующие английские глаголы могут выступать в качестве реципрокальных предикатов физического воздействия: *balance, cuddle, clash, collide, embrace, engage, fight, interact* (физически), *kiss, merge, mix, touch* и др. (примеры 71-72):

(71) The weight here ***balances*** *the weight here*;

(72) Susie and John ***were cuddling*** *in the cinema*.

2) Социальное действие: *clash, collide* (уже в значении противостояния между людьми), *combine, contend, conflict, cooperate, fight, interact, marry, meet* и др. (примеры 73-74):

(73) The President ***collided*** *with the Congress over the budget plans*.

(74) Within this there are three particular concerns: the practical reasoning employed by ordinary policemen and women to help them accomplish routine duties; how they ***interact*** *with various sections of the public, from ethnic minorities to road users…*

3) Интеллектуальное действие/деятельность: *think, understand* и др. (примеры 75-76):

(75) But what do the top stylists ***think about each other****?*

(76) They live in a big long slow world and we live in a small short fast one, and we ***can't understand each other****.*

4) Каузация (не)обладания: *exchange, give* и др. (примеры 77-78):

(77) The two teams ***exchanged*** *presents before the game.*

(78) In many countries, people ***give each other*** *eggs as part of the celebration of spring.*

5) Речевое действие (деятельность): *argue, consult, speak, talk* (примеры 49-62). В русском языке имеем предикаты всех указанных пяти подгрупп (примеры 79-83).

(79) Мы случайно ***столкнулись*** *с ней во дворе филологического факультета.*

(80) Мы уже эффективно ***взаимодействуем*** *с иранскими коллегами.*

(81) Они ***понимают друг друга*** *с полуслова.*

(82) Примем соглашение, согласно которому персонажи могут ***обмениваться*** *вещами.*

(83) Алевтина ***разговаривает*** *с Михайловым лицом к лицу.*

Как видим, с семантической точки зрения реципрокальные предикаты достаточно разнообразны.

Рассмотрев основные варианты семантики взаимности, перейдем к разбору различных средств, с помощью которых данная семантика выражается. Исследовательская цель при этом – приблизиться к тому разнообразию, которое демонстрируют средства выражения реципрокальности в языке. В процессе описания языковых средств мы будем

также приводить примеры из якутского языка и языков банту (обладающих различными маркерами реципрокальности), используя описательный и аналитический материал по данным языкам – в частности, из работ [Maslova 2007; NedjalkovI. V., Nedjalkov V. P. 2007]. Якутский язык – это тюркский язык, языки банту относятся к бенуэ-конголезской семье, все это языки агглютинативного типа. Таким образом, рассмотрение средств выражения реципрокальности в данных языках позволит рассмотреть, как представлен реципрок в языках с агглютинацией.

Понятие языковой категории не накладывает ограничений на уровень языковой системы, с которым соотносилась бы некоторая категория. В связи с этим, описывая соотносимые с семантикой взаимности элементы, мы будем говорить о синтаксических, фразеологических, лексических, морфологических средствах языка.

Выражение реципрокального значения на коммуникативно-синтаксическом уровне может осуществляться как неспециализированными, так и специальными средствами.

Первый способ в ряду синтаксических способов выражения реципрокальности применительно к русскому и английскому языкам назовем описательным, поскольку здесь осуществляется выход за рамки простого предложения – в сферу сложных предложений и даже далее – в сложное синтаксическое целое:

(84) Сложилась взаимовыгодная ситуация: Сергей помогал Павлу, Павел помогал Сергею (= Сергей и Павел помогали друг другу).

(85) Все кончилось тем, что я простил ее, она простила меня.

В подобных высказываниях часто наблюдается эллипсис, так как благодаря явлению параллелизма сознание легко достраивает пропущенный элемент:

(86) Стали мы дружить семьями. По праздникам мы к ним в гости, они к нам.

(87) Ты мне не снишься, я тебе тоже…

Приведенные выше примеры демонстрируют неграмматикализованное средство выражение семантики взаимности [Nedjalkov 2007]. Однако при этом мы видим здесь использование структурных возможностей языка в определенной функции, то есть перед нами пограничный феномен на стыке языка и речи. Как частный случай реверсивного параллелизма (хиазма) данная возможность языковой системы может использоваться в качестве изобразительно-выразительного средства языка (пример 88).

(88) I looked at the gun, and the gun looked at me.

Выражение идеи взаимности в рамках сверхфразового единства является уже не просто частным случаем использования «готового» языкового средства, а речевым, спонтанно возникшим, явлением (пример 89).

(89) Виктор уважал Наталью за скромность, порядочность, добросовестность. Наталья, в свою очередь, тоже уважала Виктора за его бескорыстие и честность.

Во второй части подобных единств или сложных предложений может использоваться заменитель, позволяющий нам избегать повтора, частично необходимого даже при эллипсисе. Развернутым заменителем будет перефразирование исходного высказывания при описании симметричного действия. Однако существуют и свернутые заменители-идиомы. Такими заменителями, например, в русском языке являются выражения *платить тем же, отплатить той же монетой, не остаться в долгу, отвечать взаимностью*, в английском – *pay back in somebody`s own coin, requite like for like, return like for like, turn the tables on, serve with the same sauce, reciprocate somebody's feeling*. Ниже приведем еще один подобный пример:

(90) She gave him as good as she got. – Она отплатила ему тем же.

Подобные идиомы относятся к сфере языка, развернутые же заменители второй части описательных реципроков – к сфере речи.

К сфере речи мы относим и случаи языковой игры, когда две симметричные друг другу пропозиции оказываются на разных уровнях синтаксической иерархии сложного предложения:

(91) Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я.

В последнем случае представляется целесообразным говорить о семантическом фрактале.

Однако в некоторых языках языковое кодирование реципрокальности в рамках сложного предложения, с которого мы начали разговор, является грамматикализованным. Дж. Хэйман приводит в связи с этим следующий пример из языка хуа (диалект папуасского языка ягариа):

(92) Joe Harry ebgi ***ga*** ***na*** *Harry Joe ebgi e. — Джо и Гарри били друг друга* [Haiman 1980, p. 532],

Где ***ga*** и ***na*** – маркеры кореферентности субъектов двух простых предложений в составе сложного [Nedjalkov 2007].

В рамках синтаксиса простого предложения в языках мира выделяются две основные конструкции, при условии определенного лексического наполнения выражающие реципрокальность. Это, во-первых, конструкция с множественным числом подлежащего, а во-вторых – конструкция с предложным дополнением «глагол + С КЕМ» (согласно принятой в лингвистике терминологии, каноническая (симметричная) и комитативная (асимметричная) конструкции соответственно [Nedjalkov 2007]). В качестве примеров высказываний, в основе которых лежат вышеназванные типы конструкций, сравним два высказывания на бантуском языке венда. Этот язык интересен тем, что сочинение в рамках подлежащего, выраженного двумя именными группами, и комитативная конструкция маркируются одним и тем же элементом *na*, то есть меняется только порядок следования элементов в синтагме и маркер числа подлежащего, на которое ориентирован глагол-сказуемое:

(93) musidzana na mutukana vha khou rw-an-a. – Девочка и мальчик бьют друг друга [Poulos 1990, p. 189] – пример симметричной конструкции.

(94) musidzana u khou rw-an-a na mutukana. – Девочка дерется с мальчиком [Poulos 1990, p. 189] – пример асимметричной конструкции.

Последняя синтаксическая структура может считаться классификатором реципрокальности для глаголов с реципрокально-односторонней полисемией. Речь идет о глаголах, в семантеме которых присутствуют как значения односторонних действий, так и значения действий взаимных. Таковыми, например, в английском языке являются глаголы *speak* и *talk* (в реципрокальном употреблении проецирующие комитативную конструкцию с предлогами *with* и *to (95-98).*

(95) While she spoke with the doctor, I caught up with her and went out on deck toward the ramp.

(96) Which of them had you rather talk with?

(97) Before the war, in Leningrad, there had been few opportunities to speak to foreigners.

(98) ...he would have given anything to talk once again to his friend Lunacharsky – they had always understood one another so quickly, so easily.

В случае употребления подобных глаголов в данной конструкции или возможности трансформации высказывания с подобными глаголами в эту конструкцию мы можем говорить об употреблении того или иного глагола в его взаимном значении.

В противоположность приведенным выше примерам, следующие высказывания демонстрируют употребления тех же глаголов в одностороннем значении:

(99) Anselmo was speaking old Castilian and it went something like this, — Art thou a brute?

(100) The scholar began to speak guardedly of his surmises.

(101) Oh, Alan, you must have known I was talking nonsense.

Однако в ряде случаев даже при наличии комитативной конструкции в контексте присутствуют маркеры, указывающие на односторонний характер действия, выражаемого одним из рассматриваемых глаголов. Таковыми могут быть обстоятельства образа действия, подчеркивающие односторонний характер последнего:

(102) Come now, I'm talking to you as I would to any adult.

(103) He tried not to frighten people, spoke gently and politely to them, and always presented his left profile so the scar on his cheek would not be seen.

В отдельных случаях в рамках комитативной конструкции семантика возвратности и взаимности накладываются друг на друга – происходит их суперпозиция (примеры 104-105).

(104) It was as though he were talking to himself.

(105) Тихо сам с собою я веду беседу.

Специализированный синтаксический способ выражения реципрокального значения состоит в реализации в рамках отдельной синтаксической позиции реципрокального прономинального маркера, присоединяемого к предикату (ССПП 2, см. примеры 3-6).

Перейдем к фразеологическим средствам выражения реципрокальности. О некоторых фразеологических единицах, мы говорили выше в связи с заменителями во второй части описательного выражения реципрокальности. Однако с помощью идиом семантика взаимности может передаваться и в рамках простого предложения без обязательного привлечения предыдущего контекста. Это справедливо для русских фразеологических оборотов со значением обмена или возмездия: *баш на баш, кровь за кровь* и т. д., а также английских, например, *an eye for an eye, give a Roland for an Oliver*. Последнее выражение представляет для нас особый интерес, так как оно входит в множество глагольных выражений реципрокальности:

(106) …and another defect of my character is that I enjoy the company of those however depraved who can give me a Roland for my Oliver.

К лексическим средствам выражения реципрокальности, в первую очередь, необходимо отнести реципрокальные местоимения – существующие во многих языках специальные лексические маркеры реципрокальности [Nedjalkov 2007]. К ним, в частности, относятся русские местоимения *друг друга* и *один другого* английские местоимения *each other* и *one another*.

Данные местоимения в предложении замещают позицию объекта, на семантическом уровне являясь модификаторами значения глагола-предиката.

Во многих языках выражение реципрокальности связано со средствами выражения возвратности. Эта связь может быть деривационной, как в якутском языке, где реципрокальное местоимение *beje-beje* образовано путем редупликации от возвратного местоимения *beje* [Nedjalkov 2007].

(107) Kiniler beje-beje-leri-n homuruj-s-al-lar. – Они укоряют друг друга (пример из [Nedjalkov 2007, p. 1099].

Однако часто и возвратные местоимения способны, присоединяясь к глаголам определенной семантики, передавать значение взаимности, в силу развившейся у них реципрокально-рефлексичной полисемии. Таково, например, местоимение *sich* в немецком языке, *si* – в чешском, *си* – в болгарском, *se* – в испанском. В. П. Недялков в связи с подобными случаями пишет о рефлексивно-реципрокальной полисемии реципрокальных показателей в целом (не только местоимений) (см.: [Недялков 2004]). И. А. Мельчук отмечает, что тенденция к развитию подобного вида полисемии характерна для индоевропейских и урало-алтайских языков [Мельчук 1998].

Кроме ядерных, прототипических лексических показателей реципрока в синтагме могут встречаться и менее частотные средства – лексемы или их сочетания, модифицирующие значение высказывания. Б. А. Летучий называет их периферийными показателями реципрока и относит к ним прилагательные *взаимный*, *обоюдный*, наречия *взаимно* и *обоюдно* и сочетание *между собой* [Летучий 2005], средства последних двух типов называются также спецификаторами адвербиального и местоименного типа [Nedjalkov 2007].

В английском языке также есть подобные показатели – прилагательные *mutual* и *reciprocal*, наречия *mutually*, *reciprocally*, сочетание *between your-/our-/themselves*.

В языках мира существует также значительное количество полнозначных лексем, содержащих в себе значение взаимности. Выражение взаимности такими словами может быть никак не связанным с какими-либо аффиксами, быть сосредоточенным в корне – *дружить, враждовать, feud, kiss* (в значении «целоваться»). Подобные средства могут иметь в своей морфологической структуре и формальный реципрокальный показатель. Однако языковеды не относят их к грамматическим реципрокам на том основании, что данные лексемы не имеют соотносительных коррелятов с односторонней семантикой без соответствующего реципрокального показателя – ср. *договариваться* и *договаривать (до конца)*.

Как уже говорилось выше, подобные языковые средства в специальной литературе обозначаются как лексические реципроки [Недялков 1991] (А. Борилло называет такие глаголы «симметричными», см.: [Borillo 1971]).

Теперь перейдем непосредственно к морфологическому выражению реципрокальности. Морфологические средства реципрокальности являются словообразовательными средствами (см. о понятии грамматикализованности в разделе 1.2):

- Постфиксальный тип (например, постфикс *-ся* в русском и *-ся/-ца* в белорусском языке): *жаницца, радницца*.

(108) Бацька і сын обняліся (пример из [Антонюк, Михневич 1978, с. 188]).

Реципрокальные постфиксы, как мы видим на примере постфикса *-ся* в русском языке, также могут обладать свойством рефлексивно-реципрокальной полисемии (ср. *умываться* и *общаться*).

- Суффиксальный тип – например, суффикс *–s-/-h-* в якутском языке – *tiej-s (возить),* а также суффиксы множественного действия в языках банту – *-an-, -ana-* и другие (109). См. высказывание на якутском языке:

(109) Kiniler ot tiej-s-el-ler. – Они возят друг другу сено (пример из [Nedjalkov 2007, p. 1098]).

Ср. с высказыванием на языке тонга, где для выражения взаимности используется суффикс -*ana*-:

(110) bana ba-la-yand-ana. – Дети любят друг друга [Collins 1962, p. 74].

У данных суффиксов также наблюдается полисемия, подобно рефлексивно-реципрокальной полисемии местоименных показателей реципрока. Так, суффикс -*s*-/-*h*- в якутском языке, кроме реципрока, передает еще значения смежных семантических категорий: социатива (совместное действие) и ассистива (помощь в осуществлении действия) [Nedjalkov 2007]. Аналогично в языках банту: суффикс -*ana*- в языках суахили, руанда и тсвана и родственный ему суффикс -*an*- в языке венда являются маркерами синкретичной категории множественности действия, в рамках которой в различных контекстах выделяется реципрок и социатив [Maslova 2007]. У суффиксальных показателей реципрока также может наблюдаться рефлексивно-реципрокальная полисемия. Например, суффикс –*v* в армянском языке имеет как возвратное, так и взаимное значение: ср. *lvac-v* (мыться) и *grk-v* (обниматься) [Мельчук 1998, Т. 2, с. 411].

- Префиксальный тип (например, префиксы *раз*- и *с/со*-, префиксы *di*- и *co/con*- в английском языке: *развести, свести, differ, collaborate*). Интересно выражение реципрокальности в языке лувале (банту), где оно может передаваться с помощью возвратного префикса -*li*-:

(111) Vali na-ku-li-veta. – Они бьют друг друга [Horton 1949, p. 117].

- Префиксально-постфиксальный тип (например, комплекс *пере-/раз-/со-… -ся* в русском языке: *переглядываться, расходиться, сходиться*).

- Префиксально-суффиксальный тип – для иллюстрации данного типа выражения семантики взаимности также можно обратиться к языку лувале, где реципрокальность может выражаться сочетанием возвратного префикса -*li*- с реципрокальным суффиксом -*asana*, например, в глаголе -*li-iw-asana* (прийти к согласию друг с другом) [Horton 1949, p. 103].

Последовательное рассмотрение глагольных морфологических и лексических средств выражения в русском и английском языках позволяет увидеть в них разные степени грамматикализованности категории реципрокальности.

В русском языке наибольшую грамматикализованность категория реципрокальности получает в лице лексико-грамматического разряда взаимно-возвратных глаголов. При этом данный класс отнюдь не будет внутренне однородным. Ср. глаголы: *обниматься, переглядываться, общаться*.

Наиболее грамматикализованными средствами выражения реципрокальности логично считать те взаимно-возвратные глаголы, которые образованы путем прибавления постфикса *-ся* к их односторонним коррелятам. Односторонний коррелят реципрокального глагола – это глагол, несущий значение, идентичное значению глагола на *-ся*, но без семы взаимности (ср.: *бранить* и *браниться*, где постфикс *-ся* привносит значение взаимности).

Другие взаимно-возвратные глаголы образуются от своих односторонних коррелятов префиксально-суффиксальным способом – с помощью приставки *пере-*, суффикса *-ыва-/-ива-* и постфикса *-ся* (*перестреливаться, переглядываться*). Такие глаголы Ю. П. Князев назвал мультипликативно-взаимными, т. к. их денотатами являются многократно повторяемые действия [Князев 2007].

Третий способ образования взаимно-возвратных глаголов – от непереходных глаголов движения с помощью приставок *с-/со-* и *раз-* и постфикса *-ся* (*разойтись, сойтись, съехаться*).

К взаимно-возвратным глаголам четвертого типа относятся префиксально-постфиксальные глаголы (наподобие *рассредотачиваться, соединяться*), образованные от глаголов, уже имевших значение взаимности.

Существуют также глагольные лексемы, которые имеют постфикс *-ся*, но семантика которых включает существенные отличия от их исходных

коррелятов без -*ся* (ср.: *сражать – сражаться*), или такие корреляты у них вовсе отсутствуют (например у глагола *общаться*).

Далее на шкале грамматикализованности идут префиксальные глаголы с семантикой взаимности (*разъединять, сотрудничать*). Частотность использования для выражения взаимности имеющихся у них префиксов серьезно разнится. Ср., например, употребление таких распространенных для выражения взаимной семантики префиксов, как *со-* и *раз-* (*разделить, совпасть, сопоставить*), и единичные использования префикса *об-* (*обсуждать, обговаривать*). Кроме того, у некоторых из этих глаголов префиксальная деривация восстанавливается только этимологически (например *сплетничать*).

Наконец, наименее грамматикализованными являются так называемые корневые глаголы (термин В. П. Недялкова [Nedjalkov 2007]), которые представляют противоположный взаимно-возвратным – нулевой – полюс шкалы грамматикализованности – например, *дружить, воевать, беседовать*. Здесь семантика взаимности не получает морфемного выражения. Поэтому данные языковые единицы являются лексическими средствами выражения реципрокальности. Одновременно они составляют скрытый сегмент глагольной реципрокальности в русском языке.

В свою очередь, в английском языке глаголами с наибольшей грамматикализованностью семантики взаимности являются префиксальные глаголы. При этом префиксы, привносящие в глагол реципрокальное значение, серьезно различаются по частоте их использования в данной функции. Так, наиболее частотными являются префиксы *co-* и *di-* (*correspond, diverge*). Часто данные префиксы, подобно их русским аналогам, восстанавливаются из корня лишь этимологически. Так как в данном случае речь идет о заимствованных словах, исследователю при идентификации префикса приходится обращаться к языку-источнику – латинскому, а также проводить внутриязыковое сопоставление исторически

однокоренных слов (как в случае, например, с глаголами *conflict*, *differentiate*).

В английском языке есть и не столь распространенные приставки, также выражающие реципрокальность. Таковы префиксы *inter-*, *ex-*,и *over-*, причем два последних в качестве средств выражения взаимности встречаются в единичных случаях (*exchange, overlap*). Нулевая степень грамматикализованности реципрокальности в английском языке тоже существует и представлена разнообразным в семантическом плане множеством глаголов (*argue, fight, meet, talk*).

Сопоставляя соответствующие классы глаголов в обоих языках (см. таблицу 7), мы видим, что в русском языке есть корреляты всех морфологических типов глагольного выражения взаимной семантики имеющихся в английском языке. Кроме них, в русском языке есть отсутствующий в английском показатель взаимной семантики, образованный от возвратного местоимения – постфикс *-ся* – и связанный с его наличием лексико-грамматический разряд взаимно-возвратных глаголов.

Таблица 7. Грамматикализованность категории реципрокальности в русском и английском языках

Язык	Способ выражения	Глагольный разряд	Примеры
русский	синтакси-ческий	глаголы со значением одностороннего действия/отношения + местоименный маркер	*знать друг друга,* *смотреть друг на друга*
	морфо-логиче-ский	собственно взаимно-возвратные глаголы с постфиксальной деривацией	*ругаться,* *браниться,* *обниматься,* *целоваться*
		взаимно-возвратные – мультипликативно-взаимные глаголы	*перебрасываться, переписываться, перешептываться*

		взаимно-возвратные – префиксально-постфиксальные глаголы, образованные от непереходных глаголов	*сойтись, разойтись, съехаться*
		взаимно-возвратные – префиксально-постфиксальные глаголы, образованные от других реципрокальных глаголов	*соединяться, рассредотачиваться ссориться*
		взаимно-возвратные глаголы со сложной деривацией	*общаться, сражаться*
		префиксально маркированные глаголы	*разговаривать, сопоставлять, обсуждать,*
		глаголы с этимологически выделяемым префиксом	*сплетничать, соперничать*
	лексиче-ский	скрытое выражение реципрокальности	*говорить, воевать, враждовать, дружить, мирить*
англий-ский	синтакси-ческий	глаголы со значением одностороннего действия/отношения + местоименный маркер	*see each other, think about each other*
	морфоло-гический	префиксально маркированные глаголы	*correspond, diverge, interact, exchange, overlap*
		глаголы с этимологически выделяемым префиксом	*consult, differ*
	лексиче-ский	скрытое выражение реципрокальности	*blend, chat, fraternize, negotiate*

В общетеоретическом плане мы можем сделать вывод о том, что грамматикализованность глагольной реципрокальности в русском и английском языках – это шкала состояний, в которой переход от грамматикализованнных состояний (грамматической единицы) к скрытым

(грамматическому нулю) осуществляется через классы промежуточных состояний.

В самом общем виде мы можем представить все перечисленные выше средства выстроенными по оси: лексика – словообразование – синтаксис.

Однако последовательно описать несколько множеств языковых элементов, выделяемых по их принадлежности к тому или иному уровню языка, рядоположив их друг с другом, означало бы дать незаконченную картину. Ведь в действительности мы имеем особым образом организованное взаимодействие единиц разных уровней при выражении интересующей нас семантики. Здесь мы сближаемся с пониманием функционирования языка, принятым в теории функциональной грамматике, где постулируется взаимодействие языковых уровней [Бондарко 1967], и, одновременно, с грамматикой конструкций, в которой говорится вообще о взаимопроникновении единиц разных уровней в рамках конструкции.

Для того чтобы понять, как устроено взаимодействие разных уровней при выражении реципрокальности вновь обратимся к принципам системологии Г. П. Мельникова. Наиболее продуктивным элементом его теории для разрешения данного вопроса является концепция многоуровневых систем, представленная в работе [Мельников 1978]. Согласно данной концепции системы в реальной действительности как бы вкладываются друг в друга: система одного уровня является одновременно и элементом системы более высокого порядка, и средой для подсистем уже внутри себя. Система-среда по отношению к исходной системе будет называться «надобъект», системы-элементы – «подобъектами» [Мельников 1978].

Иерархия уровней языка представляется нам вполне изоморфной представленной модели. Однако при построении подобного конструкта исследователю необходимо определиться с исходным уровнем моделирования. Естественно, что он должен быть организован вокруг определенной основной единицы языка. К таковым академик

В. В. Виноградов относил слово и предложение [Виноградов 1986]. Предложение представляется весьма возможным претендентом на статус центрального, исходного уровня построения конструкта как единица, выполняющая главную функцию языка – коммуникативную. Однако средой по отношению к предложению будут, как мы уже говорили, явления, не собственно языковые, пограничные с речью и речевые. Слово, напротив, «погружено» в предложение – языковую единицу во всех отношениях. Существование слова объективно и реально [Виноградов 1986; Аничков 1997]. В отличие от морфемы слово обладает позиционной самостоятельностью, важным является также свойство цельнооформленности слова (см. об этом работы [Маслов 1987; Аничков 1997]). При этом слово само является средой для морфем, также значащих языковых единиц. Однако самый главный аргумент в пользу принятия слова как исходного элемента – семиотический. Согласно З. Д. Поповой и И. А. Стернину, только слово (признаваемое авторами основной единицей языка [Попова, Стернин 2009]) из всех других элементов языка разных уровней вступает во все четыре типа знаковых отношений [Попова, Стернин 2004].

Таким образом, системы морфологических показателей реципрока (словообразовательных элементов) и синтаксических конструкций, в которых выражается реципрокальность, будут подсистемой и надсистемой по отношению к системе лексем (полнозначных и модификаторов) соответственно (см. схему 1).

Схема 1.Многоуровневая система языковых средств выражения реципрокальности

В данной системе наблюдаются следующие межуровневые связи. Полнозначные лексемы функционируют в составе синтаксических конструкций. Полнозначные глагольные лексемы при этом выступают их предикатами. Модификаторы – местоимения и некоторые другие периферийные показатели – проецируются полнозначными лексемами, употребленными в определенной синтаксической функции в рамках тех же конструкций. В свою очередь, полнозначные лексемы могут иметь в своем составе морфологические показатели реципрока, являясь при этом либо грамматическими, либо лексическими реципроками.

Однако далеко не все так просто. Описанная выше система настолько пронизана промежуточными состояниями, что все три составляющие ее эллипсиса можно было бы с полным правом нарисовать прерывистыми линиями.

Так, по верному замечанию В. М. Алпатова в его вводной статье к работе И. Е. Аничкова «Об определении слова», слово, наглядно выделяемое во флективных языках, становится довольно сложно выделить из предложения на основе тех же критериев в языках агглютинирующего типа см.: [Аничков 1997]). Сам И. Е. Аничков говорит лишь об относительной самостоятельности и об относительной прочности как свойствах слова [Аничков 1997].

Если посмотреть на границу между лексикой и морфологией, то и там мы обнаружим размытые участки. Выше мы говорили о невыделяемых на синхронном уровне префиксах. Та глубина, на которой происходит изменение семантики глагола при образовании формы на *-ся* от ее соотносительного коррелята, тоже, как было показано выше является различной. Последнее свидетельствует в пользу существования большего или меньшего сходства каждой конкретной деривации со словоизменением.

Выше мы также говорили о различных реципрокальных показателях – возвратных местоимениях, употребляемых в реципрокальном значении и генетически связанных с ними постфиксах (относительно последних см. примеры из русского и белорусского языков). В. П. Недялков в силу функционального, формального и генетического сходства данных единиц объединяет их в класс клитик [Nedjalkov 2007]. В. А. Плунгян говорит о шкале морфологизации, включающей клитики как промежуточное состояние между местоимениями и аффиксами [Плунгян 2003]. Все вышесказанное также свидетельствует в пользу недискретности границы между морфемами и лексемами.

Что касается синтаксической системы, то ее границы с нижестоящей лексической системой также оказываются недискретными. Данная недискретность проявляется, во-первых, в часто наблюдаемом отсутствии принципа свободной заполняемости синтаксических конструкций, равно как и свободной сочетаемости лексем, замещающих эти позиции, наличии тяготения лексем к тем или иным конструкциям (см. об этом работу [Ломова,

Чирко 2010], а также труды И. Е. Аничкова по идиоматике как науке-посреднице между синтаксисом и семантикой [Аничков 1997]).

Вытекающий из вышесказанного принцип необходимости учета лексического наполнения при анализе синтаксических конструкций, а также принципиальная возможность и научная продуктивность построения интегральных, лексико-синтаксических классификаций (см., например, принцип построения лексико-грамматического тезауруса [Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs 1996]) являются аргументами в пользу интегрального рассмотрения лексики и синтаксиса и, как следствие, диффузности границы между ними.

Если же говорить о внешней границе синтаксической подсистемы средств выражения реципрокальности, то, как мы уже убедились, она также представляет собой градуальное образование. Во-первых, туда включается выражение в рамках сложного предложения при условии определенного лексического наполнения в рамках сложного предложения, во-вторых – выражение в рамках макрокомпонента в составе текста – сверхфразового единства. Принципиальная возможность «собрать» содержимое двух соседних предложений в одно и, наоборот, разнести по разным предложениям содержание одного сложного предложения приближает первый способ выражения к тексту (речевому произведению), а второй – к предложению (языковой единице). При этом включение фактора лексического наполнения сложных предложений при описательном выражении реципрокальности характеризует данный тип выражения как речевой. В то же самое время этот речевой тип выражения непосредственно связан со структурными возможностями языка. Таким образом, мы получаем очередную промежуточную зону – на границе предложения и высказывания, сложного предложения и текста и шире – языка и речи.

Итак, нам представляется справедливым говорить о континууме, образованном подсистемами средств выражения выражения реципрокальности разных уровней.

2.1.2.Способы идентификации реципрокальной семантики

У английских глаголов, несущих реципрокальную семантику, отсутствует постфиксальный маркер данной семантики, соответствующий маркеру *-ся* у русских взаимно-возвратных глаголов (*встречаться, мириться*). Многие глаголы не имеют префиксов, привносящих взаимную семантику в их лексическое значение (*inter-, co-),* а также, как видно из приведенной выше классификации, не все глагольные предикаты имеют при себе специальный лексический маркер взаимного значения. В подобных случаях (отсутствии морфологических и контекстуальных лексических показателей) нам представляется логичным говорить о скрытом выражении реципрокальной семантики. Наличие подобной особенности в языке создает необходимость в разработке процедур выявления реципрокальной семантики на основании объективных, по возможности формализованных критериев.

Такие процедуры-тесты востребованы как с точки зрения решения переводческих задач, так и для уточнения лексического значения лексико-семантических вариантов глагола в контексте лексикографического описания. Так, например, глагол *speak* даже в рамках одного и того же лексико-семантического варианта, соотносимого с первым значением по версии словарей Collins COBUILD Advanced Learner`s English Dictionary и Longman Dictionary of English Language and Culture [Collins COBUILD 2006; Longman 2006], имеет как реципрокальные употребления, так и употребления с семантикой одностороннего действия [Картавцев 2016].

В результате проведенного исследования были выявлены новые способы идентификации глагольных реципроков идетально проанализированодин уже описанный ранее – предложенный В. П. Недялковым диагностический тест. Рассмотрим их подробно.

1) <u>Универсальный тест на реципрокальность</u> – ССПП 1⇔ ССПП 3 ⇔ ССПП 2 (см. на примере высказывания 112):

(*112*) *Did he say* ***why they were fighting****? =>A was fighting B ⇔ B was fighting A ⇔ They were fighting ⇔ They were fighting each other*.

(113) ***Эти районы постоянно враждовали*** *=> Район А враждовал с районом Б ⇔ Район Б враждовал с районом А ⇔ Районы А и Б враждовали ⇔ Районы А и Б враждовали друг с другом.*

Однако в некоторых случаях трансформация оказывается невозможной в силу специфики синтаксической конструкции, например герундиальной (пример 114).

(114) It is not worth ***fighting*** *about*. Не стоит из-за этого драться.

Подобные случаи требуют иного способа идентификации взаимного значения – логико-семантической интепретации, который будет рассмотрен ниже.

2) Логико-семантическая интерпретация – способ идентификации взаимного значения, позволяющий определить наличие реципрокальной семы в высказываниях, где реципрокальный предикат выражен синтаксически связанной.

В примере 114 перед нами положение дел, пропозиция которого восходит к двум логическим множителям и закодирована в герундиальной форме.

Данная интерпретация будет сложной, потому что в высказывании имеется оценочная модальность, распространяющаяся на две пропозиции. В данной интерпретации аргумент Z – некое положение дел, X и Y – участники ситуации:

Некоторое положение дел Z не стоит того, чтобы возникла ситуация, когда: *X fights with Y* по причине, связанной с Z, и *Y fights with X* по причине, связанной с Z».

В русском языке имеем аналогично (115).

(115) Между ними возникла вражда ⇔ Между ними возникла такая ситуация, что истинными стали следующие утверждения: *А враждовал с Б * Б враждовал с А.*

Сердитая хозяйка вымела из кухни дерущихся котят => «участник X вымел участников Y и Z, причем одновременно имели место два положения дел: *Y дрался с Z* и *Z дрался с Y*.

3) Третий способ идентификации глагольных реципроков актуален в тех случаях, когда в поверхностной структуре высказывания выражен лишь один участник ситуации, что также делает невозможным непосредственное применение универсального теста на реципрокальность. Здесь мы обращаемся к принципу синсемантичности английской лексики, сформулированному английским лингвистом Дж. Синклером и получившему теоретическую базу и дальнейшее развитие в рамках Грамматики конструкций и лексически ориентированного синтаксиса (см. работы [Sinclair 1991; Ломова, Чирко 2010; Рахилина 2010]). В данной ситуации оказывается эффективным способ определения реципрокальности элемента по характеру синтагматически связанного с ним элемента, например, в тех случаях, когда последний является лексическим реципроком в функционально-синтаксической позиции дополнения или обстоятельства.

(116)…Mr Guerra, a fellow Andalucian, would have ***fought*** *a duel over this remark* (реализуется значение «драться на дуэли»);

(117)You don't have to be in the army to ***fight*** *in the war*.

В ряде случаев, напротив, правосторонний распространитель маркирует односторонний характер действия (118).

(118)Your children must learn to ***say*** *"please" and "thank you"*.

В примерах 117 и 118 присутствует актант темы – реплики, представляющие лишь одну из сторон дискурсивного события.

Мы также можем реконструировать незаполненную в данной реализации структурной схемы синтаксическую позицию для второго участника (пример 119).

(119) Did your father ***fight*** (С КЕМ) *in the last war*? <=*My father* ***fought*** *against Japanese in the last war*;

И другой пример (120), с уже заполненной позицией.

*(120) These men had **fought** the Japanese in the Second World War,*

В семантической структуре высказывания 119 присутствует участник, не выраженный в поверхностной синтаксической структуре при реализации схемы, инвариантной для данного лексико-семантического варианта глагола. Наличие (подразумеваемое) данного участника-2 – противника участника-1, выраженного подлежащим, мы восстанавливаем путем сопоставления с другой реализацией той же схемы (пример 120).

Аналогично и в русском языке (жирным шрифтом записан реконструированный элемент):

*(121) Мой папа **воюет** <= Мой папа **воюет** с немцами*;

*(122) Ведь за это мы воевали (**с фашистами**) в Отечественную войну, за это отдавали свои жизни.*

Как признак реципрокальной семантики рассматривается также употребление определенных (многозначных) глаголов в комитативной конструкции, которая в данном случае служит классификатором реципрокальных глаголов:

*(123) You **talked** to him the first time*;

*(124) Добрусин **разговаривал с** Евгением Киселевым.*

Данная синтаксическая проекция (комитативной конструкции) свойственна реципрокальным лексико-семантическим вариантам глаголов и, наоборот, несвойственна односторонним:

(125) Human beings can talk, animals can`t (речь идет об односторонней способности продуцировать речь);

(126) Он не мог (физическая невозможность) *разговаривать* (= одностороннее действие)*, потому что рот его был занят едой.*

Поскольку такие глаголы, как *говорить, разговаривать, speak, talk* имеют в своем плане содержания как реципрокальные значения, так и значения одностороннего действия, мы говорим о наличии у них реципрокально-односторонней полисемии.

В ходе исследования мы столкнулись со следующими ограничениями, не позволяющими свободно применять формализованные методы работы с языковым материалом.

1) Использование глагола в составе статусно-маркированного речевого акта, например, требования об одностороннем прекращении/отмене действия, направленного на говорящего, когда наблюдается побледнение реципрокальной семантики (примеры 127-128):

(127) Don`t argue with me!

(128) Не спорь со мной!

В этой связи см. о понятии прагматической неидентичности конструкций с реципроками в работе [Nedjalkov 2007].

2) Характер синтаксической конструкции, не позволяющий использовать метод мены диатез и заставляющий нас обратиться к логико-семантической интерпретации (см. пример 113).

3) Глагольный дейксис – антропологический фактор, препятствующий рокировке актантов в активной диатезе (см. о дейксисе в лекциях Ч. Филлмора и статье Ю. Д. Апресяна [Fillmore 1975; Апресян 1986]. Так, при описании соприкосновения существует тенденция выбирать подлежащим подвижный предмет по отношению к неподвижному относительно наблюдателя (примеры 129-130):

(129) Don`t let your coat touch the wet paint.

(130) Ее платье касалось пола (но не наоборот).

Фиксация подлежащего за одним из семантических участников ситуации блокирует возможность трансформации. Ю. П. Князев по этому поводу пишет, что «чем более однотипными… являются актанты реципрокального действия или отношения, тем более допустима его обратимость» [Князев 2007, с. 318]. См. также работы [Cooper 1975; Князев 2007] об обратимости и порядке актантов и работу [Talmy 1983], посвященную категоризации пространства языковым сознанием. В

последней работе, в частности, сказано о том, что больший по размеру объект выбирается языковым сознанием в качестве основы [Talmy 1983].

Обобщая, можно сказать, что мы наблюдаем пример связи грамматической категории взаимности и логической симметрии при отсутствии тождества между ними (см. о данном характере связи монографию [Колшанский 1965]).

Важно отметить, что вышеперечисленные способы идентификации глагольных реципроков не существуют изолированно, взаимодополняют друг друга, образуя своеобразный комплекс диагностирующих средств: логико-семантическая интерпретация и реконструкция позиции для второго участника необходимы для того, чтобы дать исследователю возможность применить универсальный тест на реципрокальность, наличие реципрока в контексте делает реципрокальную семантику более очевидной, «проявляет» ее, дополняя, но не отменяя универсального теста. Одновременно в данную систему вписывается и комитативная конструкция-классификатор. С одной стороны, иногда (при установлении реципрокальности того или иного употребления глагола с реципрокально-односторонней полисемией) само наличие данной конструкции говорит о том, что перед исследователем – высказывание с реципрокальной семантикой. Однако, с другой стороны, комитативная конструкция является при более широком рассмотрении лишь одним из звеньев трансформационной цепочки, которой, в конечном счете, должно удовлетворять анализируемое реципрокальное высказывание.

Рассмотрим, как идентифицируется реципрокальная семантика на конкретных примерах. Приведем в качестве примера анализ словарных дефиниций с примерами глаголов *speak, agree, disagree* в двух словарях – Collins COBUILD Advanced Learner`s English Dictionary и Longman Dictionary of English Language and Culture [Collins COBUILD 2006; Longman 2006]. Далее в качестве противопоставления термину «реципрокальность» мы будем использовать термин «односторонность», имея в виду семантику одностороннего действия.

Начнем с глагола *speak.* В примерах к его первому значению по версии Longman – «выражать мысли вслух, используя голос» [Longman 2006] встречаются и реципрокальные, и односторонние контексты:

(131) I was so shocked I couldn`t speak; (132) Is that the man you spoke of? [Longman 2006] – одностороннее отношение;

(133) They sat down opposite to each other, but it was some moment before they spoke (= had a conversation); (134) I`d like to speak to you about my idea; (135)…they are still not speaking (to each other) [Longman 2006] – реципрокальное, причем ситуации, подобные последней описываются в словаре COBUILD, представляющим более дифференцированное описание отдельных значений рассматриваемого глагола.

Важно отметить, что в остальном версии словарей Longman и COBUILD относительно первого значения глагола *speak* идентичны – практически идентичны дефиниции, примеры в обоих лексикографических источниках даются и на одностороннее, и на реципрокальное действие. Так, в словаре COBUILD имеем:

(136) He tried to speak, but his voice left him – односторонность;

(137) I rang the hotel and spoke to Lui – реципрокальность [Collins COBUILD 2006].

Далее рассмотрим особенности выражения односторонней и реципрокальной семантики глаголами *agree* и *disagree*, отраженные в их лексикографическом описании в словаре Longman Dictionary of English Language and Culture [Longman 2006] оставив за скобками их специфические употребления с предлогом *with* (означающие совместимость / несовместимость с чьим-либо организмом, грамматическое согласование).

Для глаголов *agree* и *disagree* наиболее интересными с точки зрения способности обозначать реципрокальные ситуации являются их первые значения, выделенные авторским коллективом словаря Longman. Данные значения интерпретируются как «иметь одинаковую/различную позицию с кем-либо», причем у глагола *disagree* отмечена еще и семантика

противостояния низкой степени агрессивности с носителем иной точки зрения: «quarrel slightly». Для словоупотреблений в рамках данных значений наблюдается общая закономерность: при единичном агенсе глагол маркирует одностороннее отношение, при множественном – реципрокальное. Посмотрим на конкретные примеры из [Longman 2006]:

1) Одностороннее отношение (138-139):

(138) I thought it was a good idea, but she didn`t agree;

(139) I agree with you about his latest book;

см. также пример (34);

2) Реципрокальное отношение*:*

(140) We agreed on a price for the car;

(141) We agreed to leave at…;

(142) We disagreed over what should be done;

(143) Tom and I often disagreed, but we are good friends.

В английском языке не существует специальных средств для отдельного выражения вербального и ментального согласия (эти два явления очень тесно связаны онтологически, вследствие чего разница между ними не подверглась концептуализации). Однако с точки зрения реципрокальности здесь могут возникнуть некоторые недоразумения. Закономерен вопрос: почему именно употребление глагола в составе структурной схемы простого предложения с позицией для множественного агенса (ССПП 1 или ССПП 2) является основанием для того, чтобы считать глаголы *agree* и *disagree* употребленными в реципрокальном значении? Ведь и из смысла высказывания 139 (ССПП 3), казалось бы, должно следовать, что собеседник автора тоже согласен с ним. Для ответа на этот вопрос обратимся к примерам из русского языка, где существуют специальные средства для выражения ментального (*быть (не)согласным*) и вербального (не)согласия (*(не) согласиться, (не) соглашаться* – аспектуальные варианты):

(144) Я был согласен с ним.

Здесь лицо, названное косвенным дополнением, является автором какой-то идеи. Рокировка семантических актантов агенса и пассивного автора идеи здесь невозможна в силу специфики самого действия: можно быть согласным с уже каким-либо образом обозначенной позицией. Автор идеи не может быть выражен в позиции подлежащего при сказуемом, выраженным данным глаголом, т. к. категориальное свойство автора – первичное выражение определенной позиции, идеи, согласие/несогласие является его функцией. Именно наличие «первичного» авторства в пресуппозиции высказываний с предикатами ментального согласия/несогласия блокирует мену актантов относительно синтаксических позиций, что делает рассматриваемые предикаты средствами выражения одностороннего, а не реципрокального действия. Одновременно предикат *быть (не)согласным*, проецируя функционально-синтаксическую позицию косвенного дополнения, благодаря своей семантике позволяет ей быть заполненной актантом – положением дел, встраиваемым в главную семантическую структуру (145), (см. об этом в работе [Мустайоки 2006]).

(145) Я был не согласен с его позицией/ с поступком Михаила.

Сам автор выражен при этом в атрибутивной позиции относительно косвенного дополнения. Фактически предложения с заполнением позиции косвенного дополнения лексемой, в которую свернуто целое положение дел, являются трансформами предложений с косвенным дополнением – автором при сказуемом *быть (не)согласным*. Высказывание 145 является, по сути, семантической интерпретацией предложения *Я не согласен с ним*, диктуемой самой спецификой типа ситуаций, называемого высказываниями. Вариативность выражения обеспечивается смежностью понятий автора и агенса. Автор является одновременно агенсом связываемого с ним положения дел (наличие у автора идеи, ее выражение, следование им определенной линии). Односторонний характер действия, выражаемого данным предикатом, особенно ярко виден, если автор идеи не является современником агенса главной семантической структуры (146):

(146) Я согласен с Платоном.

Рассмотрим теперь динамический вариант согласия/несогласия в русском языке (147-148).

(147) Я соглашался с ним. – Отсюда не следует обратное: *Он не соглашался со мной*, что говорит об одностороннем характере описываемого действия.

(148) Я согласился с ним. – Обратное утверждение также не является следствием из данного.

Итак, русский язык, обладающий, как мы показали, на грамматическом уровне более широким арсеналом средств выражения оттенков (не)согласия, не маркирует данную ситуацию как реципрокальную. Сказанное подтверждается результатами, полученными Л. М. Васильевым: согласие и возражение, относятся к речевому одностороннему контакту (см. об этом наглядно в работе [Вахтель 2006]; подробно взгляды Л. М. Васильева на семантику русского глагола изложены в монографии [Васильев 1970]). Рассмотренные трансформации невозможны и в английском языке благодаря той же специфике речевого акта (не)согласия как реакции на некий стимул и необходимости наличия в ситуации производителя стимула (агенса-автора), действия которого не идентичны действиям агенса главной ситуации, выражаемой с помощью предикативности.

При этом, казалось бы, в случае с множественным агенсом мы имеем однозначно реципрокальное положение дел (140):

(140) We agreed on a price for the car => A agreed with B and B agreed with A => We agreed with each other.

Однако перед нами еще остается ряд взаимосвязанных вопросов. Не является ли реципрокальность данных употреблений следствием одного определенного типа синтаксического окружения? Реализуется ли в данном случае, хотя бы частично, разнонаправленная трансформация, позволяющая идентифицировать высказывание как реципрокальное? Ведь для этого нам нужно доказать, что существует аналогичная трансформация, исходной

точкой которой является структурная схема, отличная от исходной структурной схемы в представленном выше примере. Функционируют ли анализируемые лексико-семантические варианты (далее – ЛСВ) интересующих нас глаголов в составе структурной схемы с позицией для специального лексического маркера реципрокального отношения – *each other/one another*? Какие свойства функционирования лексических реципроков проявляются в функционировании данных глаголов? Для ответа на эти вопросы нам необходимо обратиться к общим закономерностям, которым подчиняется функционирование лексических реципроков.

В структурной схеме, лежащей в основе высказывания *We agreed on a price for the car,* мы имеем позицию для множественного или множественно-дистрибутивного субъекта (см. об этих понятиях подробнее в работе [Кобозева 2000]). Эта «множественность» может в некоторых контекстах оставлять неясность относительно того, какую роль в пропозиции играет субъект: выступает как единое целое, являясь, таким образом, одной из сторон взаимодействия, соглашающейся или не соглашающейся с чем-либо, или это множество «автономных» актантов, соглашающихся между собой. Так, приводимый выше пример 141 демонстрирует, что при недостаточном контексте бывает сложно определить, идет ли речь о согласии одной из сторон или о том, что минимум две стороны сошлись на каком-то решении. Разумеется, в реальной речи данный информационный пробел не возникнет, т. к. интересующая нас информация будет содержаться в контексте. Однако иногда уточнение происходит уже в рамках одного предложения с помощью местоимения *each other* / *one another*. Появление специального маркера реципрокального отношения в подобных контекстах вполне закономерно. Он дублирует реципрок и уточняет, что мы имеем дело именно с реципроком, маркируя, кто именно вступает во взаимное отношение.

Действительно, как показывает корпусное исследование, специальный лексический маркер реципрокального отношения *each other* часто сопровождает лексические реципроки, относящиеся к разным частям речи,

например, *cooperate, exchange, intermingle, interact, battle, communication, contact, relationship, homologous, incompatible*. Анализ примеров показывает, что во многих из них *each other* выполняет не столько функцию подчеркивания равной вовлеченности, сколько функцию информационного восполнения, уточняя: в позиции подлежащего названа не одна сторона отношения, а все стороны отношения:

(149) The different colours and patterns of horses' coats also affect their relationships with each other;

(150) And secondly the idea that the cells cooperate with each other only because meiosis is scrupulously fair;

(151) This belief is exaggerated; a multitude of factors, interacting with each other, is involved;

(152) God separated the pair for fear they would reproduce, and eventually forced them to do battle with each other.

В примерах 149-152 местоимение *each other* употреблено для указания на то, что актанты вступают в отношение между собой, а не с некоей «сторонней силой». Особенно нагляден в этом отношении пример 152.

Таким образом, нам представляется справедливым говорить о вторичном маркировании реципрокальности, которое может выполнять разные функции: подчеркивание равной вовлеченности участников в действие (отношение) или информационную делакунизацию. Под первичным маркированием мы при этом подразумеваем употребление *each other/one another* в функции модификатора, переводящего пропозицию в разряд реципрокальных (153).

(153) You and a friend of yours can give each other a call.

Глагол *give* не является лексическим реципроком, следовательно, *each other* выполняет в данном высказывании функцию первичного маркера реципрокального действия.

Теперь рассмотрим в свете вышесказанного глаголы *agree* и *disagree*. Словарь Longman не дает нам примеров, где глаголы *agree* и *disagree* синтагматически связаны с *each other / one another*, однако, обратившись к корпусу, находим десятки примеров, когда данные глаголы проецируют позицию для специального маркера реципрокального отношения (154-156).

(154) If you do get heated, agree with each other to stand or sit far enough apart not to be able to push or shove;

(155) The trouble was that they would all agree with each other;

(156) They disagree with the Marxist view that women's oppression stems ultimately from capitalism, but disagree with each other in what they see as the basis of women's oppression.

Последний пример демонстрирует употребление вторичного маркера реципрокальности в высказывании еще в одной функции – функции разграничения параллельных пропозиций. Параллельные пропозиции выражаются однородными членами предложения. Вот другой пример:

(157) ... as many FEC countries as possible would sign a treaty with each other and with Japan.

Суть феномена параллельных пропозиций здесь состоит в том, что в одной пропозиции члены множественного агенса вступают в реципрокальное отношение между собой, а во второй – выступают как одна сторона в отношении (реципрокальном или одностороннем) с внешним агенсом.

Подведем итоги относительно ЛСВ глаголов *agree* и *disagree*, репрезентирующих их первые значения по версии словаря Longman. С одной стороны, они имеют общие с лексическими реципроками свойства: выражают реципрокальные отношения, функционируя в разных синтаксических конструкциях, связанных друг с другом отношениями трансформации, допускают употребления реципрокального местоимения в уточняющей функции. Однако, подобно предикатам со значением объятия, выражаемые данными глаголами предикаты не допускают трансформации структурной схемы, где участники отношения разведены по позициям

подлежащего и дополнения, в структурную схему, где обе стороны отношения названы подлежащим. Они также не допускают мену актантов относительно синтаксических позиций подлежащего и дополнения в этих структурных схемах.

Таким образом, ЛСВ, репрезентирующие соответственно первые значения глаголов *agree* и *disagree* имеют реципрокальные употребления, т. е. являются лексическими реципроками в ограниченном наборе контекстов. Они как бы занимают промежуточное звено между «чистыми» лексическим реципроками, такими, как, например, глагол *cooperate* и др., и словами, обозначающими одностороннее действие.

Дадим краткий обзор остальных значений рассматриваемых глаголов в их отношении к реципрокальности.

Второе значение глагола *agree* «дать согласие» [Longman 2006] определим как одностороннее действие на основе словарной дефиниции, а также по причине отсутствия валентности, вводящей второго участника ситуации (предлог *to* вводит актант «тема»):

(158) We`ll never get him to agree to it.

Любопытно, что ЛСВ глаголов *agree* и *disagree,* репрезентирующие соответственно их третье и второе значения по версии [Longman 2006], являются полноценными лексическими реципроками, т. е. способны реализовывать взаимное значение во всех трех рассмотренных выше типах структурных схем простого предложения. Они означают согласованность / несогласованность между фактами, утверждениями, являясь тем самым, переносными (метафорически переосмысленными, коннотативными) значениями. Ср. примеры 159-160.

(159) The witnesses statements just don`t agree (with each other) => <u>The statement of witness 1 doesn`t agree with the statement of witness 2.</u>

(160) These two reports of the accident disagree on a number of points.

Наличие в высказывании 160 реципрокальной пропозиции доказывается аналогично.

Четвертое и пятое значения глагола *agree* по версии словаря Longman являются реципрокальными: «достигать соглашения, согласовывать» (пример 161).

(161) The workers have agreed the company`s pay offer (объект согласования выражается прямым дополнением) – и значение в устойчивом сочетании *agree to differ*.

Таким образом, различные ЛСВ глаголов *agree* и *disagree* относятся к разным классам средств выражения реципрокального значения. В рамках первого значения разграничиваются употребления в реципрокальном и одностороннем смысле, что маркируется грамматически. Глагол *agree*, употребленный в значении «дать согласие», несет семантику одностороннего действия.

Универсальный тест на реципрокальность позволил нам провести демаркационные линии в рамках одной словарной дефиниции. Конечно, даже в случае с вышеперечисленными глаголами процедура тестирования включала некоторые осложнения, не оговоренные нами выше, что превратило ее из процедуры простой трансформации в логико-семантическую интерпретацию на основе трансформации.

Таким образом, мы показали, что одним из возможных путей разрешения неполноты лексикографического описания действительно может быть трансформационное тестирование при условии четкого определения его лексико-синтаксических параметров.

Итак, в результате исследования была построена метаязыковая модель реципрокальной семантики, проведен структурно-семантический анализ средств ее выражения, а также получены различные способы идентификации семантики взаимного действия в английском языке.

2.2. Категоризация взаимных ситуаций в глагольной лексике

В разных языках существуют различные глагольные средства выражения семантики взаимности. Для выявления межъязыковых соответствий необходимы объективные критерии выделения типологических классов глаголов, называющих взаимные действия. В основу выделения подобных классов нами положены контекстуальные условия, необходимые для выражения идеи взаимности, общие для разноструктурных языков и позволяющие проследить в них категоризацию реципрокальных ситуаций в аспекте выражения взаимности.

2.2.1. Категоризация взаимных ситуаций по шкале ингерентности – контекстуальности

Для того чтобы проанализировать категоризацию ситуаций действительности в глагольной реципрокальности, обратимся к материалу двух языков и попытаемся установить системные соответствия в способах выражения семантики взаимного действия (отношения) в русском и английском языках на материале глагольной лексики данных языков.

В каждом рассматриваемом языке выделяемое из всего множества разноуровневых языковых средств выражения взаимной семантики подмножество глагольных средств является неоднородным. Общей чертой для обоих языков является наличие в этом подмножестве чисто лексических средств выражения – глаголов с ингерентно присущей им реципрокальной семантикой – и средств, требующих для выражения взаимности специальный показатель. Однако качественный набор таких показателей, а также состав лексических группировок, выражающих взаимное значение в определенных лексико-синтаксических условиях, в русском и английском языках разнятся (ср., например, морфологическую структуру слов *встречаться* и *meet*). Это означает, что необходимо уточнение границ классов лексем, выражающих взаимную семантику в определенных параметрах контекста в обоих языках.

В разных языках, в частности в русском и английском, для выражения реципрокальной семантики используются средства с различными морфологическими характеристиками, требующие разные наборы грамматических средств. Так, например, в английском языке отсутствует морфологический показатель реципрокальности, подобный постфиксу *-ся* в русском языке. В английском языке и в русском языке, с другой стороны, функционируют аналогичные по многим показателям средства, наподобие префиксов *inter-* и *взаимно-,* однако распределение этих средств в лексиконах обоих языков для выражения аналогичных понятий не всегда совпадает. Так, реципрокальная ситуация, вербализованная посредством глагола *intermarried* в приведенном ниже высказывании, не может быть передана аналогично, т.е. однословной номинацией, в русском языке:

(162) Over this time, the two groups lived comfortably together, ***intermarried*** *and shared a common language. – В течение всего этого времени представители этих двух групп спокойно жили вместе,* ***заключали смешанные браки*** *и говорили на одном языке.*

Для того чтобы привести в соответствие способы глагольного выражения взаимности в русском и английском языках, необходимо по ряду релевантных характеристик выявить аналогию в глагольных способах выражения интересующей нас семантики в обоих языках.

Построив типологию средств, которая станет основанием для сопоставления, мы сможем проанализировать отнесенность любой глагольной лексемы, с помощью которой может быть выражена реципрокальная семантика, к одному из общих для сопоставляемых языков типов выражения. При этом необходимо учитывать и индивидуальные особенности каждого языка, накладывающиеся на общие черты.

Как следует из вышесказанного, главным является вопрос о выборе оснований для искомой типологии средств.

Традиционное деление языковых средств на лексические и грамматические мы дополняем оппозицией ингерентности –

контекстуальности выражения. Средства выражения классифицируются на основании того факта, какое количество и состав контекстуальных параметров необходимо для того, чтобы глагольная лексема выражала реципрокальное значение. Такая классификация является своего рода трафаретом, накладываемым на тот или иной глагол русского или английского языка. Данная классификация отражает категоризацию языковым сознанием всего множества ситуаций окружающей действительности в аспекте их отнесенности к числу реципрокальных. Часть взаимных ситуаций, наблюдаемых в действительности и идентифициуемых языковым сознанием как взаимные, обозначаются такими словами, в значении которых с участием словообразовательных средств или без них уже содержится актуальная сема, отвечающая за реципрокальность. Для обозначения других ситуаций как реципрокальных необходимо, чтобы в рамках глагольной конструкции, кроме глагола-ядра, были и другие слова, являющиеся специальными показателями взаимной ситуации, так называемые лексически свободные, «тяжелые» показатели, такие, как *sich* в немецком языке, взаимно-возвратные местоимения *друг друга* и *один другого*, сочетание *между собой* в русском языке, взаимные местоимения *each other, one another*, сочетание *between yourselves* (*ourselves, themselves*) в английском.

Разделение языковым сознанием ситуаций действительности на изначально реципрокальные и изначально односторонние (как противоположный член семантической оппозиции), имеющие потенцию быть реципрокальными, выразилось в соответствующей категориальности глагольной лексики данного языка, которая и является отправной точкой при установлении межъязыковых корреляций.

Лексема, вернее, ее лексико-семантический вариант может выражать реципрокальное значение ингерентно, т. е. реципрокальная сема в семном составе интересующего нас глагола в любом контексте будет актуальной: *Они сражаются, он сражается с ним, he cooperated with him, they*

cooperated. В рамках данного общего для обоих языков способа выражения реципрокального значения существуют следующие особенности:

- наличие в русском языке лексико-грамматического разряда взаимно-возвратных глаголов с подразрядами мультипликативно-взаимных и префиксально-постфиксальных (когда, кроме постфикса *-ся*, в глаголе имеется еще и префикс, также участвующий в выражении идеи взаимности (*перебрасываться, сближаться*)) [Князев, 2007];

- наличие в обоих языках аналогичных префиксов, привносящих в лексическое значение слова сему взаимности (*со-, взаимно-* и *co-*, *inter-* в русском и английском языках соответственно);

- наличие в лексиконе обоих языков лексем, которые ингерентно передают реципрокальное значение при полном отсутствии его морфологических маркеров (*дружить, беседовать, mate, fight*).

Так, для дитранзитивного употребления глагола *mate* в одном из самых употребительных значений – “to become a pair of animals, for the production of young: *Birds mate in the spring”* [Longman, 2006] – межъязыковое соответствие находим в рамках той же типологической категории глаголов в русском языке – *спариваться*, однако соответствующий глагол относится к подразряду префиксально-постфиксальных, что является частноязыковой особенностью русского языка в рамках рассматриваемой бинарной системы «английский язык – русский язык».

На противоположном полюсе оппозиции находятся глаголы, требующие для выражения реципрокальности специальный лексический маркер, ингерентно несущие информацию об одностороннем корреляте реципрокального действия и имеющие в семном составе потенциальную реципрокальную сему. Возьмем в качестве наиболее очевидного примера глагол физического воздействия *hit*. Согласно словарям, большинство значений этого глагола являются односторонними действиями. Ср., “to bring the hand or something held in the hand forcefully against (a person or thing); strike” [Longman, 2006] (пример 163).

(163) He hit me in the stomach.

Для описания реципрокальных ситуаций данный глагол используется лишь в сочетании с прономинальным реципрокальным маркером *each other / one another*:

(164) the players hit each other. – *Игроки наносили друг другу удары (били друг друга);*

(165) They hit one another — Они поколотили друг друга.

Как видно из примеров 164-165, межъязыковая корреляция зеркальна: слово, ингерентно не несущее реципрокальную сему, актуализирует ее употребление в составе одной синтагмы со специальным прономинальным показателем реципрокальности и переводится на русский язык средствами с такими же релевантными характеристиками – словосочетаниями, актуализирующими взаимную сему благодаря соответствующему прономинальному показателю реципрокальности в русском языке.

Любопытно, что и среди значений и употреблений такого «одностороннего» глагола, как *hit*, есть исключение. Ингерентно реципрокальным (не требующим в качестве необходимого условия для выражения взаимного значения специальных маркеров или иных контекстуальных условий) является фразеологическое сочетание *hit it off with*, которому соответствуют русские словосочетания, также ингерентно реципрокальные *быть в хороших отношениях* (статический аспект), *стать друзьями* (динамический аспект).

Однако вернемся от иллюстрации к свойствам класса глагольных лексем, требующих специальный прономинальный маркер для выражения значения взаимности. Здесь, как и в предыдущем классе, на типологическое соответствие накладываются частноязыковые нюансы – комбинаторные потенциалы синонимичных соответствующих прономинальных показателей реципрокальности. (*друг друга/один другого/между собой* VS *each other/one another/between yourselves*), которые могут разниться.

В классификации глагольной лексики в аспекте выражения реципрокальности на основании ингерентности – контекстуальности выражения существует, помимо двух полярных, и третья категория, сочетающая в себе признаки обеих предыдущих. Эта категория включает глаголы, выражающие реципрокальность ингерентно, без участия специальных лексических показателей, но лишь в определенном синтаксическом контексте. Например, такие глаголы, как *(по)здороваться* и *согласиться* в русском и *hug, embrace, kiss, agree* и *disagree* в английском языке обозначают реципрокальную ситуацию только, если они употреблены в синтаксической конструкции с позицией для множественного подлежащего (примеры 166-170):

(166) Они с генералом поздоровались и обнялись;

(167) Наконец, они согласились встретиться в ресторане SeaSide;

(168) The two sisters met and embraced;

(169) We hugged briefly, and then it was time to say goodbye;

(170) In the final scene of the film, they kiss;

см. также примеры 140-143.

В случае употребления в конструкции с подлежащим в единственном числе вышеназванные глаголы имеют системную тенденцию обозначать одностороннее действие (примеры 171-172).

(171) Кивком головы он поздоровался со мной и какой-то задумчивый продолжал сидеть;

(172) Он согласился, что нужно ждать;

см. также примеры 34, 138-139.

Разумеется, здесь тоже далеко не все однозначно. Вышесказанное о русских глаголах справедливо лишь для части всех контекстов употребления данных глаголов. Речь может идти и об одностороннем действии – согласии нескольких человек с чем-либо или с кем-либо, одностороннем акте приветствия несколькими лицами одного лица. Русский глагол *поздороваться* благодаря форманту *-ся*, привносящему семантику

взаимности, даже будучи употребленным в единственном числе по согласованию с подлежащим, обозначающим единичный агенс, может обозначать не только одностороннее, но и взаимное действие в зависимости от контекста (примеры 173-174):

(173) По очереди он быстро поздоровался с мужчинами и кивнул женщинам. – реципрокальное действие;

(174) «Пётр, здравствуй», – спокойным голосом поздоровался генерал. – одностороннее действие.

В английском языке ситуация более однозначна. По причине отсутствия постфиксального маркера репипрокальности, который разводит в русском языке глаголы *целовать, обнимать* и *целоваться, обниматься* по признаку отсутствия/наличия реципрокальной семы, ингерентно передаваемой последними двумя глаголами при отсутствии жесткой зависимости от синтаксического контекста, диапазон глаголов, попадающих в категорию ингерентно-контекстуальных, в английском языке шире. Выявленная закономерность – обозначение реципрокальной ситуации в конструкции с подлежащим – позицией для множественного агенса – здесь выполняется за исключением тех случаев, когда глаголы *agree* и *disagree* передают информацию об одностороннем согласии/несогласии всей группы.

Таким образом, поиск межъязыкового соответствия на основании общих типологических способов выражения реципрокальной семантики глагольной лексемой (для эквивалентной лексики) начинается с выделения лексемы в исходном языке, установления лексемы, выражающей сходное понятие в языке-цели, и идет через определение типа выражения реципрокального значения последней лексемой к уточнению частноязыковых характеристик этого выражения. Перспективной задачей является системный анализ глагольной лексики обоих языков с целью поиска соответствий на уровне семантических групп глагольных лексем.

Следуя данному алгоритму, обнаруживаем, как в русскоязычном и англоязычном сознании по-разному категоризируется внеязыковая действительность. Так, глаголы, обозначающие взаимную перекличку, относятся в русском и английском языке к разным типологическим классам (по способу выражения взаимного значения): контекстуальному в английском и ингерентному (благодаря морфологическим маркерам) в русском языке. Английский глагол *shout* требует для передачи семантики взаимности специальный прономинальный показатель, что позволяет идентифицировать его как контекстуальный реципрокальный глагол: *shout to one another*. В русском же языке, кроме коррелятов данного английского глагола с семантикой одностороннего выкрикивания, есть глагол, ингерентно передающий реципрокальность – *перекликаться*.

В целом классификация глаголов на основании актуальности / потенциальности реципрокальной семы в их семном составе в русском и английском языках может быть наглядно показана в виде таблицы 8.

Таблица 8. Классы глаголов по шкале ингерентности – контекстуальности выражения ими реципрокальности в русском и английском языках

<table>
<tr><th>Способ выражения и соответствующий типологический класс глаголов</th><th>Русский язык</th><th>Английский язык</th></tr>
<tr><td rowspan="2">Ингерентный</td><td colspan="2">«Чисто» лексические реципроки (отсутствие грамматических показателей реципрокальности): беседовать, дружить,clash, marry, mate</td></tr>
<tr><td>взаимно-возвратные глаголы: мириться, сражаться,

(с выделением подкласса префиксальных глаголов: переписываться, съехаться)</td><td>лексемы с префиксами, участвующими в выражении реципрокальности – cooperate, interchange</td></tr>
<tr><td>Ингерентно-контекстуальный</td><td colspan="2">лексемы, реализующие потенциальную реципрокальную сему в составе конструкции с неспециализированным языковым средством (конструкция с подлежащим во множественном числе, которым выражены разные стороны реципрокального отношения):</td></tr>
</table>

	соглашаться, (по)здороваться, *agree, disagree, embrace, hug, kiss*
Контекстуальный	лексемы, реализующие потенциальную реципрокальную сему в составе конструкции со специализированными лексическими прономинальными языковыми средствами: *видеть друг друга, рассказывать друг другу, помнить друг о друге, see each other, tell each other, remember about each other*

Итак, подведем итог. В русском языке – синтетическом – и английском – аналитическом – есть три общих типа глагольного выражения реципрокальности, выделяемых на основе минимума контекстуальных признаков, необходимых для выражения данным глаголом реципрокального значения. На основании принадлежности того или иного глагола к одному из этих типов классифицируется вся глагольная лексика.

1) В первый – «ингерентный» – класс входят глаголы с ингерентной, присутствующей вне зависимости от контекста и типа структурной схемы реципрокальной семой – *дружить, мириться, разговаривать, сражаться, съехаться, переписываться, argue, coincide, cooperate, fight, interact, quarrel* и т. д. (примеры 175-176):

(175) Пенсионер всё ещё разговаривал со своей собеседницей;

(176) They were still arguing.

2) Второй, «ингерентно-контекстуальный» класс представляют глаголы, реализующие реципрокальную семантику только в двух структурных схемах предложения – ССПП 1 и ССПП 2 («полусимметричные» реципроки в терминологии Ю. П. Князева [Князев 2007]), например, глаголы *соглашаться, embrace, disagree*. Так, из высказывания 177 не следует, что справедливо утверждение, выраженное в высказывании 178:

(177) She embraced her son tenderly.

(178) Her son embraced her.

И русский пример:

(179) Они (в значении «стороны переговоров») *согласились, что нужно перенести матч.*

Однако в случае, продемонстрированном в примере 180, наблюдаются все признаки реципрокальной ситуации:

(180) They embraced.

3) Третий – самый широкий – «контекстуальный» класс, включает те глаголы, которые реализуют реципрокальную семантику только при наличии специального лексического маркера – *друг друга, один другого, между собой, each other/one another, between our-/your-/themselves*: *давать, знать, смотреть, give, throw, think, tell* и др. (примеры 181-182):

(181) Все смотрели друг на друга с подозрением.

(182) They have to think about each other.

При этом глаголы ингерентного и ингерентно-контекстуального класса имеют в своем лексическом значении сему взаимности, на основании чего они объединяются в класс реципрокальных глаголов. С точки зрения уровневой организации языковой системы данный класс включает средства, реализующие реципрокальность лексическим или словообразовательным (морфологическим) способом, и противопоставляется классу контекстуальных глаголов – глаголов с односторонней семантикой, выражающих реципрокальность синтаксическим способом.

Существование закономерностей в межъязыковых соответствиях на уровне группировок глагольной лексики, выделяемых на основании семантической, понятийной близости их представителей, остается важным проблемным вопросом, решение которого может дать ключ к построению идеографической лексико-грамматической типологии.

2.2.2.Лексико-семантические закономерности скрытой глагольной реципрокальности

Как показано выше, реципрокальность получает грамматические маркеры в одних лексемах и не получает грамматического маркирования в

других. В последнем случае мы говорим о существовании в языке скрытого класса.

Н. А. Янко-Триницкая, зафиксировав лексические реципроки в русском языке, назвала их лексически-взаимными глаголами и отметила, что в данную группу входят глаголы, которые «связаны с речью, с беседой, с общением между людьми» [Янко-Триницкая 1962, с. 190]. Действительно, такие слова, как *говорить, беседовать,* являются скрытыми реципроками в русском языке. Однако примечательно то, что в английском языке мы также наблюдаем скрытые реципроки – глаголы речи: *speak, talk*; аналогично и в немецком: здесь взаимное значение в рамках лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности передается также лишенным морфологических маркеров глаголом *sprechen*. Как видим, прослеживается тенденция: глаголы рассматриваемого лексико-семантического поля могут скрытым образом выражать значение взаимности.

Сопоставив скрытые глагольные реципроки из рассматриваемого поля в русском и английском языках, получаем конкретные лексико-семантические группы, для понятий из которых в обоих языках используются скрытые реципроки (см. таблицу 9).

Таблица 9. Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов речевой деятельности в русском и английском языках

Лексико-семантическая группа	Русский язык	Английский язык
Разговор (нейтральный, прототипический)	*беседовать, говорить* (с кем-либо)	*speak, talk*
Дружеское общение	*болтать, судачить*	*chat, chatter, gab, gabble, jaw, natter, prattle*
Сплетничание	*сплетничать*	*gossip*
Обсуждение – общие деловые переговоры и переговоры о цене / условиях соглашения	-	*bargain, dicker, haggle, negotiate, parley*
Вербальная конфронтация	*спорить*	*argue, bicker, debate, quarrel, quibble, row, squabble, spar, wrangle*

Данные лексико-семантические группы выстраиваются в определенную систему: в центре – прототипический разговор, вокруг центра располагаются специфические виды разговоров – дружеский разговор, куда входят и глаголы, обозначающие несерьезный разговор с минимальной смысловой нагрузкой; сплетничание; обсуждение – общие деловые переговоры и переговоры в торговле; вербальная конфронтация.

Помимо глаголов речи, тенденцию к скрытому выражению взаимной семантики имеют слова из тематической группы борьбы, войны. В русском языке – это глагол *воевать*, в английском – *fight*. Если мы проведем сопоставительный анализ скрытых реципроков в рамках семантического поля конфронтации на материале трех данных языков, то полученные в результате лексико-семантические группы будут также представлять собой системное образование: физическая конфронтация, в центре которой находятся лексемы, передающие общую идею противостояния, используемые для обозначения многих конкретных вариантов борьбы; лексико-семантические группы боевых действий, хаотичной драки и противопоставленного ей организованного поединка, метафорически осмысленной борьбы; социальной и вербальной конфронтации (см. таблицу 10).

Таблица 10. Скрытые реципроки лексико-семантического поля глаголов конфронтации в русском и английском языках

Лексико-семантическая группа			Русский язык	Английский язык
Физическая конфронта-ция	Прототипическая борьба		-	*clash, fight*
	Противодействие кому-либо/чему-либо (метафора борьбы)		-	*fight, struggle*
	Военные действия		*воевать*	*battle,* *fight, skirmish,*
	Поединок/ столкнове-ние	Хаотичная драка	-	*brawl, tussle* *fight, scuffle,* *struggle*

		Поединок с применением определенных средств и приемов (в т. ч. спортивный)	-	*box,* *draw,* *duel,* *fence,* *grapple, joust,* *tie,* *wrestle*
Социальная конфронтация		Вражда	*враждовать*	*feud*
		Соперничество	-	*fence, vie,* *jockey, jostle, joust*
Вербальная конфронтация			*спорить*	*argue, bicker, debate, quarrel, quibble, row, skirmish, squabble, spar, wrangle*

Как видим, «мостиком» между двумя «сгустками» скрытых реципроков в лексико-семантической подсистеме является лексико-семантическая группа глаголов вербальной конфронтации (кстати, включающая переносное значения глагола из другой группировки в рамках поля конфронтации – *skirmish*), представляющая собой зону синкретизма между двумя рассмотренными лексико-семантическими полями.

В свете того, что в настоящее время лингвистика становится, кроме прочего, еще и прогностической наукой, в частности, один из разделов лингвистической прогностики – онтогностика – ориентирован на восполнение знания о сегодняшнем состоянии систем различных языков [Кретов 2006], на данном этапе закономерен вопрос: является ли выявленная на материале двух языков тенденция к обозначению взаимных ситуаций в двух понятийных сферах в рамках конкретных их «участков» устойчивой настолько, что, опираясь на полученную систему лексико-семантических групп, мы могли бы предсказывать наличие скрытых глагольных реципроков

в сходных группах в других языках? В случае положительного ответа выявленные закономерности кодирования языком взаимных ситуаций внеязыковой действительности могли бы претендовать на роль статистической универсалии.

Получить исчерпывающий ответ на данный вопрос возможно только в результате широкого сопоставительного исследования.

Таким образом, часть языковой системы, связанная со скрытым кодированием взаимных ситуаций, несет в себе внутренние закономерности, представляющие собой тенденции к скрытому кодированию внеязыковых ситуаций определенных видов, соотносимых с определенными лексико-семантическими группами в лексико-фразеологических подсистемах различных языков.

2.3. Статус реципрокальности в языковой системе

Как показывает анализ эмпирического материала, возможны ситуации, когда выражение одного и того же категориального отношения может осуществляться как явными, морфологически маркированными языковыми средствами, так и скрытым образом. Действительно, исследования в рамках функциональной грамматики показали возможность выражения одного и того же типа категориальных отношений языковыми средствами разных уровней (см. монографию [Бондарко 2000]). В свете этих достижений вполне логично смотреть на скрытое и явное в языке как на комплементарные друг другу сущности, включенность в единую систему и взаимосвязь которых проявляется в способах кодирования языком смыслового континуума. Здесь уместно вспомнить метафору профессора В. Б. Кашкина о разрезании смыслового континуума языковым ножом [Кашкин 2001]. В представляемом таким образом семантическом пространстве можно выделить континуальные образования частного порядка, связанные с определенным типом отношений между предметами и явлениями действительности. Такой континуум представляет и реципрокальная семантика, особенности выражения которой и составляют предмет данного исследования.

С учетом вышесказанного, попробуем прояснить статус категории реципрокальности на материале глагольной лексики в синтетическом и аналитическом языках (русском и английском).

В русском языке выделяется разряд маркированных глаголов, называемых взаимно-возвратными [Распопов, Ломов 1984]. Глаголы данного разряда несут реципрокальную семантику вне зависимости или в малой степени зависимости от контекста и имеют общий морфологический элемент – постфикс *-ся*, поэтому их логично отнести к ядру интересующей нас категории.

Таким образом, реципрокальность нельзя отнести к числу однозначно скрытых категорий в русском языке благодаря наличию морфологических

маркеров данной семантики: постфикса -*ся* (часто в сочетании с префиксом, например, *переписываться*, что привносит в семантику взаимности специфические значения – см. списки подобных глаголов и анализ их значений в работах [Пешковский 1956; Шелякин 1991; Князев 2007]). Взаимно-возвратные глаголы трактуются в русской грамматике как лексико-грамматический разряд [Русская грамматика 1980]. Однако не все глаголы, ингерентно выражающие реципрокальную семантику, обладают постфиксом -*ся*: например, *разговаривать, воевать, дружить*.

Скрытограмматической по своей сути является также контекстуальная (синтаксическая) реализация реципрокальности – посредством сочетания глагола предиката со специальным лексическим (местоименным) маркером. В русском языке это местоименные показатели *друг друга, один другого, между собой*.

Получается, глагольные средства выражения реципрокального действия можно найти и вне рамок маркированного лексико-грамматического разряда. Следовательно, мы не можем говорить и об однозначно явном характере глагольной реципрокальности в русском языке.

Представляется целесообразным говорить о том, что средства выражения языковой категории реципрокальности (которую однозначно нельзя назвать ни явной, ни скрытой, ни даже «чисто» грамматической в узком смысле этого слова в силу существования грамматически не маркированных лексических реципроков) распределены дополнительно в рамках скрытого класса и маркированного лексико-грамматического разряда глаголов. Это сближает понятие лексико-грамматического разряда с понятием скрытой категории в лексике, так как обе группировки слов составляют множество лексем, выражающих одну и ту же абстрактную семантику, в настоящем случае – реципрокальную. Данное множество устроено по принципу айсберга с той лишь разницей, что без специального исследования мы не можем сказать, какая часть в нем больше –

поверхностная или подводная (удельный вес каких средств – явных или скрытых – больше в каждом конкретном языке).

С другой стороны, лексико-грамматический разряд взаимно-возвратных глаголов, сближается с переходными глаголами: оба разряда выражают реципрокальную семантику в результате грамматического преобразования – актантной деривации. Однако взаимно-возвратные глаголы образуются как новые лексемы – *сразить – сразиться, мирить – мириться* – а переходные глаголы получают необходимый для выражения реципрокального значения контекстуальный лексический показатель – взаимное местоимение – *знать друг друга*.

Как нам кажется, традиционный грамматический подход, основанный на примате морфологического критерия, здесь для объяснения сути феномена оказывается недостаточным. Последнее подтверждается следующими фактами. Во-первых, постфикс *-ся* и его аналоги являются с диахронической точки зрения результатом «врастания» синтаксически самостоятельного местоимения в морфологическую структуру связанного с ним глагола. Более того, поскольку в русском языке взаимно-возвратные глаголы, имеющие в своей морфологической структуре постфикс *-ся* объединяются в лексико-грамматический разряд, то маркер *-ся* является для них одновременно и показателем реципрокальности, и дериватором, с помощью которого образуется новая лексема. Явление оказывается на границе лексики и грамматики, и четко определить, где заканчивается одно и начинается другое, представляет сложность.

Во-вторых, в испанском языке возвратное местоимение *se* (результат эволюции той же единицы, что и *-ся* в русском) может быть равно как включено в глагол, так и быть расположенным дистантно от него. Таким образом, свободный маркер в определенных условиях пространственно-временного развития языков может функционировать как связанный или функционировать двояко – в составе глагольной лексемы или дистантно.

Принимая во внимание вышесказанное, будем говорить о различной степени грамматикализованности реципрокальности в разных глагольных лексемах (при малой степени которой возрастает удельный вес показателей, характеризующих данную категорию как скрытую – например, выявляемость только посредством определенной серии трансформаций).

Для иллюстрации вышеизложенного тезиса обратимся к конкретно-языковому материалу – глагольной лексике разных языков. В русском языке существует подмножество в рамках лексико-грамматического разряда взаимно-возвратных глаголов, представляющее собой морфологически маркированное (с помощью постфикса *-ся*) ядро категории реципрокальности и в то же самое время полюс ее наибольшей грамматикализованности. Важно отметить, что среди разнообразных глаголов, относимых разными авторами к взаимно-возвратным, «полярными» являются только те глаголы на *-ся*, грамматические корреляты которых без данного постфикса несут в своей семантике идентичный набор сем минус сема взаимности (наподобие *обниматься,* ср. с *мириться*) (ср. с понятием *собственно взаимно-возвратных глаголов* в [Князев 2007]).

Противоположный полюс по шкале грамматикализованности занимают слова, которые скрыто, без участия специальных маркеров передают информацию о взаимных ситуациях (мы называем их скрытыми реципроками).

Подобные глаголы есть и в русском (*беседовать, говорить*), и в рассматривавшихся выше языках: английском (*meet, fight,*), немецком (*sprechen, kämpfen*) и испанском (*chismear, luchar*).

В скрытый сегмент реализации реципрокальности входит также ее синтаксическая реализация, когда глагол с односторонней семантикой (в позиции сказуемого) употребляется в сочетании с реципрокальным местоимением (в позиции дополнения). В английском языке для выражения значения взаимности глаголы используются в сочетании со свободными

прономинальными маркерами *each other, one another, among/between our-/your-/themselves*, в немецком – в сочетании с местоимением *einander*.

Промежуточное состояние между морфологическим и синтаксическим выражением (явнограмматической и скрытограмматической реализацией соответственно) реципрокальности представляет ее маркирование возвратным местоимением. С одной стороны, данное местоимение парадигматически «привязано» к глаголу, так как:

1) употребленные в синтагматической связке с ним глаголы могут либо формировать в языке особый лексико-грамматический разряд, например, в испанском языке выделяются местоименные глаголы со значением взаимности (пример 183):

(183) Maria y Jose se miran. – Мария и Хосе смотрят друг на друга;

2) употребление с данным местоимением реализует отдельное значение глагола, фиксируемое в словаре, как, например, в немецком языке, где употребление глагола *treffen* в сочетании с местоимением *sich (184):*

(184) Sie treffen sich um zwei Uhr im Park. – Они встречаются в два часа в парке (по данным словаря [Langenscheidt 2003]).

С другой стороны, данные местоимения занимают хоть и фиксированную порядком слов, но все же отдельную позицию в предложении.

В свете вышесказанного, логично заключить, что в случае с возвратным местоимением, маркирующим реципрокальность, мы наблюдаем проявление градуальности: данные местоимения представляют противоположное постфиксам состояние на шкале морфологизации, имея с ними общее происхождение и будучи вместе с ними противопоставлены реципрокальным местоимениям типа *einander*. Важно отметить, что в оппозиции постфикс – местоимение также есть промежуточное состояние – клитика (см. шкалу морфологизации В. А. Плунгяна в работе [Плунгян 2003], см. также о недискретной границе между лексическим и морфологическим выражением реципрокальности в разделе 2.1). Таким образом, и граница

между морфологическим и синтаксическим выражением реципрокальности оказывается недискретной.

Градуальный и полевый подходы к интерпретации грамматического явления позволяют нам приблизиться к построению модели, отражающей представленность в языке реципрокальности. Последнее явление может моделироваться при помощи полевой структуры, открывающей слоты для частеречевых категорий, в частности, глагольной, представленной классами лексем, среди которых можно выявить класс, носящий признаки скрытого.

Таким образом, категория реципрокальности в языке является «гибридной», носит смешанный характер: представлена как явным, так и скрытым способом.

Остановимся на английском языке подробнее, как на представителе языков аналитического строя. Проанализируем на материале лексико-грамматического тезауруса COBUILD разнообразие скрытых английских глагольных реципроков [COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs 1996]. В отличие от русского, в английском языке отсутствует лексико-грамматический разряд глаголов со значением взаимности, нет постфикса, аналогичного постфиксу -*ся* в русском языке. В то время как в русском языке функцию основного морфологического показателя реципрокальности выполняет постфикс -*ся*, в английском данную функцию имеют разнообразные префиксальные компоненты:

1) префикс *co*-, являющийся приблизительным семантическим аналогом русского префикса *со*-: *collaborate* (сотрудничать), *cohabit* (сожительствовать), *collide* (сталкиваться);

2) значительно меньше распространен другой показатель реципрокальности – префикс *inter*-: *interact* (взаимодействовать), *intermarry* (жениться друг на друге, вступать в смешанные браки);

3) префикс *di*- с семантикой расхождения: *differ* (различаться), *diverge* (расходиться);

4) в единичных случаях в выражении реципрокальности участвуют префиксы *over-* с семантикой перекрывания, совпадения: *overlap* (накладываться друг на друга) и *ex-* с семантикой обмена: *exchange* (обмениваться).

В английском языке также есть прономинальные лексические маркеры реципрокальности, в сочетании с которыми глагол одностороннего действия выражает действие реципрокальное – *each other, one another, between our-/your-/themselves* (друг друга, один другого, между собой). Все описанные выше единицы относятся к явному сегменту выражения реципрокальности.

Что касается скрытого выражения семантики реципрокальности в английском языке, то анализ показывает, что английские глаголы, скрыто выражающие реципрокальную семантику, отличаются б*о*льшим семантическим разнообразием чем в русском. Ср. (лексико-семантические варианты данных глаголов идентифицированы нами как скрытые реципроки и выделены из классификации, представленной в тезаурусе [COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs 1996]):

1) семантика вербального контакта – *agree* (соглашаться), *argue* (спорить), *banter* (перешучиваться), *bicker* (ссориться), *chat* (болтать), *debate* (дискутировать), *dicker* (торговаться), *disagree* (не соглашаться), *gossip* (сплетничать), *haggle* (спорить, торговаться), *natter* (сплетничать), *negotiate* (вести переговоры), *parley* (договариваться), *quarrel* (ссориться), *quibble* (препираться), *speak* (разговаривать, говорить), *squabble* (пререкаться),*talk* (разговаривать), *wrangle* (ссориться);

2) семантика боевого противостояния – *battle* (сражаться), *brawl* (драться), *clash* (сталкиваться), *duel* (драться на дуэли), *feud* (враждовать), *fight* (драться, воевать), *grapple* (бороться), *jostle* (соперничать), *joust* (соперничать), *scuffle* (драться), *skirmish* (схватываться), *spar* (боксировать), *struggle* (бороться), *tussle* (драться), *vie* (соперничать), *wrestle* (бороться);

3) семантика сближения – *canoodle* (ласкаться), *cuddle up* (прижиматься друг к другу), *date* (встречаться), *embrace* (обниматься), *fondle*

(ласкаться), *fornicate* (блудить), *fraternize* (брататься), *get married* (пожениться), *go out* (в значении «встречаться, гулять друг с другом»), *hug* (обниматься), *kiss* (целоваться), *mate* (спариваться), *neck* (целоваться и обниматься), *rendezvous* (встречаться), *smooch, snog* (целоваться);

4) семантика наличия хороших отношений – *get on* (быть в хороших отношениях);

5) семантика взаимного сотрудничества – *dance* (танцевать), *liaise* (согласованно действовать), *trade* (торговать);

6) семантика смешения/соединения – *blend* (смешивать(ся)), *cross* (пересекаться), *harmonize* (гармонировать), *huddle* (толпиться, складывать вместе), *join* (соединяться), *meet* (встречаться), *merge* (соединять(ся)), *mix* (смешивать(ся)), *mingle* (смешивать(ся)), *row* (ставить в ряд друг с другом), *unite* (объединяться);

7) семантика отделения – *part, separate* (отделяться).

Как видим, большинству скрытых глагольных средств выражения взаимности в английском языке соответствуют русские глаголы со специализированными префиксами и постфиксом. Тематический диапазон подобных глаголов в английском языке шире, а освоение языковым сознанием определенных семантических полей привело к появлению широкой синонимии. Более того, скрытый способ выражения реципрокальности в английском языке представлен не только ингерентными, но и ингерентно-контекстуальными глаголами: *(dis)agree, embrace, hug, kiss* и т. д.

Важно отметить, что, хотя мы и говорим о скрытой форме выражения реципрокальности синтетическом и аналитическом языках, это не означает «уход» данной категории полностью в лексику. Классы морфологически не маркированных глаголов с реципрокальной семантикой в русском и английском языках мы рассматриваем как малую степень грамматикализованности реципрокальности, а не только как лексико-семантические группы. О последнем говорит то, что на уровне моделей

управления и трансформационного потенциала образуемых ими структурных схем простых предложений (сфера синтаксиса) данные средства функционируют так же, как и маркированные. Действительно, для высказываний с данными глаголами возможна, как и для большинства высказываний с маркированными глаголами, мена диатез: активная ⇔ реципрокальная (и обратно). Иными словами – трансформационный тест на реципрокальность (пример 184).

(184) After their quarrel they`re still not speaking to each other => A is not speaking to B ⇔ B is not speaking to A ⇔ They are not speaking ⇔ They are not speaking to each other.

Аналогично в русском (185):

(185) А и Б беседуют (друг с другом)⇔ А беседует с Б ⇔ Б беседует с А.

Таким образом, на основании анализа материала русского и английского языков мы можем сделать вывод, что категория реципрокальности в языковой системе может иметь смешанный характер.

Выводы из второй главы

Вторая глава настоящего исследования имеет целью раскрыть сущность, связи и место скрытой реципрокальности в языковой системе.

1. В первой части главы обсуждается понятие реципрокальности, дается ее семантическая модель-формула:

$$A_1\rho A_2=A_1\rho A_3=\ldots\ \ldots=A_1\rho A_n\ldots=A_n\rho A_1\ldots\ \ldots=A_n\rho A_{n-1},$$

где ρ – знак отношения в широком смысле слова; A_1, $A_2\ldots$ A_n – участники ситуации.

В данном разделе на материале русского и английского языков:

- представлены семантические варианты этой модели: собственно субъектно-реципрокальные, субъектно-реципрокальный с модификатором каузации, квазиреципрокальные, объектно-реципрокальные;

- определен диапазон понятийных сфер (в свете классификации А. Мустайоки), к которым относятся реципрокальные предикаты различных типов отношений и действий;

- системно описаны средства выражения реципрокальности в разноструктурных языках – синтаксические, лексические, морфологические, в свете выражения семантики взаимности изучено межуровневое взаимодействие языковых средств;

Также на материале русского и английского языков описаны три способа идентификации реципрокальной семантики в контексте: универсальный тест на реципрокальность В. П. Недялкова, логико-семантическую интерпретацию, определение реципрокальности предиката по характеру синтагматически связанного с ним элемента (к последнему способу примыкает реконструкция позиции для второго участника в эллиптической синтаксической структуре). Определено, что классификаторами скрытых реципроков являются предложные конструкции,

проецируемые глаголами с реципрокальной семантикой. В русском языке – с предлогом *с*; в английском языке – с предлогами *with* и *to*.

Описаны и три ограничения на применение трансформационного теста: использование реципрокального предиката в составе статусно-маркированного речевого акта, характер синтаксической конструкции и глагольный дейксис.

2. Во второй части настоящей главы определяются контекстуальные типы глагольного выражения реципрокальности и те семантические зоны, в которых наблюдается скрытое выражение реципрокальности.

Рассмотрение функционирования глаголов при передаче реципрокального значения позволило выделить типовые контекстуальные условия, в которых актуализируется реципрокальная сема, что, в свою очередь, дало возможность провести лексико-синтаксическую классификацию английских глаголов по способам выражения ими реципрокальной семантики – ингерентному, контекстуальному и ингерентно-контекстуальному, – выделив три соответствующих класса глагольной лексики.

Установлены понятийные сферы, в рамках которых реципрокальность кодируется скрытым образом. Речь идет о следующих лексико-семантических группировках: разговор, дружеское общение, сплетничание, обсуждение, вербальная конфронтация, различные виды физической и социальной конфронтации: борьба (в широком смысле), военные действия, хаотичная драка и поединок по правилам, соперничество.

3. В третьем разделе путем анализа средств, разным образом выражающих взаимность в русском и английском языках, уточнен статус реципрокальности в системах русского и английского языков. В результате анализа мы пришли к выводу о том, что категория реципрокальности носит в русском и английском языках смешанный характер, т. е. имеет сегменты явных и скрытых средств выражения.

Глава 3. Тяготение реципрокальных глаголов к ССПП разных типов

Как функционирует подсистема реципрокальности и можно ли через ее функционирование понять больше о ее устройстве? В данном разделе мы подходим к решению главной задачи исследования: определению системных характеристик скрытой реципрокальности.

Выше было определено, что реципрокальность – *смешанная* в некоторых языках категория, т. е. категория, допускающая как скрытые, так и явные способы выражения в рамках одного и того же языка. Таким образом, раскрыв самые общие принципы организации категории реципрокальности, мы вплотную подошли к выработке алгоритмов описания более частных, но неменее необходимых для понимания ее сути свойств реципрокальности.

3.1.Алгоритм описания глагольной реципрокальности в языке

Анализ закономерностей категоризации языковым сознанием взаимных ситуаций, открывает путь к выработке алгоритма описания скрытой реципрокальности. По сути, были выработаны два «встречных», комплементарных алгоритма – исходно-формальный и исходно-семантический. Применение второго алгоритма становится возможным после получения предварительных результатов исследования лексико-семантических полей, в которых в разных языках наблюдаются скрытые глагольные реципроки.

Исходно-формальный алгоритм представляет собой анкету, предусматривающую ответы на вопросы:

1) существуют ли в языке X специальные реципрокальные показатели?

2) существуют ли в языке X глаголы, несущие взаимную семантику без специальных реципрокальных показателей?

3) есть ли среди реципрокальных показателей глаголы без аффиксов, часто встречающихся в словах с взаимной семантикой или без аффиксов, без которых глаголы являются глаголами одностороннего действия/отношения?

4) к каким семантическим группировкам принадлежат данные глаголы?

5) есть ли среди данных семантических группировок следующие лексико-семантические группы: физическая/социальная/вербальная конфронтация; нейтральный разговор, дружеское общение, обсуждение/переговоры?

Исходно-семантический алгоритм – это анкета, в которой в случае положительного ответа на первый вопрос, порядок ответа на последующие не является строгим, т. е. позиции анкеты параллельны:

1) существуют ли в языке X глаголы следующих лексико-семантических групп: физическая/социальная/вербальная конфронтация; нейтральный разговор, дружеское общение, обсуждение/переговоры?

2) есть ли среди них глаголы со специальными реципрокальными показателями?

3) есть ли среди них глаголы, несущие реципрокальную семантику без специальных реципрокальных показателей?

4) есть ли среди них глаголы без аффиксов, часто встречающихся в словах с взаимной семантикой?

Анализ ответов на вопросы анкеты дает возможность получить наборы глаголов, которые выражают одну и ту же семантическую категорию – взаимность, но с разной степенью грамматикализованности.

Очевидно, что при соответствующих комбинациях ответов на первые два вопроса исходно-формального теста можно сделать следующие выводы:

1) 1 – нет, 2 – да – в языке x категория реципрокальности является скрытой;
2) 1 – да, 2 – нет – в языке x категория реципрокальности является явной;
3) 1 – да, 2 – да – в языке x категория реципрокальности является частично скрытой, частично явной.

Казалось бы, очевидно, что граница между скрытым и явным определяется в системе вопросов 1 и 2 и к скрытому выражению относятся все слова, выражающие взаимное значение без специальных реципрокальных показателей.

Однако, даже если рассмотреть только субъектно-ориентированные глагольные реципроки – глаголы, обозначающие взаимное отношение / действие между субъектами [Nedjalkov 2007, т. 1, с.13], можно увидеть такие глаголы, которые не являются продуктами простого грамматического преобразования путем 1) прибавления специального показателя в плане морфологии (в русском языке это постфикс -*ся*, так как именно он маркирует отдельный лексико-грамматический разряд взаимно-возвратных глаголов) и 2) приращения семы взаимности в плане семантики.

Например, это глаголы с такими частотными для реципроков аффиксами, как *раз-*, *со-* в русском языке (*разъединять, собирать*), *con-* в английском языке (*conflict*) или глагол *обсуждать* в русском, который имеет односторонний коррелят без аффикса *об- судить* (кого-либо/о чем-либо в одностороннем порядке).

Подобные глаголы бывают двух внутренне неоднородных типов.

- Глаголы с морфемами, которые являются регулярными для выражения реципрокальной семантики хотя бы в одном из подклассов реципрокальных глаголов русского языка или глаголы с аффиксами, привносящими сему взаимности в семантику английских глаголов. Речь идет о префиксах *с-* и *раз-*, регулярных для объектных локативных реципроков типа *соединить – разъединить, свести – развести* и префиксе *пере-*, регулярном для мультипликативно-взаимных глаголов, например, *перекрикиваться*. Интересующие же нас субъектно-ориентированные глагольные реципроки (*разговаривать, перетереть* (сленговое), *соперничать, сплетничать*), хотя и содержат данные форманты, не относятся к грамматическим реципрокам. Более того, в некоторых из них (*соперничать, сплетничать*) первоначальное наличие подобной морфемы

восстанавливается лишь при обращении к этимологии (что тоже релевантно в контексте исследования скрытых классов, когда важен палеосемантический фактор; см.: [Борискина 2011]). К этому же ряду примыкает и глагол *обсуждать* с префиксом *об-,* наличие которого служит для противопоставления, различения реципрока и его односторонних коррелятов; ср.: *обсуждать – осуждать – судить*. В английском языке это глаголы с аффиксами *co- (con-), di-,* при помощи которых часто образуются глагольные реципроки (*consult, coincide, diverge, differ*), а также менее частотными префиксами *inter-* и *ex-*, которые тоже могут привносить в лексическое значение слова сему взаимности (*intermarry, exchange*). Во всех подобных случаях мы можем говорить о неполной скрытости категории реципрокальности.

- Глаголы со специальным маркером реципрокальности, при наличии которого, деривация данных слов не является только лишь грамматическим преобразованием из «одностороннего» во «взаимное», которое мы видим, например, в паре *ругать – ругаться*. Действительно, значение таких глаголов серьезно отличается от их коррелятов без *-ся* (ср.: *сражать – сражаться, драть – драться*), или же подобный коррелят вовсе отсутствует (*общаться*). Эти глаголы представляют, по сути, разные степени явности категории реципрокальности (аналогов в английском языке нет в силу отсутствия в нем специального морфологического показателя взаимности).

Здесь встает вопрос: где проходит граница скрытой реципрокальности, следует ли включать в данное понятие вышеперечисленные классы слов?

Если принять за основной классифицирующий признак деривацию слова, то глаголы второго класса целесообразно отнести к скрытому сегменту категории реципрокальности. Преимущество подобного подхода к демаркации границы скрытой реципрокальности заключается в том, что в качестве ведущего выступает системный критерий отношения слова с его «соседями» по языковой системе.

Однако, если границу скрытой реципрокальности проводить по признаку наличия / отсутствия морфемы, каким-либо образом участвующей в выражении категориальной семантики, следует исключить оба вышеназванных класса слов из объема понятия скрытой реципрокальности. Сильная сторона данного подхода к определению границ скрытой реципрокальности состоит в эксплицитности избираемого критерия, но в случае его принятия как единственного, игнорируются деривационные свойства языковых единиц, отражающие их системные отношения.

Выбор в обоих случаях будет условным, поэтому необходимы объективные критерии определения границ скрытой глагольной реципрокальности, а если последняя окажется неоднородной – то и ее внутренней структуры.

Поэтому проводем корпусное исследование функционирования глаголов всех трех множеств – явным, скрытым или аффиксальным способом маркирующих реципрокальность. При этом подобное исследование не должно быть привязано к одной лексико-семантической группе глагольной лексики (т. е. должно проводиться на материале минимум двух таких групп). Первоочередной задачей нам представляется проведение исследования на материале языка, в котором есть специальный реципрокальный показатель, позволяющий лексеме ингерентно выражать взаимную семантику, чтобы исследователю возможно было рассмотреть определенные состояния на шкале морфологизации (см.: [Плунгян 2003]). В соответствии с изложенной в разделе 1.2 методологической базой грамматики конструкций, лексически ориентированного синтаксиса и системным подходом в лингвистике изучим лексико-синтаксический аспект функционирования интересующих нас глаголов. Рассмотрим данные глаголы на предмет тяготения к употреблению в определенном типе конструкций, привлекая все релевантные лексико-синтаксические типы конструкций, в которых возможно глагольное выражение взаимности (три типовые структурные схемы (см. выше о ССПП 1, ССПП 2, ССПП 3)).

Данное исследование предполагает два этапа: анализ функционирования реципрокальных глаголов синтетического языка (русского) и анализ функционирования глаголов со взаимным значением в аналитическом языке – английском. Безусловно, в синтетическом языке имеется важное преимущество перед аналитическим при решении исследовательских задач – более широкая, разнообразная палитра средств выражения реципрокальности. Действительно, в русском языке есть отсутствующий в английском показатель взаимной семантики, образованный по оси возвратности – постфикс *-ся* – и связанный с его наличием лексико-грамматический разряд взаимно-возвратных глаголов. При этом в русском языке наличествуют корреляты всех средств выражения взаимной семантики, имеющиеся в английском языке (см. раздел 2.1).

Такое преимущество для исследователя являет свою ценность в контексте системного подхода к языку Г. П. Мельникова: система русского языка содержит большее количество различных элементов – вариантов выражения реципрокальной семантики, чем система английского языка. При этом среди них есть элементы, подобные всем вариантам выражения данной семантики в английском языке. Следовательно, на основании системы русского языка можно вывести закономерности для английского языка, а также для языков, содержащих более разнообразный арсенал средств выражения интересующей нас семантики, чем английский, но менее разнообразный или равный по разнообразию русскому. Следует заметить, что генетически связанные с рефлексивным маркером показатели весьма распространены во многих языках мира, вследствие чего парадигма средств выражения английского языка оказывается менее продуктивной.

При этом в русском языке представлены все три типа структурных схем простого предложения, характерные для реципрокальных предикатов английском языке.

Для обнаружения различий в тенденциях лексико-синтаксического функционирования глаголов взаимной семантики возьмем по три русских

глагола, разных с морфологической точки зрения из двух лексико-семантических полей, в которых существует типологическая тенденция к скрытому выражению реципрока: *сражаться/соперничать/воевать* (лексико-семантическое поле глаголов конфронтации) и глаголы *общаться/разговаривать/говорить* (лексико-семантическое поле глаголов речевой деятельности). Глаголы *сражаться* и *общаться* имеют специальный морфологический маркер взаимного отношения; глаголы *соперничать* и *разговаривать* имеют префиксы, типичные для глаголов с реципрокальным значением – ср.: *состязаться, сообщаться, соединять, разлучаться, разъединять*; наконец, глаголы *воевать* и *говорить*, представляющие скрытое, не выраженное морфологически выражение реципрокальности (*root verbs* по В. П. Недялкову [Nedjalkov 2007]).

Помещая в фокус рассмотрения данные глаголы, необходимо учитывать два момента:

1. Глагол *говорить,* помимо взаимного значения «общаясь, разговаривать, вести беседу, разговор», имеет и односторонние значения «словесно выражать мысли, сообщать» [Ожегов 1973, с. 125]. Таким образом, для идентификации взаимного употребления данного глагола, нужно интерпретировать его смысл в каждом контексте, привлекая описанные выше способы идентификации глагольных реципроков, в частности, самый основной – универсальный тест на реципрокальность.

2. Все данные глаголы являются в соответствии с трактовкой Ю. П. Князева лексическими реципроками как не имеющие постфикс *-ся* или односторонних коррелятов без постфикса *-ся* в плане выражения и семы взаимности в плане содержания, но в остальном с идентичными наборами морфологических и семантических характеристик (как, например, *обнимать – обниматься*) [Князев 2007].

В связи со вторым замечанием возникает необходимость дополнить список рассматриваемых глаголов – лексических реципроков – противопоставленным им реципроком грамматическим, чтобы наблюдать

ускользающее разграничение скрытого и явного, опираясь на сопоставление и контраст функционирования двух таких, с формальной точки зрения более четко отграниченных друг от друга средств выражения взаимности, как лексический и грамматический реципрок.

На роль такого глагольного средства может претендовать глагол *ругаться*. Выбор здесь невелик, так как реципрок как актантная деривация с участием только *-ся* в русском языке возможен только в очень ограниченном с семантической точки зрения круге глаголов: некоторых физических действий, вербального конфликта [Князев 2007]. Глагол же *ругаться* не только попадает в число подобных глаголов, «чистых», ничем не усложненных грамматических реципроков, но еще и нейтрализует в себе противопоставление лексико-семантических полей речевого действия и конфликта, оказываясь в зоне синкретизма (так называемая «агрессивно-отрицательная речь» [Кронгауз 1994]).

Вместе с тем «для чистоты эксперимента» возьмем глагол *перестреливаться* из поля конфронтации, представляющий собой префиксально-постфиксальное образование с дополнительным значением множественности действия, на основании чего он относится по классификации Ю. П. Князева к мультипликативно-взаимным глаголам, являя тем самым частный случай грамматического реципрока [Князев 2007].

Выбор пал на такой «усложненный» глагол потому, что связанные с тематикой конфронтации возвратные глаголы без префиксов – *кусаться, толкаться, бодаться* – имеют в своей семантике серьезные отличия от прототипических реципрокальных семем. Данные отличия связаны с их способностью образовывать антипассивы, обозначать несобственно взаимное хаотическое взаимодействие [Янко-Триницкая 1962; Князев 2007; Летучий 2009]. На основании отличия данных глаголов от взаимно-возвратных А. М. Ломов выделил их в отдельный подкласс активно-безобъектных наряду с взаимно-возвратными и другими в рамках лексико-грамматического разряда возвратных глаголов [Распопов, Ломов 1984].

Таким образом, функционирование различных глаголов с взаимной семантикой будем выявлять на системе пересечений релевантных морфологических, синтаксических и лексико-семантических признаков (см. таблицу 11).

Таблица 11. Матрица для анализа функционирования русских глагольных реципроков

Степень морфологизированности выражения реципрока \ Синтаксическая конструкция	Грамматические реципроки		Лексические реципроки					
	Собственно взаимно-возвратный глагол	Мультипликативно-взаимный глагол	Со специальным реципрокальным показателем		С частотным аффиксом		Скрытое выражение	
	ЛСП-1[1]-2 ругаться	ЛСП-2 перестреливаться	ЛСП-1 общаться	ЛСП-2 сражаться	ЛСП-1 разговаривать	ЛСП-2 соперничать	ЛСП-1 говорить	ЛСП-2 воевать
ССПП 1 S (PL) + V / S (сочинительное словосочетание) + V								
ССПП 2 S (PL) + V + предлог + друг друга/один другого//между собой								
ССПП 3 S + V + предлог + Ob								

В свободные ячейки этой таблицы будут вноситься данные о доле словоупотреблений конкретной лексемы в определенной конструкции от общего числа ее взаимных словоупотреблений.

Для верификации полученных данных и получения более широкой панорамы, позволяющей сопоставлять функционирование глаголов из рассмотренных ЛСП с внешними по отношению к ним элементами системы,

[1]К первому лексико-семантическому полю (далее – ЛСП) относятся глаголы речевой деятельности (условно обозначим ее как ЛСП-1), ко второму – конфликта, противостояния (ЛСП-2).

в исследование также включены глаголы, которые по семантическим или грамматическим характеристикам дублируют некоторые из рассмотренных выше лексических единиц. Это глаголы:

- *браниться* (семантически и грамматически схож с глаголом *ругаться*),

- *обниматься и целоваться* (примеры грамматических реципроков, не относящиеся к двум рассматриваемым ЛСП),

- *обсуждать* (для уточнения статуса префикса *об-* в системе средств выражения взаимности),

- *враждовать* и *дружить* (как примеры лексических реципроков, один из которых расширяет исследовательскую базу в ЛСП конфронтации, а второй является внешним для данного ЛСП элементом, связанным с предыдущим отношениями антонимии).

Рассмотрим функционирование русских глаголов взаимной семантики в соответствии с вышеизложенной общей схемой анализа. Исследование функционирования глаголов, маркирующих реципрокальность явным или аффиксальным неспециализированным способом, и скрытых реципроков проводилось на материале Национального корпуса русского языка [Национальный корпус русского языка], содержащего 322 миллиона словоупотреблений. Нами учитывался, прежде всего, такой параметр лексико-синтаксического функционирования глаголов, как степень тяготения к определенной ССПП, а также доля употреблений в комитативной конструкции (в составе ССПП 3), тяготение к совместному употреблению с другими реципроками и в форме инфинитива. Поисковые запросы осуществлялись в строке «Лексико-грамматический поиск» (основной корпус), что позволило включить в материал исследования все разнообразие форм данных глаголов. Соотношение количества вхождений рассматриваемого глагола в НКРЯ и количества примеров, обработанных вручную, определялось прогрессивной шкалой репрезентативности:

- до 1000 вхождений – 75+/-5 примеров;

- от 1000 до 100 000 вхождений – 100+/-5 примеров;

- более 100 000 вхождений – более 400 примеров.

Ниже будет представлен последовательный анализ 16 русских глаголов по вышеуказанным параметрам.

Следующим – вторым – этапом корпусного исследования станет изучение функционирования реципрокальных глаголов в английском языке – представителе языков аналитического типа. Для языков, в которых отсутствует специальный морфологический маркер взаимности, например для английского, где имеется практически неограниченный в сочетаемости прономинальный маркер *each other / one another,* исходная таблица примет следующий вид (см. таблицу 12).

Таблица 12. Матрица для анализа функционирования английских глагольных реципроков

Степень морфологизированности выражения реципрока \ Синтаксическая конструкция	Грамматические реципроки		Лексические реципроки			
	Реципрок, образованный с помощью свободного лексического показателя *each other/one another*		С частотным аффиксом		Скрытое выражение	
	ЛСП-1-2 say	ЛСП-2 beat	ЛСП-1 converse	ЛСП-2 conflict	ЛСП-1 talk	ЛСП-2 fight
ССПП 1 S (PL) + V / S (сочинительное словосочетание) + V	-	-				
ССПП 2 S (PL) + V + (предлог) each other/one another						
ССПП 3 S + V + (предлог) Ob	-	-				

Прочерки показывают позиции в матрице, заполнение которых принципиально невозможно, аналогичные позиции в русском языке не

являются лакунарными в силу наличия двойного реципрока (см. об этом феномене подробнее в работе [Летучий 2009]).

Аналогично, как и в русском языке, в английском скрытые лексические реципроки должны выявляться с помощью процедур идентификации. Универсальный тест на реципрокальность применительно к данной ситуации можно представить следующим образом (V – глагольный предикат, x и y – стороны взаимного действия, запись ведется с учетом линейной последовательности синтаксического выражения актантов, без учета предлогов, входящих в это выражение и морфологической формы глагольного предиката):

RECIPROCITY = XY V ⇔ X V Y ⇔ Y V X ⇔ XY V *each other / one another*

Например:

RECIPROCITY (talk) = xy talk ⇔ x talk y ⇔ y talk x ⇔ xy talk with *each other / one another*

RECIPROCITY (fight) = xy fight ⇔ x fight y ⇔ y fight x ⇔ xy fight *each other/one another*

В случае с глаголом *fight* не исключено также обращение к лексическому контексту, который в случаях, когда второй участник действия не выражен в поверхностной структуре предложения, помогает идентифицировать сему взаимности.

Исследование на материале английского языка имеет своей целью не только рассмотрение функционирования реципрокальных глаголов в аналитическом языке, но и верификацию данных, полученных на материале языка синтетического – русского – для получения сведений о реципрокальности в языке в широком смысле этого слова. Соответственно, исследуемые в английском языке единицы должны в семантическом плане

коррелировать с рассмотренными русскими. Поэтому будем анализировать глаголы, обладающие сходной с проанализированными русскими глаголами семантикой. Остановимся на глаголах, наиболее часто встречающихся в параллельном русско-английском подкорпусе НКРЯ, а также глаголах, функционирование которых является показательным с точки зрения тяготения к одной из трех описанных выше ССПП. Всего проанализировано 16 глаголов: *argue, associate, communicate, compete, converse, debate, discuss, fight, kiss, quarrel, rival, speak, struggle, talk, vie, whisper*. Разумеется, будут сделаны определенные корректировки на основе результатов первого этапа корпусного исследования и внимание будет сосредоточено на тех параметрах, по которым наблюдались системно значимые тенденции. При этом принцип формирования поисковых запросов в НКРЯ останется неизменным – через строку «Лексико-грамматический поиск».

Итак, начнем корпусный анализ с изучения лексико-синтаксического поведения русских глаголов, несущих семантику взаимного действия.

3.2.Лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов в синтетическом языке

Анализ глагола *ругаться*

Глагол *ругаться* является в русском языке грамматическим реципроком, относясь к собственно взаимно-возвратным глаголам по классификации Ю. П. Князева [Князев 2007]. Постфикс -*ся* в нем привносит в значение исходного глагола *ругать* с односторонней семантикой только сему взаимного действия.

Однако, как показывает эмпирическое исследование, данный маркер является полисемичным. Он часто выступает как возвратный маркер без реципрокального значения (подробнее о рефлексивно-реципрокальной полисемии см. в работе [Недялков 2004]). Ср. с ненормативным употреблением *ругаться на кого-либо*. Для выражения одностороннего «агрессивно-отрицательного» вербального действия данному глаголу необязательно быть употребленным в единственном числе, так как это действие может иметь множественный агенс. Ср. примеры 186 и 187:

(186) Командир сзади заметно отставал, терял его следы и ***ругался****, чувствуя себя виноватым.*

(187) Если б мы со Шнейдером так ***ругались*** *на будничном русском языке, от нас бы шарахалось полрынка.*

Важно отметить, что в данном значении лексема *ругаться* может употребляться и в форме причастий и деепричастий:

(188) На этой акции немцев не было. Были только полицаи, пьяные, страшно ***ругавшиеся****.*

(189) Два раза он проваливался на льду и, грязно ***ругаясь****, долго выползал на льдину.*

Однако причастиями и деепричастиями могут обозначаться и взаимные ситуации:

(190) ...Метался по водной кромке ловкий конкурент со своей стеклотарой, ***ругаясь*** *с перевозчиками.*

(191) Бабушки с портретами Бориса Ельцина, ***ругающиеся*** *с агрессивно-потными анпиловскими активистами, не упустившими шанс, чтобы обличить «грязных демократов», развалившихся Союз.*

Сразу заметим, что реципрокальное значение вообще может выражаться и нередко выражается деепричастиями и причастиями соответствующих глаголов, несущих семантику взаимного действия:

(192) ***Встречаясь*** *в день по семь-восемь раз с различными бизнесменами и бандитами из организации Виктора Палыча и других сообществ, Челищев понимал, что Антибиотик сознательно «светит» его.*

(193) ...И вымела из кухни ***дерущихся*** *котят, не справившись при этом, кто прав, кто виноват.*

Вернемся к глаголу *ругаться.* Общее число его вхождений в Национальный корпус русского языка – 7422. По результатам исследования, его употребление во взаимном значении составляют 27% от общего числа проанализированных употреблений. Если принять все реципрокальные употребления за 100%, то данные контексты распределятся между ССПП 1 и ССПП 3 по 60% и 40% соответственно при редких, единичных употреблениях в конструкции с взаимным местоимением *друг друга* или взаимно-возвратным местоимением *между собой*. Доля употреблений в комитативной конструкции (с предлогом *с*, вводящим второго участника в правостороннем контексте глагольного сказуемого) – 78% от общего числа контекстов, в которых глагол *ругаться* употреблен в составе ССПП 3. При этом доля контекстов, в которых в ближайшем окружении рассматриваемого глагола есть какой-либо реципрок составляет 24%[1]. Такие реципроки служат

[1]Здесь и далее доля совместных употреблений с другим реципроком, а также инфинитивных словоупотреблений определяется от общего числа именно реципрокальных, а не от всех словоупотреблений данного глагола (разумеется, во многих случаях это разведение нерелевантно, так как все проанализированные словоупотребления глагола являются реципрокальными).

для элиминирования неопределенности у реципиента по поводу выбора одного из двух возможных значений – реципрокального и одностороннего:

(194) Молодые родители когда-то и такой жилплощади радовались, но ныне – одну клетушку предназначили мне, во второй зимогорили мать с отцом, ***раздражались друг на друга****, всё чаще и громче* ***ругались*** *так, что мать обреталась больше на кухне*.

В последнем приведенном высказывании наблюдается еще один грамматический реципрок ***раздражались друг на друга***.

(195) Люди таскают вещи, ***спорят***, ***ругаются***.

Здесь видим лексический реципрок *спорят*, синтагматически соположенный с анализируемым глаголом.

Очень часто и при одностороннем употреблении данного глагола контекст содержит указание на «односторонность» действия – прямую речь:

*(196) А то так и будем сидеть. — Натурный…***— ругалась** *мать. — Бычок упористый*.

– или односторонний коррелят реципрока:

(197) Она не ругалась, не плакала, она ***говорила*** *коротко и властно, как полководец в разгар сражения, и родственники её слушались*.

Такие особенности контекста могут также быть связаны с необходимостью устранить многозначность при употреблении глагола *ругаться*.

Анализ глагола *браниться*

Глагол *браниться*, как уже отмечалось, является своеобразным «дублером» глагола *ругаться*: будучи с точки зрения лексической семантики синонимом последнего, он также допускает как реципрокальные, взаимные (пример 198), так и односторонние (пример 199) употребления с такими же характерными чертами. Ср.:

(198) Старики дневальные, вынеся обе параши, забранились, кому идти за кипятком. ***Бранились*** *привязчиво, как бабы*.

(199) Радовка ему сегодня выпала с бабой Августой, старой, но ещё подвижной женщиной, которая громко ***бранилась*** *на непослушных коров, как и на своего подпаска*.

Общее число вхождений глагола *браниться* в НКРЯ равняется 1512. Реципрокальную семантику данный глагол выражает в 36% случаев, подавляющее большинство из которых составляют употребления данного глагола в рамках ССПП 1 – 73%, на ССПП 2 и ССПП 3 приходится 8% и 19% словоупотреблений соответственно.

Анализ глагола *обниматься*

Глагол *обниматься* также относится к грамматическим реципрокам, образованным при помощи морфологического маркера *-ся*. С семантической точки зрения Ю. П. Князев относит его к глаголам физических действий, «связанных с проявлением дружеских или любовных чувств» [Князев 2007, с. 271]. Исследовательскую базу для изучения функционирования данного глагола составили 1158 словоупотреблений, содержащихся в НКРЯ. Употребления глагола в ССПП 1 незначительно доминируют над ССПП 3 (53% и 47% соответственно), в ССПП 2 глагол употребляется крайне редко (лишь 1% словоупотреблений).

В половине случаев (53%) в контекстах с ССПП 3 второй участник находит поверхностное выражение с помощью комитативной конструкции (200) в противоположность эллиптической реализации этой схемы, когда второй участник опущен, потому что не важен или его можно восстановить из более широкого контекста (пример 201).

(200) Внучка освободила порабощенного Степана и кинулась ***обниматься*** *с Вероникой*.

(201) Кто суровым кивком, кто рукопожатием, а кто-то сразу ***обнимается*** *или целуется*.

В 24% случаев данный глагол синтагматически сопряжен с каким-либо реципроком, причем в подавляющем большинстве случаев это происходит, если глагол функционирует в рамках ССПП 1, например:

(202) Люди обнимаются, ***хлопают друг друга*** *по спине,* ***целуются****.*

(203) Обнимаются сучьями, ***сплетаются*** *стволами и ветвями, иногда даже* ***врезаются, врастают друг в друга****.*

В случае с рассматриваемым глаголом представляется возможным говорить о том, что сама описываемая ситуация действительности и прагматический фактор во многих случаях определяют такой контекст – с перечисляемыми реципроками, выстраивающимися в цепочку.

Анализ глагола *целоваться*

По грамматическим и семантическим характеристикам глагол *целоваться* схож с предыдущим глаголом. Он также входит в число ядерных грамматических реципроков и обозначает *affected actions* (термин из работы [Kemmer 1993]). В НКРЯ имеется 3651 вхождение данного глагола. В то время как употребления в ССПП 2 крайне редки, основной массив словоупотреблений разбивается между ССПП 1 (57%) и ССПП 3 (43%), в половине которых второй участник выражен посредством конструкции с предлогом *с*. Пассивный участник может также вводиться в конструкции *лезть к кому-либо целоваться*, хотя, естественно, это происходит гораздо реже:

(204) Есть такие люди, что лезут к тебе ***целоваться*** *всякий раз, хотя и встречаешься с ними не меньше трех раз в неделю.*

С реципроками глагол *целоваться* синтагматически сопряжен в 10% случаев.

Анализ глагола *перестреливаться*

Глагол *перестреливаться* – мультипликативно-взаимный глагол, в который комбинация префикса *пере-* и постфикса *-ся* вводит семантику множества взаимных действий участниками, состав которых в основном сохраняется:

(205) Мне вспоминалось, как учащиеся девочки, высыпав на этот балкон, с любопытством смотрели с него осенью в наш сад, где мы, два гимназиста, ***перестреливались*** *друг с другом георгинными бутонами; вспоминалось, как мы потом стали стрелять через улицу и в них*

В последнем предложении интересен момент переключения множественного агенса, ставшего сразу из множественно-дистрибутивного единым целым, на односторонний коррелят того же действия. Как видно из приведенного выше и последующего примера, данный глагол употребляется в ССПП 2, причем употребляется в этой схеме не только со взаимным местоимением *друг друга*, но и с местоимением *меж собой (пример 206).*

(206) Это как раз и были «крутые», которые еще продолжали по привычке ***перестреливаться*** *меж собой*.

То же взаимное действие с другой аспектуальной характеристикой – завершенное действие, результатом которого стало нанесение летального взаимного урона, номинируется в русском языке уже другим, прономинальным грамматическим реципроком, сохранившим, однако приставку *пере-*:

(207) Как ты думаешь, многие шакалы в городе обрадуются, когда узнают, что мы тут ***друг друга перестреляли****?*

Глагол *перестреливаться* (всего 71 контекст в НКРЯ) крайне редко употребляется в ССПП 2 (3% употреблений), несколько чаще в ССПП 1 (27%) и большей частью в ССПП 3 (70%, из которых примерно в двух третях случаев имеет место конструкция с предлогом *с*). Совместная встречаемость с другими реципроками составляет 4%. Нередки и метафорические употребления, главным образом в ССПП 1 (пример 208).

(208) Все еще сравнивают со старой, спорят, ***перестреливаясь*** *профессиональными терминами*.

Анализ глагола *перешептываться*

681 вхождение в НКРЯ. Однако это количество более, чем в 10 раз, превышает число вхождений глагола с аналогичной морфологией –

перестреливаться. Как показывает анализ, глагол *перешептываться* обладает максимальным тяготением к ССПП 1 из всех рассмотренных глаголов – 89%. Пример высказывания с данным глаголом (209) демонстрирует его употребление в самой типичной для него синтаксической конструкции:

(209) Егор из-за кулис видел, как они ***перешептываются****, улыбаясь*.

Доля употреблений в ССПП 2 составляет 4%, а в ССПП 3 – 7,5% от общего количества. 66% употреблений глагола в ССПП 3 входят в состав комитативной конструкции. При этом употребления с другим реципроком в контексте составляют 7,5% от общего числа.

Анализ глагола *общаться*

Глагол *общаться* относится уже не к грамматическим, а лексическим реципрокам, поскольку не имеет соотносительного глагола без *-ся.* В НКРЯ имеется 6467 вхождений с данным глаголом.

Анализ показал, что подавляющее большинство употреблений глагола (82%) наблюдается в ССПП 3. Комитативная конструкция для выражения второго участника используется в 80% из них (пример 210).

(210) Но в некоторых случаях мы ***общаемся*** *и с руководством изолятора, просим.*

В 13% случаев рассмотренный глагол употребляется в рамках ССПП 1, в 5% – в ССПП 2, причем используется как маркер *друг друга*, так и *между собой*. Лексико-грамматический контекст всех этих употреблений практически не содержит реципроков – они используются лишь в окружении (2% словоупотреблений).

Анализ глагола *драться*

Реципрок *драться* представляет ЛСП конфронтации. В НКРЯ содержится 8451 пример с его употреблением.

Доминирующей схемой здесь является ССПП 3 (66%), следующей по количеству употреблений ожидаемо идет ССПП 1 (31%), последнее место по частотности занимает ССПП 2 (3%). 24% от числа всех контекстов с ССПП 3

содержат комитативную конструкцию с предлогом *с.* 6% контекстов содержат реципрок, синтагматически соположенный с данным глаголом.

По сравнению с проанализированными выше глаголами, глагол *драться* реже всех проецирует комитативную конструкцию, второй, пассивный участник очень часто опускается, и мы имеем дело с эллиптической конструкцией. Данный факт может объясняться тем, что коммуникативный акцент делается на действии и факте участия в нем активного партиципанта.

В определенных случаях употребление эллиптической конструкции диктуется ситуацией и прагматическим фактором, например, интенцией говорящего сделать акцент на чьем-то желании драться в принципе, неважно с кем (пример 211).

(211) В те годы все мы любили ***драться****, но Юра, по естественным причинам, любил в особенности*.

Существует и архаичное употребление слова *драться*, пришедшее из дворянского лексикона времен Российской Империи, в значении «драться на дуэли», когда субстантивный компонент последнего словосочетания подразумевался и легко восстанавливался из контекста слушающим:

(212) Теперь Александр Сергеевич ещё более непреклонно желает ***драться***.

Анализ глагола *сражаться*

Лексический реципрок *сражаться* также относится к ЛСП конфронтации. В НКРЯ собрано 5040 контекстов с данным глаголом. Исследование показало, что в подавляющем большинстве контекстов глагол употреблен в ССПП 3 (88%), в 38% из которых комитативная конструкция вводит синтаксическую позицию для второго участника. Гораздо реже для этого используется предлог *против (213).*

(213) Каково ей ***сражаться*** *в Америке против Америки?*

В 11% от общего числа высказываний данный глагол употребляется в ССПП 1. Другие реципроки в контексте встречаются в 7% случаев. Весьма часто встречаются эллиптические употребления, когда, с одной стороны, слушающему известно, с кем ведется борьба (очень часто это общеизвестный факт), а с другой – говорящий сосредотачивает внимание слушающего на факте участия активного партиципанта в действии в большей степени, чем на взаимном характере этого действия. В этом случае мы можем говорить о побледнении взаимной семантики:

(214) Те, кто ещё хотел ***сражаться****, забрали свои семьи и ушли в горы*.

Часто первостепенную важность приобретает тот факт, за что ведется борьба. Чаще всего для этого используется предлог *за*, реже (в метафорическом употреблении) – *ради* (пример 216).

(215) Дайте армии цели и идеи, за которые можно ***сражаться***.

(216) Бритоголовый разглядел её лицо — это была она, его главная пациентка, ради которой он ***сражался*** *с медицинскими чиновниками, с коллегами, с друзьями, даже со своей семьёй…*

Данный глагол также тяготеет к употреблению с обстоятельством образа действия (217-218).

(217) Недавно на спринтерском чемпионате мира в Хамаре он на равных ***сражался*** *со звёздами и пробился в десятку сильнейших*.

(218) За других будет ***сражаться****, как лев, куда угодно пойдёт, с кем угодно схватится*.

Анализ глагола *соперничать*

Глагол *соперничать* – первый в данном анализе лексический реципрок без *-ся*, в выражении взаимности здесь участвует префикс *со-*. В НКРЯ зафиксирован 1181 контекст употреблений данного глагола. Глагол *соперничать* обнаруживает тяготение к употреблению в ССПП 3 (69%), хотя доля употреблений в ССПП 1 также относительно велика и составляет 25%. Что касается количества употреблений в ССПП 2, то оно укладывается в

порядок, общий для подавляющего большинства анализируемых глаголов, и составляет 6%.

Любопытно, что весьма часто, почти в 40% случаев, мы имеем дело с инфинитивными употреблениями:

(219) А вот в 1/2 финала ***соперничать*** *практически наверняка предстоит с хозяевами турнира — сборной Казахстана*.

Однако главная особенность контекстуального функционирования глагола *соперничать* – это то, что почти во всех его употреблениях в ССПП 3 имеет место эксплицитное выражение второго участника. И обратно: доля эллипсиса в ССПП 3 стремится к нулю:

(220) Всё смерчем завивалось вокруг Зубра, никто не ревновал, не ***соперничал*** *с ним*.

Среди подобных употреблений встречается немало метафорических, причем «соперничают» как конкретные сущности, так и абстрактные понятия:

(221) ***Соперничал*** *с асидолом по интенсивности запах сапожной ваксы*.

(222) Их прожорливость могла ***соперничать*** *только с неутомимостью родителей*.

Реципроки, употребленные в синтагматической связке с анализируемым глаголом – довольно редкое явление, их появление может быть продиктовано самим описываемым положением дел. Возьмем в качестве примера описание компьютерной игры (223).

(223) Участники ***взаимодействуют — соперничают, заключают союзы****, при желании* ***делятся друг с другом*** *боевой амуницией и средствами*.

При этом обращает на себя внимание тот факт, что нередко данный глагол употребляется в описаниях политического противостояния (пример 224).

(224) Результатом бисмарковской дипломатии было появление на свет ***взаимно переплетающихся*** *альянсов, частью* ***совпадающих*** *по целям, а*

частью ***соперничающих друг с другом****, что страховало Австрию от русского нападения, Россию от австрийского авантюризма, а Германию от окружения…*

Во всех приведенных случаях, сама коммуникативная ситуация (спорт, политика и т.д.) задает требование: важно кто и против кого, что и объясняет тенденцию рассматриваемого глагола к употреблению в комитативной конструкции.

Анализ глагола *обсуждать*

В НКРЯ содержится 10095 употреблений глагола *обсуждать*. У глагола *обсуждать* так же, как и у глаголов *ругаться* и *браниться* наблюдается реципрокально-односторонняя полисемия – в одной семантеме присутствуют как реципрокальные, так и односторонние семемы. Однако одностороннее значение этого глагола должно быть скорее названо квазиреципрокальным. В этом значении глагол *обсуждать* употребляется в письменной речи (научной или просто текстах-рассуждениях, в том числе ипублицистического характера) для обозначения изложения автором каких-либо идей (обычно в привязке к определенному отрезку текста). При этом, употребляя данный глагол, автор как бы создает эффект диалога, взаимодействия с читателем:

(225) А в практическом плане всерьёз ***обсуждать*** *приведённые точки зрения — "будет кризис" и "будет процветание" — можно только по отдельности.*

Весьма частотны для этого употребления страдательные причастия:

(226) В обычных условиях искажение электромагнитных и ядерных взаимодействий гравитацией неизмеримо мало, но если верна ***обсуждаемая*** *теория, то вблизи* 10^{-17} *сантиметров эти искажения станут уже доступны нашим приборам.*

Большинство употреблений приходится на собственно реципрокальное значение – около 9/10. Однако возможность этого слова быть употребленным

в квазиреципрокальном значении оказывает влияние на распределение словоупотреблений по ССПП, подобно тому, как это было у глаголов *ругаться* и *браниться* – наблюдается серьезный «перекос» в сторону ССПП 1 – 73% от всех реципрокальных употреблений. Потенция к употреблению в ССПП 2 реализуется лишь в 2% случаев, 24% от всех контекстов употребления приходится на ССПП 3. Среди них доля реализации комитативных конструкций составляет 71% (пример 227).

(227) Позже, комментируя это заявление, президент и исполнительный директор Nortel Вильям Оунс подчеркнул, что никогда не ***обсуждал*** *с Чамберсом данную тему, но отметил свою открытость для диалога.*

Данный глагол примечателен еще и тем, что другие реципроки в контексте встречаются довольно редко – в 2% случаев, что позволяет отнести этот глагол к числу глаголов с низкой частотой совместной встречаемости с другими реципроками, в которую входит и следующий рассматриваемый глагол – *разговаривать*.

Анализ глагола *разговаривать*

В НКРЯ имеется 26245 употреблений глагола *разговаривать.* 86% словоупотреблений данного глагола являются реципрокальными, 14% – односторонними, означающими одностороннее речевое действие:

(228) Я, как обычно, в 6.30 иду сына будить, а он уже не спит — настроение — хуже некуда: проспал, мокрый после душа, поесть не успел — на автобус боялся опоздать, рычит, а не ***разговаривает****.*

Часто в употреблениях данного глагола в этом значении речь идет о способности/неспособности к речи, в том числе на иностранном языке:

(229) Он не может ходить и ***разговаривать****.*

(230) Я провёл в Англии два захватывающих месяца и к концу курса уже достаточно бегло ***разговаривал*** *по-английски.*

Несмотря на то, что у данного глагола также наблюдается реципрокально-односторонняя полисемия, ведет он себя в контексте по-

иному, чем ранее встречавшиеся нам глаголы с таким же свойством. Так, гораздо реже данный глагол образует контексты с ССПП 1 (11% от общего числа). Как и у других глаголов, редки словоупотребления в ССПП 2 (5%):

(231) Было слышно, как они громко, издали приветствуют друг друга и издали же начинают ***друг с другом разговаривать****.*

Подавляющее большинство словоупотреблений приходится на ССПП 3 (84%), почти 2/3 из которых проецируют комитативную конструкцию для второго участника (63%):

(232) Все четыре часа он ***разговаривал*** *со своими больными, а наши вопросы игнорировал.*

Около трети всех контекстов содержат инфинитивные словоупотребления (36%):

(233) ***Разговаривать*** *чаще всего было не о чём, и всё же сомнительно, чтобы Георгий Владимирович следовал совету своего друга.*

Показатель совместной встречаемости с другими реципроками у данного глагола самый низкий из всех рассмотренных языковых единиц – 1%.

Интересный случай представляет ситуация разговора по телефону:

(234) На лекции он жуёт чипсы и ***разговаривает*** *по мобильному телефону, а после идёт жаловаться в деканат, что ничего не понял.*

Такие положения дел должны квалифицироваться как взаимные, так как имеет место речевое взаимодействие, хотя второй участник может быть скрыт от наблюдателя и не идентифицироваться им. В таких случаях, особенно, когда личность второго участника не релевантна, употребляется эллиптическая ССПП 3 (пример 235).

(235) Он разговаривает по телефону, что часто означает: *Он занят.*

Анализ глагола *говорить*

Глагол *говорить* является самым частотным глаголом из всех, сопоставляемых в данном исследовании. Количество его употреблений,

зафиксированных в НКРЯ, на порядок превосходит все остальные глаголы – 593.913 вхождений. У данного глагола также наблюдается реципрокально-односторонняя полисемия. Большинство его употреблений (96%) реализуют односторонние значения, связанные с продуцированием речи. Семема вербального взаимодействия реализуется лишь в 4% случаев. Если принять эту долю за 100%, то в 73% контекстов глагол *говорить* употреблен в ССПП 1, доля употреблений в составе ССПП 2 составляет 7%, а в ССПП 3 – 20%. В одной синтагме с другим реципроком данный глагол употребляется в 12% всех своих реципрокальных словоупотреблений, доля комитативных конструкций с предлогом *с* для выражения второго участника -100% от общего числа всех употреблений в ССПП 3 (эллиптическая конструкция будет омонимична конструкции с глаголом *говорить* в значении «производить речь», возможно, поэтому языковая система элиминирует возможность ее возникновения).

По распределению словоупотреблений между тремя типами ССПП глагол *говорить* повторяет тенденции, наблюдаемые нами у трех других глаголов с реципрокально-односторонней полисемией: *ругаться, браниться, обсуждать*. У него так же наблюдается преобладание контекстов с ССПП 1 с большим отрывом от ССПП 3. У рассматриваемого глагола, как и у глагола *браниться*, наблюдается стопроцентная доля реализации валентности на комитативную конструкцию в ССПП 3.

Важной особенностью функционирования глагола *говорить* является то, что почти во всех своих реципрокальных словоупотреблениях он проецирует актант темы (примеры 236-237).

(236) Мы сегодня об этом достаточно подробно ***говорили*** *с коллегами в процессе переговоров*.

(237) Про школьных мужиков ***говорить****, значит, надоело?*

Данный глагол может проецировать синтаксическую позицию для выражения актанта темы как с помощью предлогов *с*, *по*, конструкции *на*

тему, так и предлога *про*. Последний предлог характерен в большей степени для разговорной речи.

Именно показатели функционирования глагола *говорить* дают зацепку для интерпретации столь специфичного контекстуального поведения глагола *разговаривать*.

Анализ показывает, что у синонимичных ЛСВ глаголов *говорить* и *разговаривать* функционирование серьезно отличается от рассмотренных выше глаголов. Так, наблюдая явное тяготение глаголов с реципрокально-односторонней полисемией к ССПП 1, мы ожидаем того же от глагола *разговаривать*. Однако у данного глагола мы видим принципиально иную картину – налицо устойчивое тяготение к ССПП 3. Почему же глагол *разговаривать* «ведет себя» столь необычным для глагола с реципрокально-односторонней полисемией образом?

Ответ находим при сопоставлении функционирования глагола *разговаривать* с синонимичным ему ЛСВ глагола *говорить.* В системе этих двух глаголов имеем наложение двух условий:1) реципрокально-односторонняя полисемия в семантеме каждого глагола; 2) синонимия разных с точки зрения морфологического оформления средств, выражающих взаимность (ср. морфологическую структуру синонимов *говорить* и *разговаривать*). Сопоставительный анализ употребления двух данных глаголов свидетельствует, что они приобретают тенденцию выражать реципрокальность в разных конструкциях.

Логично предположить, что причиной этому является наложение двух вышеназванных условий. При этом фактором, определяющим функционирование глаголов, становится как раз степень морфологизированности категориального – реципрокального – значения.

Слова *говорить* и *разговаривать* являются синонимами с точки зрения их словарного значения и, наоборот, противопоставляются друг другу с точки зрения морфологии. Когда сознание говорящего делает выбор в пользу того или иного оформления высказывания, учитывается тот или иной фокус

показа ситуации: оба участника предстанут равно вовлеченными в разговор (ССПП 1, ССПП 2) или один из них будет пассивизирован (ССПП 3). При этом определяется, актуально ли вообще выражение второго участника в поверхностной структуре высказывания. На уровне этого выбора сознание говорящего начинает рассматривать эти два глагола как противопоставленные друг другу единицы.

В этой связи уместен пример, который приводит И. А. Стернин: в ходе психолингвистического эксперимента испытуемый называет слово *журнал* и в качестве слова, ближайшего по значению слову *газета*, и в качестве слова, противопоставленного ему (из устного выступления И. А. Стернина; см. также о проблеме интерпретации реакций в ходе психолингвистического эксперимента в работе [Стернин, Рудакова 2011]). Подобные явления Г. П. Мельников интерпретирует как вариативность категоризаций действительности в зависимости от условий и характера деятельности [Мельников 1978].

Учитывая морфологию глаголов *говорить* и *разговаривать*, мы можем сказать, что два данных глагола вступают в отношения оппозиции. Глагол *говорить* осмысляется как глагол одностороннего действия (в сознании говорящего актуализируется его первое значение, типичные для выражения взаимного значения морфологические форманты у данного глагола отсутствуют). Глагол *разговаривать*, напротив, воспринимается как глагол взаимного действия (благодаря приставке). Причем синтаксическое функционирование как бы компенсирует различия на морфологическом уровне.

Так, при наличии интенции поставить одного из участников в активную, доминирующую позицию и, возможно, выразить второго участника в пассивизированной форме говорящий скорее избирает ССПП 3 для глагола *разговаривать*, чтобы компенсировать взаимность, которой «заряжен» данный глагол. Взаимный характер действия, описываемого глаголом *разговаривать*, предстает на фоне глагола *говорить* достаточно

ярким семантическим признаком, поэтому в тех случаях, когда нужно хотя бы в малой степени пассивизировать второго участника, необходимо употребить данный глагол в ССПП 3.

В глаголе *говорить*, напротив, настолько ярок семантический признак односторонности, что это влечет появление следующей особенности в плане функционирования его реципрокального ЛСВ. Для обозначения взаимной ситуации данный глагол должен быть употреблен в прототипической взаимной конструкции – ССПП 1. Поэтому, когда говорящему необходимо хотя бы в малой степени сделать акцент на равной вовлеченности участников в действие, он скорее избирает ССПП 1. В обоих случаях на синтаксическом уровне нейтрализуется противоположная в плане односторонности – реципрокальности семема в составе семантемы глагола. Наглядно данную закономерность можно проиллюстрировать таблицей 13.

Таблица 13. Доля словоупотреблений глаголов «говорить» и «разговаривать» в ССПП

Глагол	ССПП 1	ССПП 3
Разговаривать	11%	84%
Говорить	73%	20%

Итак, на функционирование глаголов *говорить* и *разговаривать* для расподобления коммуникативных смыслов при передаче сообщения влияет морфологический фактор, от которого зависит их различие в плане лексической семантики.

Анализ глагола *воевать*

В Национальном корпусе русского языка содержится 11.426 вхождений с глаголом *воевать* – тоже скрытым реципроком, в котором реципрокальность не маркируется аффиксально.

Данный глагол обнаруживает сильную тенденцию к употреблению в ССПП 3 (96%), причем 24% всех его употреблений в данной синтаксической структуре – комитативные конструкции с предлогом *с*. При этом конструкции с эллипсисом полностью сохраняют свою информационную самодостаточность, так как коммуникативный акцент делается не на факте *с кем*, а на участии актанта, выраженного подлежащим, в событии *война* (примеры 238-239).

(238) Самое время собирать хлопок. Весь пропадёт, собирать некому, все ***воюют****.*

(239) Говорят же, у вас все, старые и малые ***воюют****?*

В большинстве случаев фоновое знание реципиента легко восстанавливает полную картину в плане того, с кем идет война. В отдельных случаях наблюдается следующее: коммуникативный аспект семантики высказывания «высвечивает» сам факт участия в боевых действиях, безотносительно к тому, о какой войне идет речь. Противостояние с противником становится подразумеваемым семантическим элементом, который, с одной стороны, необходим для того, чтобы в сознании реципиента активизировался необходимый образ ситуации, концепт, а с другой, сам противник отодвигается на второй план:

(240) — А я думал, одни только лошади ***воевали****, — вздохнул Мухин. — Все мы тут* ***воевали****! Все мы боевые!..— наперебой закричали звери: и верблюды, и жирафы, и даже бегемот, всплывший, как подводная лодка… Мухин прямо за голову схватился: это что ж получается, всех зверей* ***воевать*** *заставляли?..*

Второй участник может вводиться предлогами *с* (чаще всего), *против* или *супротив* (пример 243, устаревшее употребление):

(241) Мой папа на войне, ***воюет с*** *немцами, главный у них — Гитлер, папа его убьёт.*

(242) Маннергейм ***воевал против*** *русских, будучи уже финским генералом.*

(243) Почему-то в Воронежской губернии содержались в заключении пленные турки (они, как известно, ***воевали супротив*** *нас, на стороне немца)*.

Как видно из примера 243, иногда с помощью конструкции *на стороне* вводится информация о примыкании участника к одной из сторон конфликта.

Еще более архаичным является транзитивное употребление глагола *воевать*, при котором второй участник еще более пассивизировался, на что в следующем контексте указывает одностороннее действие, названное глаголом *покорить*, объектом которого выступает тот же пассивизированный участник. При этом действие, обозначаемое глаголом *воевать*, все равно подразумевало сопротивление второй стороны:

(244) И крестоносцы решили ***воевать*** *литовцев, получив для этого папскую буллу, которая давала им право покорить литовцев*.

Употребления глагола *воевать* в ССПП 1 и ССПП 2 – крайне редки и составляют 2% и 1% соответственно. Говорить о развитой реципрокально-односторонней полисемии у данного глагола мы не можем, однако наблюдаются единичные употребления в значении «сопротивляться», когда имеет место метафорическое переосмысление значения данного глагола и побледнение взаимной семантики очень высоко:

(245) Встала в семь месяцев, месяца два я пыталась ***воевать****, пошла в 11 — на ногах колесом*.

Совместная встречаемость данного глагола с другими реципроками весьма низкая – 3%. Это, как правило, субстантивные реципроки, которые тоже связаны с ситуацией войны:

(246) Жизнь сама собой переменилась в сторону войны (и какой дурной войны — ни войны, ни мира!) — и Гуров, разумеется, ***воевал***.

(247) Ведь за это мы ***воевали*** *в Отечественную войну, за это отдавали свои жизни*.

Как видно из последнего примера, в случае употребления глагола *воевать* в составе эллиптической конструкции такие реципроки при необходимости могут служить для конкретизации, о какой войне идет речь.

Анализ глагола *дружить*

Глагол *дружить* являет собой образец скрытого выражения взаимного значения. В НКРЯ отражено 4674 его употребления. Среди ССПП, в которых употребляется данный глагол, наиболее частотным является ССПП 3 (78%), опережающая ССПП 1 и ССПП 2 с большим отрывом (21% и 1% соответственно). Совместная встречаемость с другими реципроками составляет всего 16%. Важная специфическая черта данного глагола – подавляющее большинство реализаций в ССПП 3 – с проекцией синтаксической позиции с предлогом *с*, выражающей второго участника (90%):

(248) Отец Катулла, полагают, мог принадлежать к этим избранным, потому что, во-первых, ***дружил*** *с Юлием Цезарем, а во-вторых, был богат и знатен*.

Следовательно, в коммуникативных ситуациях, связанных с употреблением данного глагола, важно передать с кем дружит человек. Онтологические свойства денотата также объясняют выявленную тенденцию: в противоположность войне – явлению всеобщему – дружба индивидуальна, возникает как частное отношение между людьми, поэтому важно назвать этих людей. Отсюда и противоположные (по отношению к глаголу *воевать*) тенденции в плане реализации ССПП 3: у глагола *дружить* в составе ССПП 3 эллиптические употребления довольно редки.

Анализ глагола *враждовать*

Глагол *враждовать*, как и глагол *дружить*, является скрытым реципроком. В НКРЯ имеется 1362 контекста с употреблениями данной языковой единицы. Функционирование рассматриваемого глагола весьма своеобразно, так как по целому ряду показателей он занимает экстремальные позиции, явно выделяясь на фоне всех рассмотренных глаголов (см. таблицу 15).

Самой важной отличительной чертой функционирования глагола *враждовать* является его рекордная частотность употребления в ССПП 2 –

14% , что на порядок выше, чем у остальных сопоставляемых глаголов. На уровне коммуникативного компонента семантики высказывания, описывающего вражду, говорящему очень часто необходимо еще раз подчеркнуть взаимный характер действия:

(249) Кипят неутоленные общественные страсти, скрещиваются копья, возникают и распадаются ***враждующие*** *между собой группировки*.

(250) В серебряном веке люди уже так ***враждовали*** *друг с другом, что Зевсу это надоело, и он истребил тогдашнее поколение*.

В корпусе встречаются примеры архаичного употребления глагола с предлогом *на (251).*

(251) ***Враждуют*** *друг* ***на*** *друга; залучают в свои высокие-то хоромы пьяных приказных, таких, сударь, приказных, что и виду-то человеческого на нём нет, обличье-то человеческое потеряно*.

Возможно даже употребление в ССПП 2 слова с собирательным словарным значением, когда изначально собирательное слово в данном контексте выражает множественно-дистрибутивный семантический актант (например, *многое* 252).

(252) Очень важно обозначить позицию: в человеческой жизни ***многое*** *находится в противоречивых отношениях и* ***враждует между собой***.

Возможно, причиной тяготения данного глагола к ССПП 2 является сильная отрицательная коннотация в значении самого глагола. Такое употребление, когда сема взаимности в глагольном предикате подчеркивается еще и специальным реципрокальным показателем, называется В. П. Недялковым плеонастичным употреблением [Недялков 2004].

В целом глагол *враждовать* обнаруживает тенденцию к употреблению в ССПП 1 (60%), гораздо реже употребляется в ССПП 3 (26%).

Совместная встречаемость с другими реципроками у данного глагола высока и составляет 24% от общего числа словоупотреблений (пример 253).

(253) Когда я ***встречаю*** *человека с «общественным интересом», то не то, чтобы скучаю, не то, чтобы* ***враждую*** *с ним: но просто умираю около него*.

При этом доля контекстов с эксплицитным выражением второго участника посредством комитативной конструкции составляет 84% от общего количества употреблений в составе ССПП 3.

В конструкции ССПП 3 наблюдается побледнение взаимной семантики в случаях архаичного употребления данного глагола с предлогом *против* (пример 254).

(254) Он не только ***враждует против*** *человека, но, будучи заражён лютою завистию к человеку, не может равнодушно видеть, что человек совершает добродетели и благоугождает Богу…*

В совокупности оба последних наблюдения свидетельствуют, что употребление глагола *враждовать* в процессе коммуникации сопровождается необходимостью передать состав участников ситуации. Если же мы примем во внимание и факт тяготения данного глагола к ССПП 1 – прототипической реципрокальной конструкции – а также к ССПП 2, то можно сделать вывод, что в коммуникативном компоненте семантики высказываний с этим глаголом делается акцент на взаимном характере ситуации.

Результаты проведенного на материале НКРЯ исследования функционирования глаголов всех трех множеств, явным, скрытым или аффиксальным неспециализированным способом маркирующих реципрокальность, представлены в таблице 14.

Таблица 14. Параметрическое сопоставление функционирования глагольных реципроков в русском языке

Параметр сопоставления / Глагол	Доля ССПП 1, %	Доля ССПП 2, %	Доля ССПП 3, %	Всего вхождений в НКРЯ	Количество проанализированных примеров
Ругаться	60	➔ 0	40	7422	264

Браниться	73	8	19	1512	217
Обниматься	53	1	47	1158	102
Целоваться	57	➔ 0	43	3651	102
Перестрели-ваться	27	3	70	57	71
Перешепты-ваться	89	4	7,5	681	80
Общаться	13	5	82	6467	100
Драться	31	3	66	8451	106
Сражаться	11	1	88	5040	100
Соперничать	25	6	69	1181	100
Обсуждать	73	2	24	10095	100
Разговаривать	11	5	84	26245	99
Говорить	80	7	12	593913	1082
Воевать	2	1	96	11426	100
Дружить	21	1	78	4674	101
Враждовать	60	14	26	1362	98

В таблице 15 показаны рейтинги глаголов по параметрам их лексико-синтаксического функционирования: степени тяготения к определенной ССПП, частоте употребления с другими реципроками в одной синтагме, частоте употребления в форме инфинитива или в составе комитативной конструкции.

Таблица 15. Рейтинги русских реципрокальных глаголов по параметрам их лексико-синтаксического функционирования

№ п/п	Степень тяготения к ССПП 1	Степень тяготения к ССПП 3	Степень тяготения к ССПП 2	Совместная встречаемость с другим реципроком	Частота употребления в комитативной конструкции (в % от общего числа употреблений в ССПП 3)

1	Перешепты-ваться (89%)	Воевать (96%)	Враждовать (14%)	Враждовать (24%)	Браниться (100%)
2	Браниться (73%)	Сражаться (88%)	Браниться (8%)	Обниматься (24%)	Говорить (100%)
3	Говорить (73%)	Разговаривать (84%)	Говорить (7%)	Ругаться (24%)	Соперничать (97%)
4	Обсуждать (73%)	Общаться (82%);	Соперничать (6%)	Браниться (23%)	Дружить (90%)
5	Враждовать (60%)[1]	Дружить (78%)	Общаться (5%)	Дружить (16%)	Враждовать (84%)
6	Ругаться (60%)	Перестрели-ваться (70%)	Разговаривать (5%)	Говорить (12%)	Общаться (80%)
7	Целоваться (57%)	Соперничать (69%)	Перешепты-ваться (4%)	Целоваться (10%)	Ругаться (78%)
8	Обниматься (53%)	Драться (66%)	Драться (3%)	Перешепты-ваться (7,5%)	Обсуждать (71%)
9	Драться (31%)	Обниматься (47%)	Перестрели-ваться (3%)	Сражаться (7%)	Перешепты-ваться (66%)
10	Перестреливатьс я (27%)	Целоваться (43%)	Обсуждать (2%)	Драться (6%)	Перестрели-ваться (64%)
11	Соперничать (25%)	Ругаться (40%)	Воевать (1%)	Перестрели-ваться (4%)	Разговаривать (63%)
12	Дружить (21%)	Враждовать (26%)	Дружить (1%)	Воевать (3%)	Обниматься (53%)
13	Общаться (13%)	Обсуждать (24%)	Обниматься (1%)	Соперничать (3%)	Целоваться (48%)

[1]Отдельно следует выделить глагол *враждовать* как обладающий особенной характеристикой – повышенной по сравнению с другими глаголами частотностью реализации в ССПП 2.

14	Разговаривать (11%)	Говорить (20%)	Сражаться (1%)	Обсуждать (2%)	Сражаться (38%)
15	Сражаться (11%)	Браниться (19%)	Ругаться (-> 0)	Общаться (2%)	Воевать (24%)
16	Воевать (2%)	Перешептываться (7,5%)	Целоваться (-> 0)	Разговаривать (1%)	Драться (24%)

Наглядно выявленное тяготение глаголов к употреблению в определенных ССПП можно представить в виде рисунка 1 и рисунка 2 (основанного на тех же данных, что и рисунок 1, но без учета параметра «Степень тяготения к ССПП 2», который не столь показателен). На рисунке 1 графиками показаны изменения показателей тяготения глаголов к ССПП 2 и ССПП 3 на фоне убывания у них тяготения к ССПП 1.

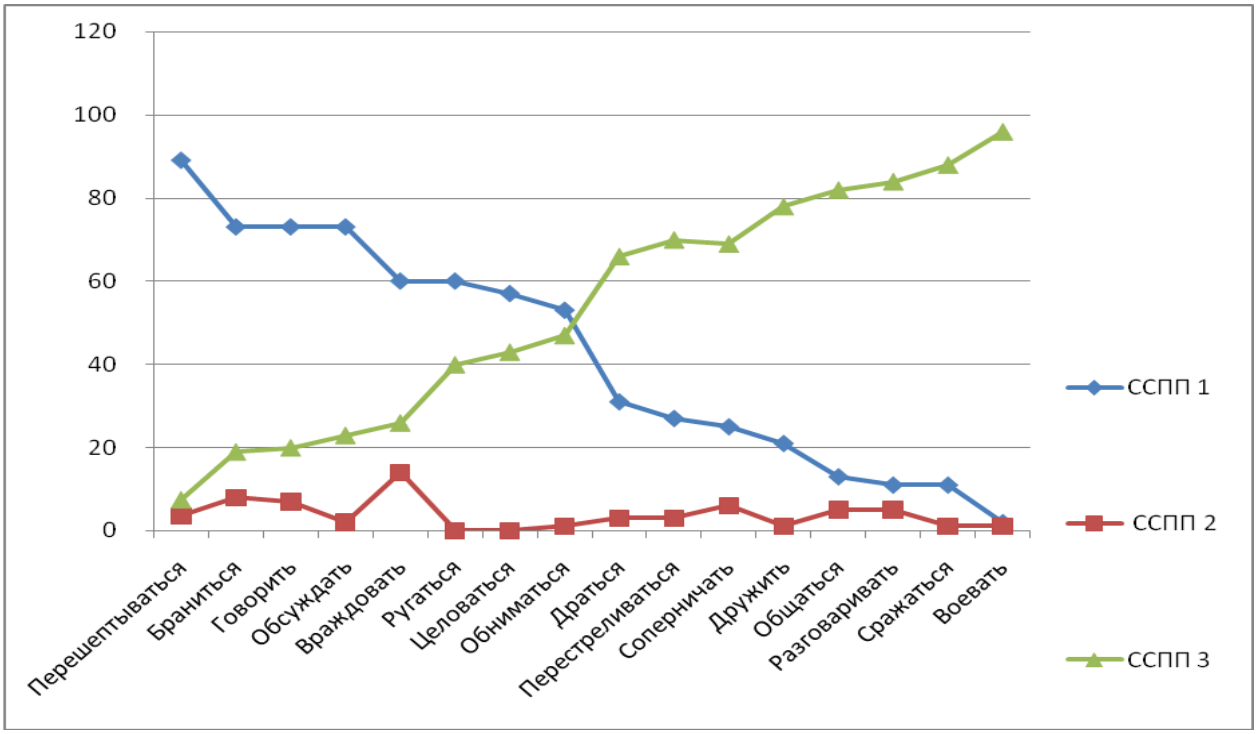

Рисунок 1. Тяготение русских реципрокальных глаголов к ССПП

На рисунке 2 темным цветом показаны реципроки, расположенные в порядке убывания степени их тяготения к ССПП 1. Светлым цветом – их тяготение к ССПП 3. Как видим, оба значения глагольного тяготения к данным типам комплементарны друг другу, что особенно заметно на фоне их

слабого тяготения к ССПП 2 (за исключением глагола *враждовать*). Интересно, что в целом тяготение глаголов к ССПП 3 возрастает по мере убывания их тяготения к ССПП 1.

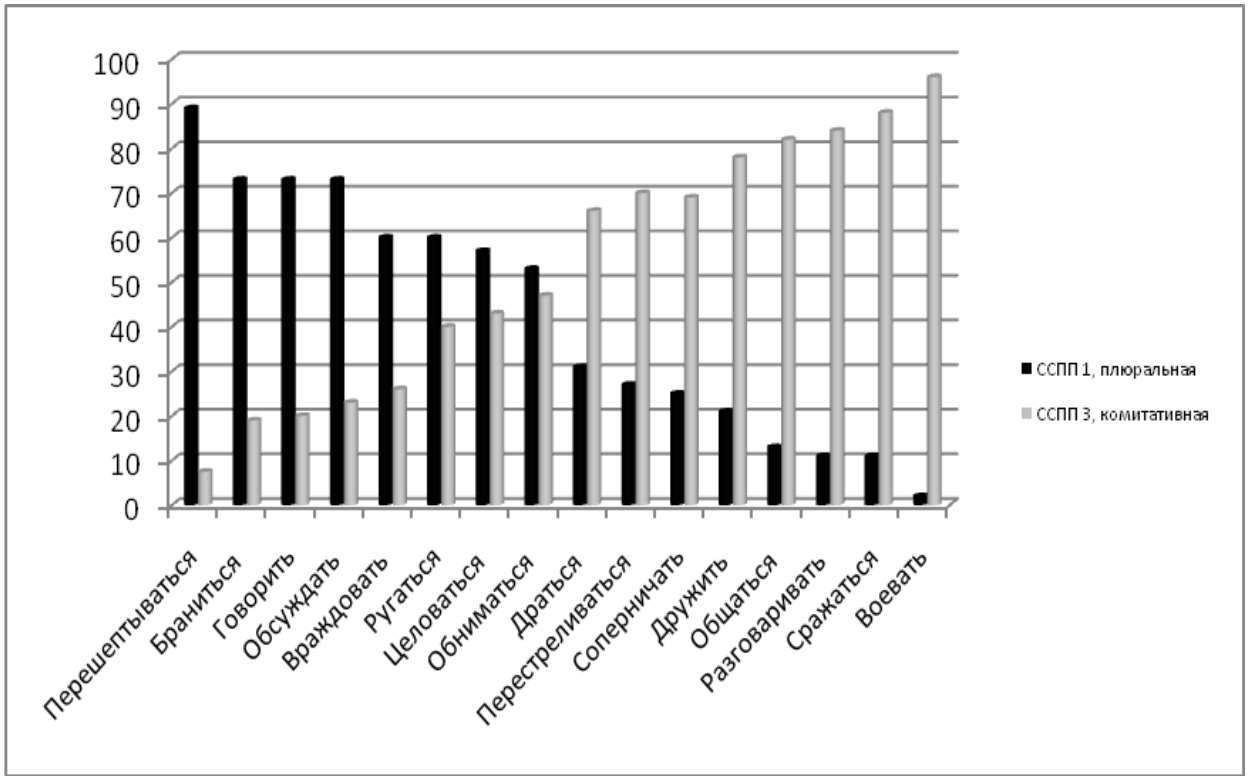

Рисунок 2. Степень тяготения русских реципрокальных глаголов к ССПП 1/3

Из рисунков 1 и 2 видно, что распределение употреблений русских реципрокальных глаголов между ССПП 1 и ССПП 3 носит в основном взаимодополнительный обратный характер: основной массив употреблений глагола распределяется в том или ином отношении между двумя вышеназванными ССПП. Обратность заключается в обратной зависимости между изменениями показателей тяготения в бинарной системе ССПП 1/3: при повышении первого показателя второй убывает и наоборот. Это происходит в силу того, что доля употреблений в ССПП 2 сравнительно мала у подавляющего большинства проанализированных лексем. В дальнейшем, говоря о взаимодополнительном (зеркальном, обратном) свойстве бинарной

системы функционирования глаголов в ССПП 1/3, мы будем иметь в виду именно эту закономерность.

Как показал анализ и как видно на рисунках, у глаголов речи с реципрокально-односторонней полисемией высока степень тяготения к ССПП 1. Действительно, к употреблению в ССПП 1 тяготеют в основном глаголы, у которых в семантеме присутствуют как значение одностороннего действия, так и взаимная семема: *говорить, браниться, ругаться,* с некоторыми оговорками (связанными с употреблением в научном дискурсе, см. примеры выше) – *обсуждать.* См. примеры с предикатами, выражающими семантику одностороннего действия:

(255) Он говорит правду;

(256) Он говорил мне: «Будь ты моею!»;

(257) Он ругался на товарищей (ненормативное употребление);

(259) Мы не обсуждаем сейчас практическую осуществимость этих вариантов (из научно-популярной статьи);

см. также пример 199.

Ср. с примерами, в которых те же глаголы выражают действие взаимное:

(260) Они говорили (= разговаривали) *о доме*;

(261) Он говорил об этом с Максимом;

(262) Они постоянно ругались и не ладили;

см. также примеры 198 и 227.

У этих же глаголов высока частота совместной встречаемости с реципроками во взаимном значении, а у глагола *ругаться* в одностороннем значении – еще и с односторонними коррелятами реципроков.

Появление тенденции к употреблению в определенных контекстуальных условиях у данных глаголов можно связать с ЛСВ односторонней семантики в их значении. Такие ЛСВ (равно как и их семемы) могут рассматриваться в терминах Г. П. Мельникова как своеобразные

окрестностные элементы, влияющие на функционирование изучаемых элементов [Мельников 1978].

Объяснение такого тяготения кроется во влиянии на эти глаголы их другого лексико-семантического варианта – с семантикой одностороннего действия. В условиях, когда необходимо различить ЛСВ с односторонним и взаимным значением, устранив неоднозначность, выбор конструкции говорящим делается в пользу той, которая ярче выражает особенности семантики конкретного ЛСВ в аспекте ее взаимности / односторонности. Так, в случае, когда говорящему необходимо передать информацию о взаимном действии, он скорее изберёт ССПП 1, так как именно в рамках данной конструкции оба участника ситуации выражены подлежащим. Последнее подчеркивает их равную вовлеченность в идентичное действие, что зеркально отражает семантическую структуру взаимности. Таким образом, в рассмотренных случаях тяготение глагола к определенному типу ССПП связано с необходимостью устранения неоднозначности слова в контексте (см. об этом в работе [Кибрик и др. 2019, с. 189]).

Однако, как мы убедились на примере синонимичных ЛСВ глаголов *говорить* и *разговаривать,* в условиях одновременных реципрокально-односторонней полисемии и синонимии средств, разным образом выражающих взаимность, данные средства приобретают тенденцию выражать реципрокальность в разных контекстуальных условиях. При этом фактором, определяющим эти условия, становится как раз степень морфологизированности категориального – реципрокального – значения. Тот фактор, который, как выяснилось в ходе исследования, в остальных случаях подавляется лексико-семантическим фактором.

Интересные результаты дает сопоставление рейтингов глаголов по разным параметрам. Так, глагол *воевать* оказывается, с одной стороны, глаголом, наиболее редко проецирующим комитативную конструкцию с предлогом *с* для выражения второго партиципанта в конфликте. С другой стороны, этот глагол наиболее часто употребляется в эллиптической

конструкции, когда второй участник подразумевается и не выражен эксплицитно. Одновременно данный глагол является лидером по частоте употребления в ССПП 3 среди рассмотренных глаголов. По ряду параметров схожим с ним оказывается и близкий в семантическом плане глагол *сражаться.* Оба глагола демонстрируют редкую совместную встречаемость с другими реципроками, часто употребляются в ССПП 3, у глагола *сражаться* также находим немало эллиптических употреблений.

Все эти наблюдения свидетельствуют в пользу того, что в коммуникации при употреблении данных глаголов говорящий делает акцент на факте участия агенса в военных действиях, его включенности в ситуацию в большей степени, чем на взаимном характере этой ситуации. Наиболее характерно последнее свойство для сферы употребления глагола *воевать*, когда зачастую сам контекст и общий когнитивный фон коммуникантов исключают любую неопределенность в понимании того, о каких событиях идет речь (в противовес глаголу *соперничать*, когда, наоборот, в подавляющем большинстве случаев говорится о том, кто с кем соперничает).

Последнее названное свойство глагола *воевать* приобрело в русской лингвокультуре особое значение – ведь чаще всего, говоря о войне и не уточняя, о какой именно, имеют в виду Великую Отечественную войну. Хотя и здесь в силу исторических и социальных реалий необходимы оговорки:

(263) «Как ни печально, с годами все меньше и меньше остается среди нас людей, для которых сказать о той войне равносильно тому, что сказать: «Я выжил тогда». С годами все тише и тише становится боль утрат, и новые военные потери заставляют с позиций сегодняшнего дня смотреть на победы прошлого. С годами все дальше и дальше отодвигается тот огневой рубеж, с которым связано понятие войны, не требующее объяснения, когда, с кем и где это было».

Внимательный анализ расположения глаголов в рейтингах частотности позволяет сделать вывод, что фактором, определяющим общие тенденции к употреблению в определенных конструкциях у разных глаголов, являются,

вопреки ожиданиям, не грамматические характеристики реципроков, а их лексическое значение. Действительно, на соседних позициях в рейтинге оказываются глаголы вербальной деятельности: *перешептываться, говорить, браниться, обсуждать, ругаться*; действий, связанных с проявлением теплых чувств: *обниматься* и *целоваться*; социального взаимодействия: *общаться, дружить, разговаривать*; физической конфронтации: *драться* и *перестреливаться*; весьма схожими в плане функционирования оказываются синонимы *браниться* и *ругаться*.

Данное наблюдение подкрепляет выводы Ю. Д. Апресяна из экспериментальных исследований русского глагола, а также базовые положения грамматики конструкций и фреймовой семантики о тяготении слов со схожим лексическим значением к употреблению в схожих синтаксических условиях (см. работы [Апресян 1967; Рахилина, Тестелец 2016]).

Возвращаясь к исходной задаче – определению границ скрытой реципрокальности, следует констатировать, что контекст функционирования реципрокальных глаголов оказался в основном индифферентен к грамматической стороне маркирования взаимной семантики данных глаголов, в том числе и к нулевому маркированию, то есть ко всему тому, на основании чего реципроки обычно классифицируются. Фактором, влияющим на функционирование реципроков, оказывается их лексическая семантика.

Все это приводит нас к выводу о том, что различные промежуточные с точки зрения грамматикализованности способы выражения взаимности существуют в языке в качестве равноправных, наряду со 100% явным грамматическим маркированием и его полным отсутствием. В результате получаем классы неполной скрытости (например, глаголы *соперничать, разговаривать*) и разной степени явности (ср. *обниматься* и *драться*). Причем внутри этих классов можно наблюдать градацию в зависимости от частоты и регулярности употребляемых морфем, особенностей деривации и эволюции самих дериваторов в корневые морфемы. Полученная шкала

состояний показывает, что лексико-семантический континуум как бы растекается по континууму грамматикализованности, что может быть наглядно показано на схеме 2:

Схема 2. Шкала грамматикализованности в отношении явности – скрытости глагольного кодирования реципрокальности в русском языке

Русские глаголы с семантикой одностороннего действия / отношения + местоименный маркер	Русские реципрокальные глаголы					
	собственно взаимно-возвратные глаголы	мультипликативно-взаимные глаголы	со специальным реципрокальным показателем	префиксально маркированные	с этимологически выделяемым префиксом	скрытая реализация реципрокальности
синтаксическая реализация	морфологическая реализация				лексическая реализация	
бить друг друга, любить друг друга	*ругаться, браниться, обниматься, целоваться*	*перестреливаться, перешептываться*	*общаться, сражаться, драться*	*разговаривать, обсуждать, сопоставлять,*	*соперничать, сплетничать, спорить*	*говорить, воевать, враждовать, дружить*

скрытое — явное — скрытое

Однако свойства отдельных реципроков показывают, что данная континуальность все же способна дискретизироваться при определенных условиях на основе формальных дифференциальных признаков. Так, в условиях лексической синонимии двух реципроков, представляющих разную степень грамматикализованности категории взаимности – *говорить* и *разговаривать* – наблюдаются две противоположные тенденции в синтаксическом функционировании.

Скрытая реализация реципрокального значения может быть синтаксической, таким образом семантику взаимности реализуют глаголы контекстуального класса. В рамках скрытого сегмента реципрокальность может также реализовываться **лексически**, когда глагол обозначает ситуацию взаимного действия/отношения без помощи аффиксов.

Морфологический (словообразовательный) способ передачи категориального значения – средство явной грамматики языка. В случае с **синтаксическим** способом передачи значения взаимного действия глагол употребляется только в ССПП 2. Следовательно, даже относительно свободного выбора синтаксической конструкции при использовании данных средств не будет, единственно возможная конструкция для реципрокальных ситуаций – ССПП 2. При словоообразовательном и лексическом выражении реципрокальности говорящий, наоборот, выбирает одну из трех альтернатив. Соответственно, только в этих случаях мы можем говорить о тяготении определенного глагола к той или иной ССПП.

Все проанализированные факты, взятые в сумме, свидетельствуют в пользу того, что в русском языке языковая реципрокальность, представленная на поверхностном уровне дискретными множествами, проявляет себя как сложное континуальное целое и при этом данный языковой континуум имеет скрытое, потенциальное свойство дискретизироваться.

3.3. Лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов в аналитическом языке

Рассмотрим на материале параллельного корпуса лексико-синтаксическое функционирование английских глаголов, выражающих значения, аналогичные значениям русских глаголов, рассмотренных выше. Им соответствуют 16 английских реципрокальных глаголов, репрезентативные данные о которых содержатся в русско-английском параллельном корпусе НКРЯ: *argue, associate, communicate, compete, converse, debate, discuss, fight, kiss, quarrel, rival, speak, struggle, talk, vie, whisper*. Так как значимый результат на материале русского языка был получен по параметру «Тяготение глаголов к определенной ССПП», для верификации уже имеющихся данных на новом материале при анализе функционирования английских глаголов сосредоточимся на том, как они реализуют данный параметр.

Анализ глагола *argue*

Глагол *argue* в своем функционировании обнаруживает явное тяготение к ССПП 3 – 66%:

(264) Some soldiers were mounting their gun in a breach in the wall, ***arguing*** *with the crew of a heavy machine-gun.*

В рамках ССПП 3 с данным глаголом возможны и эллиптические употребления, когда из контекста (в предлагаемом ниже примере – из выраженного в поверхностной структуре объекта) становится понятно, с кем осуществляется вербальное взаимодействие:

(265) ...and he had followed, on bare feet, along miles and miles of icy stone-paved passages, ***arguing*** *and beseeching them to be reasonable.*

Тема обсуждения может выражаться как прямым объектом (пример 266), так и конструкцией с предлогом *about (267).*

*(266) I have no intention of **arguing** your moral theology with you*

*(267) Mr Prosser (who was **arguing** with a spokesman for the bulldozer drivers about whether or not Arthur Dent constituted a mental health hazard, and how much they should get paid if he did) looked around.*

Однако довольно частотны и употребления в ССПП 1 – 33%:

*(268) Then they started **arguing**.*

*(269) I didn't visit this carnival to hear people **argue** about their work problems.*

Как видно из приведенных выше примеров, реципрокальные употребления глагола *argue* сводятся к выражению двух лексических значений: «ругаться с кем-либо», «обсуждать что-либо с кем-либо».

Анализ глагола *associate*

Глагол *associate* обнаруживает сильное тяготение к ССПП 3. Все встретившиеся контексты его употребления сделаны в составе данной конструкции, причем все они представляют полную ее реализацию (случаев эллиптического употребления не наблюдается 270-273).

*(270) They treated them like queens and were so careful not to injure their touchy pride and, after all— why not **associate** with them?*

*(271) Things are so different during the war and nice people **associated** with many men who were not quite— It was all for the Cause and very proper, too.*

*(272) Having raised her children to be honest, moral and truthful she trusted them to **associate** only with those who were equally so.*

*(273) "Oh, he might have **associated** with a good boy in spite of what you would like to have the jury believe, and in that sense it is very relevant," sneered Jephson.*

Как видим из примеров, глагол *associate* реализует значение «дружить, общаться с кем-либо».

Анализ глагола *compete*

Частотность употребления глагола *compete* в ССПП 3 в три раза превышает частотность употребления в ССПП 1 (75% и 25% соответственно). При этом во всех своих употреблениях в составе ССПП 3 данный глагол проецирует комитативную конструкцию с предлогом *with* (примеры 274-276).

(274) But for a woman to leave the protection of her home and venture out into the rough world of men, ***competing*** *with them in business, rubbing shoulders with them, being exposed to insult and gossip…*

(275) Antonyuk ***competed*** *with his fellow-brigand Gordei, one was worse than the other, and between them the two kept the area militia and frontier guard authorities very busy.*

(276) Chiropractors, on the other hand, might ***compete*** *with physiotherapists in terms of treating some back problems, but all their other claims are beyond belief and can carry a range of significant risks.*

Данный глагол в большинстве случаев означает соперничество между людьми, но встречаются и его метафорические употребления, когда в фокус внимания вводится контраст, противопоставление между двумя сущностями (пример 277).

(277) Some of the descriptions, such as for example that of the theater, in the very beginning, ***compete*** *with analogous images in the works of our classical writers and in a certain sense gain the ascendancy.*

ССПП 1, хотя и уступает здесь по частотности, также представлена в употреблениях данного глагола:

(278) They would strive, contrive, struggle, and ***compete*** *to hold umbrellas over her hat, check her trunk, pick up her handkerchief, buy for her soda at the fountain.*

(279) Yet in the past these nations have ***competed*** *more often than they have cooperated; they have fought wars hot and cold against each other.*

И, как видим в примерах (278-279), в рамках ССПП 1 в одной синтагме с глаголом *compete* могут встречаться другие реципроки, подчеркивающие взаимный характер описываемого действия.

Анализ глагола *communicate*

Глагол *communicate* не обнаруживает ярко выраженного тяготения к какой-либо одной конструкции. Среди проанализированных контекстов в 50,5% случаев он употребляется в ССПП 3, в 41,5% – ССПП 1, 8% – ССПП 2. Как видно из количественных данных, рассматриваемый глагол обнаруживает все же некоторое тяготение к ССПП 3:

(280) These were mostly people of advanced age, who had no interest in what was going on around them; there was not a spark of resolution in their dull eyes; they showed no desire to ***communicate*** *with their companions.*

(281) Boldwood did not directly ***communicate*** *with her during these negotiations.*

Несколько реже глагол *communicate* употребляется в ССПП 1:

(282) They ***communicated*** *telepathically.*

Еще более редким является плеонастичное употребление данного глагола, когда глагол communicate, сам по себе будучи реципрокальным, употребляется в синтагматической связке с реципрокальным местоимением:

(283) Bankers and brokers were ***communicating*** *odd rumors to each other about a check that had been taken from the city treasury after Cowperwood knew he was to fail, and without Stener's consent.*

Как видно из примера 283, содержание передаваемой в процессе общения информации выражается прямым дополнением, проецируемым глаголом *communicate*. За счет этого внимание реципиента еще раз акцентируется на взаимном характере описываемого действия.

В большинстве случаев передаваемые этим глаголов значения сводятся к следующим: «общаться», «говорить друг с другом». Однако в примере 284

наблюдаем выражение также частных, специфических значений, наподобие «общаться с помощью каких-либо средств»:

(284) It is commonly supposed that they ***communicated*** *by sounds and tentacular gesticulations.*

Анализ глагола *converse*

У глагола *converse* употребления разделяются почти поровну между ССПП 1 (41%) и ССПП 3 (59%):

(285) The more you and I ***converse****, the better; for while I cannot blight you, you may refresh me* (ССПП 1).

(286) It appeared that the trepangs were capable of communicating and ***conversing*** *out of sight of each other, even at great distances, by means of some brain wave phenomenon* (ССПП 1).

(287) I say alone— Leah is a nice girl to be sure, and John and his wife are very decent people; but then you see they are only servants, and one can't ***converse*** *with them on terms of equality* (ССПП 3).

(288) But I constrain no man to ***converse*** *or to feed with him* (ССПП 3).

Данный глагол имеет значение «общаться, разговаривать». Иногда, как в одном из примеров выше, глагол *converse* так же, как и глагол *communicate*, в составе словосочетания *converse by means of* может обозначать способ общения:

(289) They made no sounds at all, in trying to speak, they ***conversed*** *mainly by means of quick signals made with their wooden fingers or lips.*

В примере 290, также демонстрирующем способность глагола обозначать разговор шепотом в составе соответствующего словосочетания обращает на себя внимание тот факт, что множественный агенс реципрокальной семантической структуры выражается собирательным именем существительным:

(290) Upon this, Emily and Mr. Snodgrass, and Arabella and Mary, crowded into a corner, and ***conversed*** *earnestly in whispers for some minutes, during which the fat boy dozed.*

Анализ глагола *debate*

В своем лексико-синтаксическом функционировании глагол *debate* явно тяготеет к ССПП 1 (63%), являясь вторым по силе тяготения к данной конструкции из шестнадцати рассмотренных глаголов:

*(291) At home they were **debating** with much concern what to do with the food.*

*(292) Little groups of conspirators were formed who **debated** the various escape plans at every convenient moment.*

Как видно из примеров выше, тема обсуждения может быть выражена как придаточным изъяснительным, так и прямым дополнением.

Остальные рассмотренные нами употребления данного глагола представляют ССПП 3 (37%):

*(293) I am not going to **debate** things with you, Detective.*

Общее значение, которое выражает глагол во всех рассмотренных контекстах – семантика обсуждения.

Анализ глагола *discuss*

Глагол *discuss* также несет семантику обсуждения. Данный глагол обнаруживает определенное тяготение к употреблению к конструкции ССПП 3 (60%):

*(294) They asked her to promise that she would never, whether in class or on social occasions, **discuss** politics or history or economics or sociology with students.*

По данным корпуса, обсуждаемый глагол весьма часто употребляется в эллиптической конструкции на базе ССПП 3 (в половине от всех случаев употребления в ССПП 3):

*(295) I don't know anything personal about you, and if I did I wouldn't **discuss** it.*

Реже данный глагол встречается в составе ССПП 1 (38,5%):

(296) Langdon had never seen any evidence of the pendant, nor could he imagine how it could possibly reveal the Holy Grail, and yet Grail aficionados still ***discussed*** *it ad nauseum on Internet bulletin boards and worldwide-web chat rooms.*

При этом множественный субъект может быть выражен собирательным существительным:

(297) A cloud of tedium hangs over any formal gathering that ventures to ***discuss*** *the thing.*

(298) Public opinion is following with interest the preparation for the Games and ***discusse****s it actively.*

Необходимо также отметить, что в отдельных случаях глагол *discuss* употребляется в конструкции со специальным местоименным маркером реципрокальности – ССПП 2 (1,5%):

(299) He was buried with honors out of St. Timothy's Church, the funeral attended by a large body of politicians and city officials, who ***discussed*** *secretly among themselves whether his grief over his daughter had anything to do with his end.*

Плеонастичные выражения реципрокальности, подобные примеру 299, подчеркивать совершение определенного действия в рамках определенной группы (см. об ограничительном значении местоименного маркера в работе [Nedjalkov 2004]).

Анализ глагола *fight*

Глагол *fight* проявляет ярко выраженное тяготение к ССПП 3. В данной конструкции он употреблен в 88% рассмотренных контекстов:

(300) A man he had ***fought*** *with others in the department to clear was now the only suspect.*

При этом в большинстве употреблений (63% от общего числа всех употреблений в ССПП 3) мы имеем дело с эллиптической конструкцией, в

которой не выражен на поверхностном уровне второй участник положения дел (который восстанавливается из контекста или ситуации):

*(301) Merry and he had drawn their swords, but the Orcs did not wish to **fight**, and had tried only to lay hold of them.*

*(302) He ran right up to the mysterious grey mass at the end: peered, touched, and then called out: "These will not **fight**, I think.*

В подобных случаях коммуникативный акцент часто делается на факте участия одной из сторон, выраженной в позиции подлежащего в боевой конфронтации:

*(303) 'Freedom. That's what I'm **fighting** for.'*

Любопытно также, что с помощью собственно комитативной конструкции второй участник выражается лишь в 3% случаев (из всех употреблений в ССПП 3):

*(304) Why is he called Caspian the Conqueror if there was nobody to **fight** with him?*

Второй участник может также выражаться в составе вводимого глаголом *fight* инфинитивного оборота:

*(305) I **fought** to overcome her by every other means.*

В остальных контекстах второй участник выражается с помощью прямого дополнения (306) или вводится предлогом *against* (пример 307).

*(306) One cardinal principle: no matter how weak from hunger or faint with fright, they always **fought** you when they saw the apparatus.*

*(307) But how if half the Narnians— including all the Dwarfs— just sat and looked on? or even **fought** against him?*

Гораздо реже глагол *fight* употребляется в конструкции ССПП 1 (9% от всех проанализированных контекстов употребления):

*(308) Perched at the very edge of a cliff, the castle leaned out over the cradle of Italian civilization — the valley where the Curiazi and Orazi clans **fought** long before the founding of Rome.*

В конструкции ССПП 2 данный глагол употребляется лишь в 3% рассмотренных случаев, однако демонстрирует сочетаемость с различными местоименными маркерами:

(309) A crowd of men would rush up and dive on it— starving men would ***fight*** *each other, snatch bread out of each other's hands, while the guards stood and laughed.*

(310) A passel of quarrelsome drunks had called in the early part of the evening and had ***fought*** *one another, torn the place up, broken her finest mirrors.*

(311) I have been told that elephants rarely ***fight*** *amongst themselves.*

Глагол *fight* способен также проецировать следующие позиции:

- для того, что отстаивается в борьбе (с помощью предлога *for*):

(312) Pavel was not sure whether Zhukhrai was joking or serious. "I don't fight for nothing," he retorted, "I always ***fight*** *for what's right and fair."*

- для ее причины/цели (из-за чего или за что ведется борьба, с помощью предлога *over,* инфинитивного оборота, вводимого частицей *to*):

(313) The first few carriages were already packed with students, some hanging out of the window to talk to their families, some ***fighting*** *over seats.*

(314) If it's meat you want, I'm nothing but gristle, but I''ll ***fight*** *to keep it.*

- для того, с кем вместе кто-либо сражается против кого-либо (с помощью предлога *with* и наречия *together*):

(315) The three of them had first been in Norway, then they had ***fought*** *with Rommel in Africa, and now they had been withdrawn from the Western Front.*

(316) Then we might have ***fought*** *them together.*

При данном глаголе с помощью предлога *with* может также выражаться семантика инструмента – оружия:

(317) I should have chopped the bill off to ***fight*** *them with, he thought.*

Отметим также, что спектр значений, выражаемых глаголом *fight*, весьма широк и включает такие значения, как «воевать», «сражаться», «драться», «враждовать» (см. примеры выше).

Анализ глагола *kiss*

Из всех проанализированных глаголов данный глагол демонстрирует наибольшее тяготение к ССПП 1 – 69%:

(318) In the life she had been accustomed to, people ***kissed*** *a great deal and uttered many sentimental words, but always bit at one another like hungry dogs.*

В некоторых случаях в ССПП 1 множественный агенс выражается собирательным именем:

(319) A group of youngsters were ***kissing*** *loudly in a din of whistle and song.*

В то же самое время глагол *kiss* довольно часто используется в составе ССПП 2 – 22%:

(320) People thronged the streets, men laughing and shaking hands in congratulation, ladies ***kissing*** *each other and crying.*

Случаи употребления данного глагола в ССПП 3 не слишком частотны – 9%:

(321) While she was thus ***kissing*** *with the beggar, her eyes met those of Nekhludoff.*

При этом у глагола *kiss* во всех контекстах в ССПП 3 реализуется полный вариант комитативной конструкции – с выраженным на поверхностном уровне вторым участником.

Анализ глагола *quarrel*

Глагол *quarrel* претендует на звание самого «срединного» из всех рассматриваемых глаголов: он имеет равную вероятность быть употребленным как в ССПП 1, так и в ССПП 3 (42% и 41% употреблений в каждой конструкции от общего числа всех проанализированных высказываний):

(322) ...now she and her sister lead a cat and dog life together; they are always ***quarrelling*** (ССПП 1).

(323) It was the same Vovka Babarik with whom I had been friendly, and had later ***quarreled*** (ССПП 3).

При этом данный глагол находится на третьем месте по количеству зафиксированных употреблений в ССПП 2 – 17%:

(324) …such the two house-painters with their aprons, stockingless feet, all bespattered and smeared with paint, whom Nekhludoff met, carrying a painful of paint, and ***quarrelling*** *with each other.*

Анализ глагола *rival*

Глагол *rival* обнаруживает сильное тяготение к ССПП 3. Во всех проанализированных контекстах употребления он используется в составе данной конструкции:

(325) But none could ***rival*** *her, Shelob the Great, last child of Ungoliant to trouble the unhappy world.*

(326) Although Europe's aggregate economy ***rivals*** *that of the United States, European spending on military power is less than half that of the United States.*

(327) It was the only place that could ***rival*** *the autopsy floor of the medical examiner's office in the stench of decay.*

Как видно из двух последних примеров, данный глагол может использоваться при метафорическом переосмыслении идеи соперничества, когда его две стороны не являются прототипическими агенсами.

Мы можем видеть явное сходство в лексико-синтаксическом функционировании между глаголами *rival* и *associate*. Оба данных глагола сильно тяготеют к ССПП 3. Глагол *rival*, в отличие от глагола *associate*, не проецирует комитативную конструкцию, являясь переходным. Однако при глаголе *rival*, как и при *associate*, во всех проанализированных случаях второй участник ситуации находит поверхностное выражение.

Анализ глагола *speak*

Глагол *speak* обнаруживает явное тяготение к ССПП 3. В данной конструкции он употребляется в 75% контекстов:

(328) " Don't be rude, boy, " she said haughtily, as though ***speaking*** *to me from an upstairs window of her own house.*

(329) ... you haven't ***spoken*** *to him in ten years.*

(330) She laughs often and ***speaks*** *comfortably with reporters in both Russian and English.*

(331) While she ***spoke*** *with the doctor, I caught up with her and went out on deck toward the ramp.*

При этом он во всех случаях употребления в ССПП 3 проецирует комитативную конструкцию с предлогами *to* и *with* с поверхностным выражением второго участника (см. примеры выше).

Значительно реже глагол *speak* встречается в ССПП 1 – 20,5%:

(332) Commanders of the rival militaries had long steered clear of the other by ***speaking*** *through often-used deconfliction telephone lines.*

(333) We haven't ***spoken*** *since.*

(334) They ***spoke*** *no more after that.*

И лишь в отдельных случаях он употребляется в составе ССПП 2 – 4,5%:

(335) ...the truth was that we never really ***spoke*** *to each other, even when we were alone.*

(336) She and her stepmother stopped ***speaking*** *to each other altogether.*

Как видно из последних примеров, в ССПП 1 и ССПП 2, данный глагол часто используется с различными маркерами отрицания.

Общая семантика, выражаемая данным глаголом в реципрокальном значении – вербальное взаимодействие: «говорить», «разговаривать», «общаться», реже – «обсуждать». Как специфический вид вербального взаимодействия данный глагол может обозначать телефонный разговор:

*(337) We **spoke** on the phone.*

В составе словосочетания вместе с обстоятельством образа действия глагол *speak* может обозначать различные дополнительные характеристики общения, например, разговор шепотом:

*(338) This opinion was confirmed by the fact that people only approached the door of that room on tiptoe and **speaking** in whispers.*

Анализ глагола *struggle*

У глагола *struggle* наблюдается выраженное тяготение к ССПП 3. В данной структурной схеме он используется в 83% случаев.

При этом данный глагол проецирует различные конструкции в своем правостороннем контексте:

- комитативную с предлогом *with*, вводящим второго участника борьбы (в 40% случаев от общего числа употреблений в ССПП 3):

*(339) "She probably will," Klaus said, **struggling** with the latch.*

*(340) In secret, she is simultaneously **struggling** with three torments.*

- конструкцию для второго участника с предлогом against:

*(341) One hundred years ago, civil war was raging across Russia as the Bolsheviks… **struggled** against their myriad opponents known as the "Whites"- supporters of the deposed czar, republicans, social democrats, Cossacks.*

- инфинитивную конструкцию для выражения цели борьбы:

*(342) Awkward Person Senior had been **struggling** to push a shod foot through the zigzag of a narrow trouser leg when he felt a roaring redness fill his head.*

Эллипсис в правостороннем контексте данного глагола, когда на поверхностном уровне не выражается позиция для второго участника, также возможен:

*(343) ...he yelled, **struggling** with all his might.*

На основе данных корпусного анализа мы также можем сделать вывод о том, что на фоне крайне редких употреблений в ССПП 1 показатель частотности использования глагола *struggle* в ССПП 2 относительно высок и составляет 17%:

*(344) The grown-ups were **struggling** with each other, but I crept down between them.*

Как видно из приведенных случаев употребления данного глагола, он может передавать значения как прототипической борьбы, так и борьбы метафорически переосмысленной.

Анализ глагола *talk*

Глагол *talk* не проявляет сильного тяготения к какой-либо ССПП: в долях от 100% частотности употребления глагола в ССПП 1 и ССПП 3 составили 41% и 53% соответственно:

*(345) Klaus tried to imagine what Olaf and his troupe were **talking** about, and hoped that Sunny was not too frightened.*

*(346) We don't **talk**.*

*(347) "I'm **talking** with Sid Nye now," Mason said.*

*(348) You **talked** to him the first time, so you take the lead.*

Будучи употребленным в составе ССПП 3 в реципрокальном значении, глагол *talk* в 93% случаев проецирует комитативную конструкцию с предлогами *with* и *to*. Эллиптические употребления довольно редки. Они возможны, например, в случаях, когда выражается специфическое значение – разговор по телефону – и когда позиция для темы разговора/обсуждения вводится предлогом *about*. См. примеры 349-350:

*(349) He was standing at someone else's desk **talking** on the telephone and she had a chance to look him over for the first time in a year.*

*(350) "Well," Dianne said, "it's confidential in a way— that is, I'm not supposed to **talk** about it.*

Одновременно данный глагол употребляется в ССПП 2 гораздо реже – лишь в 6% контекстов:

*(351) ...normally strangers don't **talk** to each other.*

Как и глагол *speak*, данный глагол в составе словосочетания может передавать значение «разговаривать шепотом, перешептываться»:

*(352) They stood in the passage **talking** about it in whispers long after she had gone to bed.*

*(353) No further talk passed between Joy and Smoke for an hour or so, though he noticed that for a time she and her father **talked** in low tones.*

В целом же, значения, передаваемые глаголом *talk*, в основном идентичны значениям глагола *speak*.

Анализ глагола *vie*

Глагол *vie*, передающий идею соперничества, сильно тяготеет к использованию в составе ССПП 3 (89%), являясь вторым среди шестнадцати

рассматриваемых глаголов после глагола *associate* по тяготению к данной структурной схеме.

Во всех проанализированных случаях употребления данного глагола в составе ССПП 3 он проецирует позицию для выражения противоборствующей стороны с помощью предлога *with*:

*(354) He **vies** with the matador and the flying ace as an object of thrilled adulation.*

*(355) Nevertheless his master is a good youth — ay, and I am well pleased that he hath gained shekels of gold and shekels of silver, even by the speed of his horse and by the strength of his lance, which, like that of Goliath the Philistine, might **vie** with a weaver's beam.*

Реже (в 11% случаев) глагол *vie* употребляется в ССПП 1:

*(356) The back room contained the long bar, where most nights it was standing room only while patrons **vied** for the attention of bartenders who could have been the fathers of the waiters.*

В последнем примере предлог *for* вводит позицию для цели, за которую ведется соперничество.

В следующем случае слова – конституенты взаимного местоимения оказываются в разноименных (соответственно левом и правом) контекстах глагольного предиката, создавая внешнее сходство с высказываниями, построенными по ССПП 2, однако здесь перед нами конструкция ССПП 3, лишь со своеобразным лексическим наполнением:

*(357) The aunt, the two young ladies, and Mr. Wardle, each **vying** with the other in paying zealous and unremitting attentions to the old lady…*

Результаты анализа показывают, что глагол *vie* способен выражать как информацию о соперничестве между прототипическими агенсами, так и

метафору соперничества, когда сравниваются свойства неодушевленных предметов (ср. с глаголом *rival*).

Анализ глагола *whisper*

Лексико-синтаксическое функционирование глагола *whisper* выделяется на фоне других глаголов, прежде всего, тем, что данный глагол для выражения реципрокального значения в 51,5% случаев употребляется в ССПП 2. Данный факт говорит о том, что из всех рассматриваемых глаголов глагол *whisper* наиболее «односторонний». Примерно в половине случаев глагол употребляется вместе с местоименными (или наречными) маркерами семантики взаимности:

(358) When people passed by, he could hear them ***whispering*** *to one another.*

(359) And the children, frightened and wet, ***whispered*** *together.*

Реже анализируемый глагол употребляется в ССПП 1 – 43%:

(360) Already people were beginning to ***whisper****, asking why they were not with Lee.*

Любопытно, что при этом подлежащее может выражаться именем существительным с собирательным значением:

(361) And then the audience noting the change and ***whispering*** *in regard to it.*

Лишь в отдельных случаях он используется в рамках комитативной конструкции в составе ССПП 3:

(362) Sometimes Ma ***whispered*** *to her and sometimes sat up quietly, her face brooding.*

Главная особенность данного глагола – тяготение к ССПП 2 – может объясняться тем, что местоименный маркер при выражении реципрокальности служит для устранения двузначности, подчеркивания взаимного характера ситуации, так как глагол *whisper* в сознании

говорящего, прежде всего, ассоциируется с его односторонним значением – «шептать».

Анализ лексико-синтаксического функционирования английских реципрокальных глаголов позволил нам выстроить рейтинги данных глаголов по релевантным с точки зрения выражения ими реципрокальности параметрам (см. таблицу 16).

Таблица 16. Рейтинги английских реципрокальных глаголов по параметрам их лексико-синтаксического функционирования

№	Степень тяготения к ССПП 1	Степень тяготения к ССПП 3	Степень тяготения к ССПП 2	Частота употребления в комитативной конструкции (в % от общего числа употреблений в ССПП 3)
1	Kiss (69%)	Associate (->100%)	Whisper (51,5%)	Associate (100%)
2	Debate (63%)	Rival (->100%)	Kiss (22%)	Communicate (100%)
3	Whisper (43%)	Vie (89%)	Quarrel (17%)	Compete (100%)
4	Quarrel (42%)	Fight (88%)	Struggle (17%)	Converse (100%)
5	Communicate (41,5%)	Struggle (83%)	Communicate (8%)	Kiss (100%)
6	Talk (41%)	Compete (75%)	Talk (6%)	Quarrel (100%)
7	Converse (41%)	Speak (75%)	Speak (4,5%)	Speak (100%)
8	Discuss (38,5%)	Argue (66%)	Fight (3%)	Vie (100%)
9	Argue (33%)	Discuss (60%)	Discuss (1,5%)	Whisper (100%)
10	Compete (25%)	Converse (59%)	Associate (-> 0)	Talk (93%)
11	Speak (20,5%)	Talk (53%)	Argue(-> 0)	Debate (66%)
12	Vie (11%)	Communicate (50,5%)	Compete(-> 0)	Argue (56%)

13	Fight (9%)	Quarrel (41%)	Converse (-> 0)	Discuss (49%)
14	Associate (-> 0)	Debate (37%)	Debate (-> 0)	Struggle (40%)
15	Rival (-> 0)	Kiss (9%)	Rival(-> 0)	Fight (3%)
16	Struggle (-> 0)	Whisper (5,5%)	Vie (-> 0)	Rival – транзитивный глагол, не проецирует комитативную конструкцию

Если внимательно изучить данные рейтинги, можно увидеть определенные закономерности.

Во-первых, рейтинги частотности использования глаголов в ССПП 1 и ССПП 3, выстроенные в порядке убывания, при сопоставлении оказываются за некоторыми исключениями зеркально симметричными. Высокая частотность употребления глагола в ССПП 1 соответствует низкой частотности его использования в ССПП 3, и наоборот. Следовательно, так как показатели тяготения рассчитываются в процентных долях, два данных показателя являются взаимодополнительными.

Во-вторых, условием подобной взаимной дополнительности показателей функционирования глаголов в двух ССПП является относительно низкая частотность употребления в ССПП 2 у подавляющего большинства рассмотренных глаголов (в диапазоне от 1,5 до 22%, за исключением глагола *whisper*, об особенности которого говорилось выше).

Вполне логичным представляется, что за этим стоит избыточность употребления специальных местоименных маркеров при уже ингерентно реципрокальном глаголе и одновременно относительно невысокая частотность случаев, когда в рамках одного высказывания необходимо употребить оба маркера реципрокальности – и глагольный, и местоименный / наречный. К подобным случаям относятся: подчеркивание взаимного характера описываемого положения дел, равной вовлеченности актантов в действие (см. об этом: [Collins COBUILD English Grammar 1990]), отграничение множества взаимодействующих актантов от остальных

актантов (см. об этом в работе [Nedjalkov 2007]), а также необходимость передать специфическое значение двойного реципрока (см.: [Летучий 2009]).

В-третьих, глаголы с родственной лексической семантикой группируются, занимая соседние позиции в рейтингах частотности. Если мы посмотрим на взаимодополнительную систему из двух рейтингов, то увидим по две такие группировки в каждом рейтинге. С одной стороны, это глаголы вербального взаимодействия от *debate* до *argue* в рейтинге тяготения к ССПП 1 и от *speak* до *debate* в рейтинге по степени тяготения к ССПП 3. С другой стороны, это глаголы физической конфронтации и соперничества от *rival* до *struggle* в рейтинге по ССПП 1 и от *vie* до *struggle* в рейтинге по ССПП 3.

В-четвертых, явно проявляется дифференциация глаголов *talk* и *speak* в плане их лексико-синтаксического функционирования. Первый глагол тяготеет в большей степени к ССПП 1, второй – к ССПП 3.

Последнее наблюдение свидетельствует в пользу того, что синонимы в языковой системе занимают не тождественные ячейки и лексико-синтаксическое функционирование также отражает тенденцию синонимов к системному расподоблению. См. в этой связи о тенденции к преодолению «нефункционального различия единиц» в литературном языке в работе [Панов 1966, с. 55], а также о сочетаемостных различиях между «семантически точными» синонимами в работе [Апресян 1995, с. 230-235]. Данная тенденция в рассмотренном случае выражается в углублении различий в плане функционирования синонимичных слов.

В целом же, лексико-синтаксическое функционирование английских реципрокальных глаголов (в плане тяготения к той или иной ССПП) можно представить в виде диаграммы (рисунок 3).

Бинарную систему из двух взаимодополнительных планов тяготения – к ССПП 1 и к ССПП 3 – удобно моделировать в виде отдельной столбцовой диаграммы, расположив глаголы по мере убывания у них показателя тяготения к ССПП 1 (см. рисунок 4).

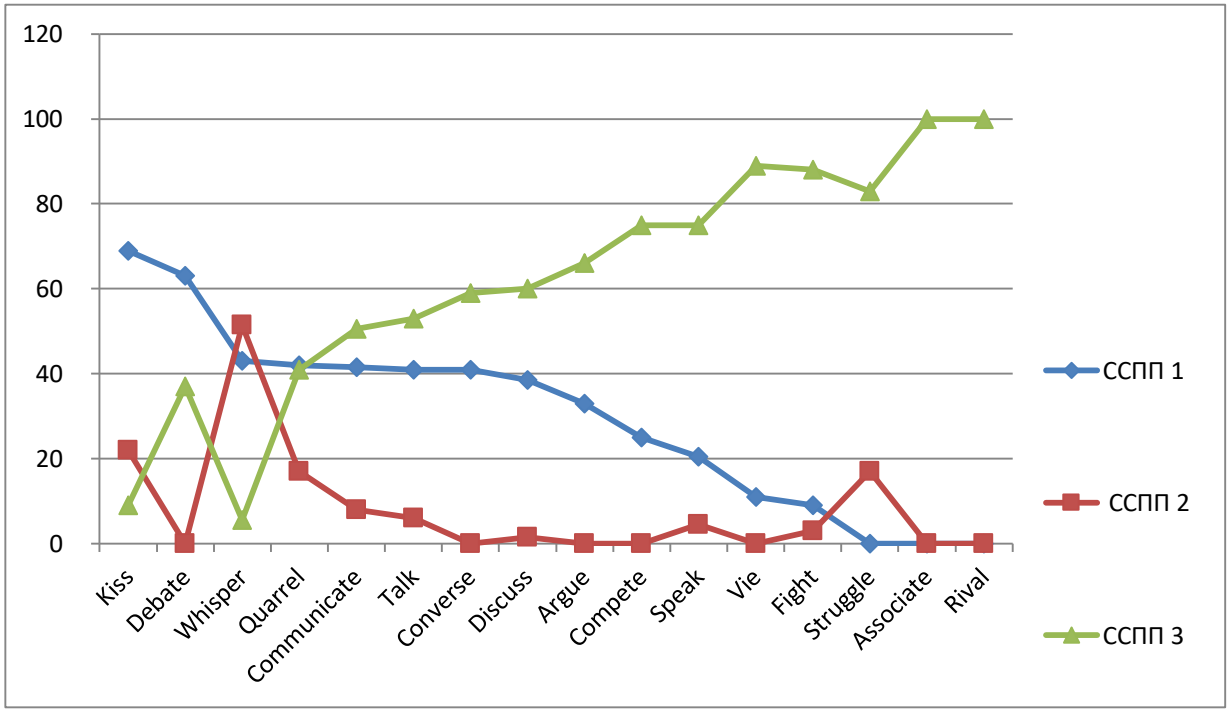

Рисунок 3. Тяготение английских реципрокальных глаголов к ССПП

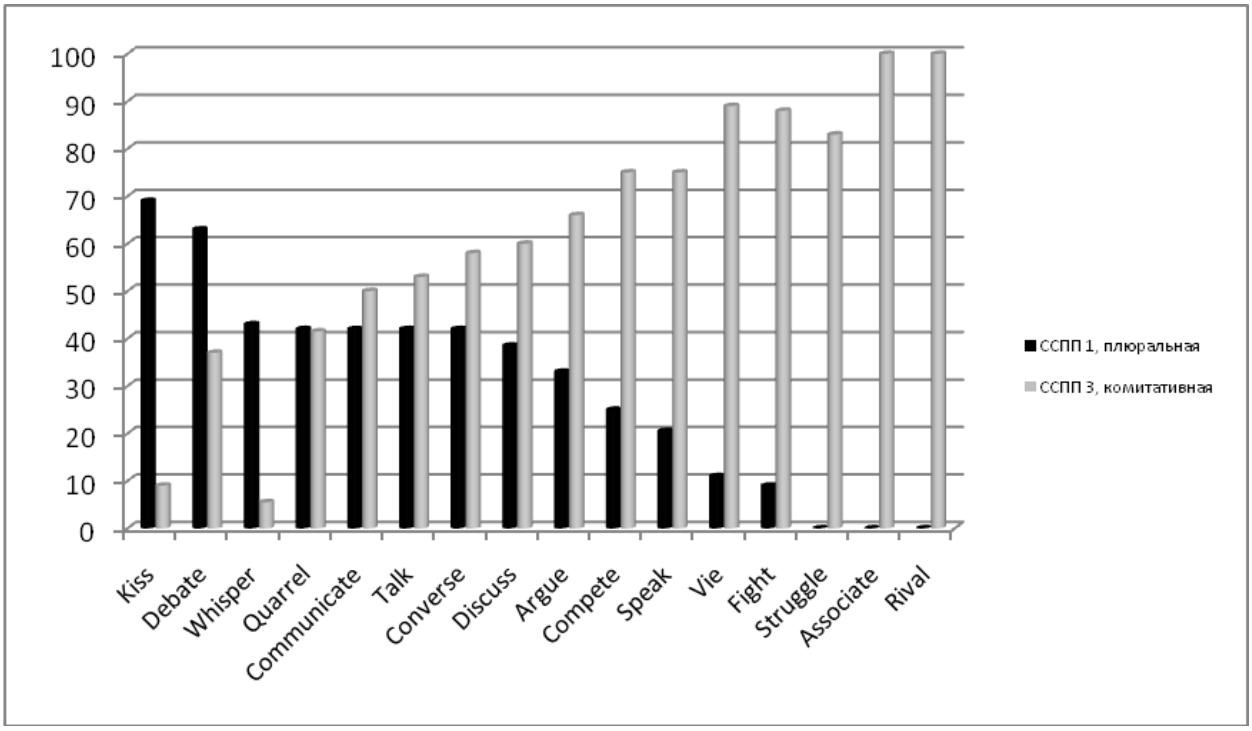

Рисунок 4. Степень тяготения английских реципрокальных глаголов к ССПП 1/3

Как видно из рисунков 3 и 4, в рамках выделенной выше группы глаголов вербального взаимодействия, функционирующих сходным образом,

на фоне убывания частотности использования в ССПП 1 наблюдается скачкообразное изменение показателей частотности употребления в других ССПП. В рамках группы глаголов соперничества и конфронтации на фоне ослабления тяготения к ССПП 1 изменения других показателей происходят в меньшем диапазоне. Здесь из общей картины крайне низкой степени тяготения к ССПП 2 и постепенно растущего или стабильного тяготения к ССПП 3 выбиваются лишь показатели глагола *struggle*. Как показано на диаграмме, степень тяготения данного глагола к ССПП 3 ниже, а к ССПП 2 – гораздо выше соответствующих показателей его «соседей» по графику.

Если мы посмотрим на двойной рейтинг глаголов по их тяготению к ССПП 1/3, то увидим, что границы между группировками функционирующих сходным образом глаголов оказываются нечеткими. Так, глаголы *quarrel*, *compete* и *speak* в рейтинге по тяготению к ССПП 1 оказываются «в отрыве» от глаголов «своих» лексико-семантических полей. Однако, с другой стороны, глагол *quarrel* является одновременно не только глаголом конфронтации, но и глаголом вербального взаимодействия, так как с его помощью описываются ситуации конфронтации вербальной. О причинах же «разбегания» глаголов *talk* и *speak* было сказано выше. Что касается рейтинга по тяготению к ССПП 3, то там показатель глагола *whisper* существенно отличается от показателя ближайшего к нему глагола вербального взаимодействия *debate*.

Таким образом, тенденции к концентрации на шкале глаголов со сходной лексической семантикой буквально пронизаны отклонениями от этих тенденций. Мы можем видеть, что различия в плане лексической семантики, пусть и нечетко, но отражены в бинарной системе рейтингов ССПП 1/3. При этом различия в морфологическом оформлении выражения семантики взаимности не находят отражения в характере лексико-синтаксического функционирования английских реципрокальных глаголов.

В силу отсутствия градации на основе формальных и нечеткости градации на основе лексико-семантических признаков мы можем сделать

вывод, что полученные последовательности глаголов отражают континуальный характер отношений между элементами языковой категории реципрокальности на шкале грамматикализованности.

Снова видим «растекание» лексико-семантического континуума по континуальной шкале грамматикализованности (схема 3, ср. со схемой 2).

Схема 3. Шкала грамматикализованности в отношении явности – скрытости глагольной реципрокальности в английском языке

Английские глаголы с семантикой одностороннего действия / отношения + местоименный маркер	Английские реципрокальные глаголы		
	префиксально маркированные глаголы	глаголы с этимологически выделяемым префиксом	скрытое выражение реципрокальности
синтаксическая реализация	морфологическая реализация	лексическая реализация	
hit each other, love each other	*associate, converse*	*debate, discuss, communicate, compete*	*argue, fight kiss, quarrel, rival, speak, struggle, talk, vie, whisper*

скрытое — явное — скрытое

Как видим из схемы 3, скрытая реализация реципрокальной семантики в английском языке может осуществляться лексически и синтаксически. Явный сегмент глагольной реципрокальности представлен словообразовательными средствами выражения, скрытый – лексическими и синтаксическими.

Выводы из третьей главы

Вторая глава посвящена корпусному исследованию лексико-синтаксического функционирования глагольных реципроков в синтетическом и аналитическом языках – русском и английском. Наблюдая особенности использования глаголов различных деривационно-морфологических типов, мы проследили зависимость функционального плана данных глаголов от их лексической семантики. Был также установлен континуальный характер категории реципрокальности в языке, когда явное и скрытое кодирование взаимности подвергаются внутренней градуальности, характеризуемой плавным переходом от явного к скрытому.

Анализ лексико-синтаксического функционирования глаголов в разноструктурных языках позволяет нам сделать некоторые обобщающие выводы. Во-первых, лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов в ССПП 1 и ССПП 3 носит (с некоторыми отклонениями) взаимодополнительный обратный характер. Прослеживается тенденция: чем более глагол тяготеет к употреблению в ССПП 1, тем менее он тяготеет к употреблению в ССПП 3, и наоборот.

Во-вторых, на фоне высоких в процентном отношении показателей частотности употребления в ССПП 1/3 реципрокальные глаголы в значительно меньшей степени тяготеют к употреблению в ССПП 2. Последнее происходит потому, что при использовании ингерентно реципрокального глагола в составе ССПП 2 получается двойное маркирование реципрока – и глаголом, и специальным лексическим модификатором. Такой тип маркирования служит особым коммуникативным целям: подчеркиванию равной вовлеченности актантов в действие, отграничению от других участников ситуации некоторого множества актантов, совершающих в отношении друг друга какое-либо действие, а также выражению специфического характера взаимного действия.

В-третьих, мы наблюдаем, что глаголы с общими лексико-семантическими характеристиками имеют тенденцию демонстрировать сходные показатели в рейтингах частотности употребления глаголов в бинарной системе ССПП 1/3. В частности, глаголы речевого взаимодействия в большей степени тяготеют к ССПП 1, а глаголы конфронтации / соперничества – к ССПП 3. У некоторых глаголов подобное тяготение проявляется во взаимодействии с их другими характеристиками. Так, русские глаголы речевых действий, обладающие реципрокально-односторонней полисемией, получают таким образом синтаксический маркер реципрокальности, который участвует в снятии многозначности при их употреблении. У некоторых же глаголов конфронтации тяготение к использованию в ССПП 3 связано с тенденцией акцентировать при их употреблении факт участия агенса в конфликте со смещением фокуса с противоборствующей стороны на ту, которая выражена в позиции подлежащего. В связи с этим данные глаголы имеют сильную тенденцию к употреблению в эллиптической конструкции, когда второй участник не выражен на поверхностном уровне.

В-четвертых, синонимичные друг другу глаголы нейтрального речевого взаимодействия демонстрируют серьезные различия в своем лексико-синтаксическом функционировании в системе ССПП 1/3. Дифференциация лексико-синтаксического функционирования в данном случае может быть связана с тенденцией к дифференциации синонимов в языковой системе.

Таким образом, лексико-синтаксическое функционирование реципрокальных глаголов не отражает системных различий в морфологии данных языковых единиц, однако испытывает влияние лексической семантики последних. Отсутствие четкой градации шкал, отражающих тяготение глаголов к определенной ССПП в бинарной системе ССПП 1/3, когда на фоне тяготения друг к другу глаголов с общими лексико-семантическими характеристиками отклонение некоторых глаголов от такого

тяготения и даже «разбегания» некоторых глаголов по шкале позволяет нам говорить о таком свойстве системы средств выражения реципрокальности в языке, как континуальность.

Заключение

В данном диссертационном исследовании рассматривалось явное и скрытое кодирование семантики реципрокальности в языке. В ходе проделанной работы были достигнуты следующие результаты.

Исследована история изучения реципрокальности в мировом языкознании. В результате мы выявили несколько подходов к изучению данного явления, особенности которых связаны с определенными исследовательскими парадигмами и языковедческими школами. В частности, мы приняли за основу данного исследования подход В. П. Недялкова, лежащий в русле идей Санкт-Петербургской типологической школы и близкий функционально-грамматическому подходу.

Разделение реципроков на грамматические и лексические, а также внутренняя неоднородность (различная степень морфологизации средств выражения взаимного значения, наличие среди лексических реципроков слов с грамматическими маркерами и без таковых) позволяют расположить средства выражения взаимности по условной шкале грамматикализованности, на одном полюсе которой помещаются средства, образуемые с помощью регулярной грамматической трансформации, а на противоположном – средства, передающие ту же категориальную семантику, но без участия ее грамматических маркеров.

Предложена формула инвариантной реципрокальной семантики:

$$A_1\rho A_2=A_1\rho A_3=\ldots\ \ldots=A_1\rho A_n\ldots=A_n\rho A_1\ldots\ \ldots=A_n\rho A_{n-1},$$

где ρ – знак отношения в широком смысле слова; A_1, $A_2\ldots$ A_n – участники ситуации.

Исчислены основные варианты данной семантики: субъектно-реципрокальная с равнозначно вовлеченными участниками и с ведущим участником, объектно-реципрокальная с равнозначно вовлеченными объектами и с доминирующим объектом, субъектно-реципрокальная с модификатором каузации, квазиреципрокальная.

Определены лексико-семантические поля, в которых наблюдается выражение семантики взаимности в русском и английском языках. Реципрокальную семантику могут нести высказывания, содержащие информацию о ситуациях следующих понятийных сфер:

- социальные, чувственно-эмоциональные, интеллектуальные отношения:
- действия (физические, социальные, интеллектуальные, речевые, каузация обладания/необладания):

Исследована система разноуровневых средств выражения семантики взаимности в разноструктурных языках, включающая следующие уровни:

- морфологический

Морфологические средства выражения реципрокальности являются словообразовательными средствами. В русском языке это постфикс *-ся*, комплекс из приставки *пере-*, суффикса *-ыва-/-ива-* и постфикса *–ся* (*перестреливаться, переглядываться*), приставки *с-/со-* и *раз-*, в английском языке из ряда подобных средств наиболее частотными являются префиксы *co-* и *di-* (*correspond, diverge*).

- лексический

К лексическим средствам выражения реципрокальности, в первую очередь, необходимо отнести реципрокальные местоимения. К ним, в частности, относятся русские местоимения *друг друга* и *один другого* английские местоимения *each other* и *one another*. Данные местоимения в предложении замещают позицию объекта, на семантическом уровне являясь модификаторами значения глагола-предиката.

В языке существует и значительное количество полнозначных лексем, содержащих в себе значение взаимности. Выражение взаимности такими словами может быть никак не связанным с какими-либо аффиксами, то есть быть сосредоточенным в корне – *дружить, враждовать, feud, kiss*.

- синтаксический

В русском и английском языках данный тип выражения реципрокальности является неграмматикализованным, описательным, осуществляется в рамаках сверхфразовых единств и сложных предложений.

С точки зрения синтаксиса простого предложения, анализ показал, что все множество реципрокальных высказываний, в основу которых положены

глагольные предложения, подразделяются на три лексико-синтаксических класса. Формализация реципрокальных отношений содержит следующие сокращения: S = подлежащее, V = предикат, PL = множественное число, O = дополнение. В диссертационной работе выделены и описаны следующие ССПП:

1) ССПП 1 (плюральная): S (PL) + V или S (сочинительное словосочетание) + V, где подлежащее представляет собой множественный агенс – множество участников, вступающих в реципрокальные отношения, без позиции для специального маркера;

2) ССПП 2 (прономинальная, являющаяся специальный синтаксическим средством выражения реципрокальности) – с подлежащим, выражающим множественный агенс, и позицией для специального маркера реципрокального отношения – реципрокального местоимения:

A) S (PL) + V + местоименный маркер EACH OTHER/ONE ANOTHER /ДРУГ ДРУГА/ОДИН ДРУГОГО/BETWEEN (AMONG) –SELVES/МЕЖДУ СОБОЙ (местоименные сочетания);

B) S (PL) + V + (предлог) EACH OTHER/ONE ANOTHER/ДРУГ ДРУГА /ОДИН ДРУГОГО;

3) ССПП 3 (комитативная) – с подлежащим и дополнением, называющими стороны реципрокального отношения:

A) S + V + O;

B) S + V + (предлог) O.

При этом между различными уровневыми типами выражения реципрокальности нет четких границ, а наблюдаемые переходные зоны свидетельствуют о континуальном принципе устройства системы средств выражения языковой реципрокальности.

Разработана лексико-синтаксическая классификация предложений, в которых реципрокальные глаголы функционируют в качестве сказуемого.

Разработаны также способы идентификации реципрокальной семантики в контексте. Предложенный В. П. Недялковым универсальный тест на реципрокальность проанализирован в системе понятий теории моделей управления Ю. Д. Апресяна.

Классифицированы различные с точки зрения контекста глагольные способы выражения семантики взаимности в русском и английском языках. В результате показано, как глагольная лексика языка разбивается на три класса в соответствии со способом выражения реципрокальности: ингерентный, контекстуальный и ингерентно-контекстуальный.

Выявлена тенденция к скрытой реализации реципрокальных ситуаций в рамках лексико-семантических полей вербального действия и конфронтации в русском и английском языках.

Лексико-семантические группы поля вербальных действий выстраиваются в определенную систему: в центре – прототипический разговор (*говорить* (с кем-либо)*, беседовать, speak, talk*), вокруг центра располагаются специфические виды разговора – дружеский разговор, куда входят и глаголы, обозначающие несерьезный разговор с минимальной смысловой нагрузкой (*болтать, chat*); сплетничание (*сплетничать, gossip*); вербальная конфронтация (*спорить, argue*). В каждой из вышеперечисленных групп наблюдаются скрытые реципроки.

В рамках семантического поля конфронтации выделяются три лексико-семантические группы, в которых реципрокальность выражается скрытым образом – глаголы физической конфронтации (*воевать, fight*), используемые, кроме прочего, и для обозначения социальной борьбы; социальной конфронтации (*враждовать, feud*) и вербальной конфронтации. Последняя группа представляет собой зону синкретизма между двумя рассмотренными лексико-семантическими полями. Таким образом, установлена типологически значимая тенденция к соответствию между скрытым сегментом грамматической категории реципрокальности и лексической семантикой входящих в него глаголов.

Уточнен статус реципрокальности в языках синтетического и аналитического типов. Анализ показал, что реципрокальность в таких языках представляет собой *смешанную* языковую категорию – категорию, совмещающую в себе средства как явным (морфологическим), так и скрытым образом реализующие категориальную семантику.

Языковое сознание подвергает все множество конкретных взаимных ситуаций действительности категоризации. Большая часть таких ситуаций в русском языке номинируется при помощи глаголов с различными аффиксальными средствами (*с-, раз-, -ся*). Аналогично и в английском языке: часть действий номинируется английскими префиксальными глаголами (чаще всего с префиксами *co-, con-, di-*) или. Подобные средства выражения формируют в определенном языке явный сегмент глагольной реципрокальности.

При этом часть ситуаций получают в языке отдельные номинации, «свободные» от перечисленных только что средств языкового маркирования. Таковы, например, русские глаголы *говорить, болтать, враждовать*, английские глаголы, не содержащие обычно используемых для обозначения взаимного действия аффиксов (например, *talk, meet, fight, fraternize*). Эти и подобные им глаголы представляют собой скрытый сегмент категории реципрокальности в соответствующем языке.

К скрытому сегменту относится также синтаксическое выражение реципрокальности – с помощью сочетания глагола с реципрокальным местоимением (*друг друга, один другого, между собой, each other, one another, among/between our-/your-/themselves*).

Проведено корпусное исследование лексико-синтаксического функционирования русских и английских глаголов, выражающих реципрокальность различными в морфологическом плане способами.

Данное корпусное исследование показало наличие системных связей между лексической семантикой глаголов и лексико-синтаксическими параметрами их функционирования в высказывании, а также релевантность лексической синонимии и полисемии в контексте данной связи.

Иными словами, выяснилось, что между глаголами различных лексико-семантических групп наблюдаются системные тенденции к различиям в употреблении. В отдельных случаях многозначные (с реципрокально-односторонней полисемией) глаголы или глаголы, имеющие синонимы, обнаруживают в своем употреблении тяготение к той или иной конструкции в зависимости от своего лексического значения. Следовательно, на

синтаксическое поведение глаголов взаимной семантики оказывает влияние не способ грамматического выражения данной семантики, а лексическое значение в совокупности его системных связей. Соответственно, не представляется возможным даже на основании комплексного подхода, сочетающего формальный и функциональный критерии, четко отделить скрытый класс глагольных средств выражения взаимности от явного.

В то же самое время высказанная в начале работы гипотеза о зависимости функционирования глаголов, выражающих реципрокальность, на синтаксическом уровне от их свойств на уровне лексическом (иными словами, синтаксического функционирования глаголов от их лексической семантики) получила подтверждение в ходе исследования.

Выявленная в подавляющем большинстве случаев индифферентность плана функционирования реципрокального глагола к наблюдаемому в нем грамматическому способу выражения реципрокальности приводит к «размыванию» границ между различными морфологическими типами глаголов в аспекте использования данных глаголов в контексте. Следовательно, эти границы, нечеткость которых уже проявлялась на морфологическом уровне анализа, в основном не находят отражения и в плане функционирования глаголов в речи. Напрашивается вывод, что грамматикализованность категории реципрокальности представляет собой континуальное образование.

В результате исследования на конкретном «участке» языковой системы было обнаружено проявление такого свойства, как континуальность, выражающегося, в частности, в нечеткости градаций на биполярной шкале грамматикализованности. Описанные свойства языковой категории реципрокальности свидетельствуют о справедливости концепции недискретной грамматичности.

Перспектива настоящего исследования заключается в возможности применения предложенной нами методики описания лексико-синтаксического функционирования реципрокальных глаголов к материалу

большого числа разнообразных с типологической точки зрения языков, что оказывается возможным в силу существования в них аналогов русских и английских ССПП 1 и ССПП 3.

Перспективным также представляется межъязыковое сопоставительное исследование связи между лексико-семантическими группировками и скрытой глагольной категориальностью на материале большого количества языков, которое поможет понять механизмы скрытой категоризации взаимности в языках мира. В контексте вышесказанного данная работа может рассматриваться как часть теоретической основы для дальнейших типологических исследований.

Список литературы

1. Аничков И. Е. Труды по языкознанию. / Сост. и отв. ред. проф. В. П. Недялков. СПб: Наука, 1997. 509 с.
2. Антонюк Л. А., Михневич А. Е. Залоговое значение взаимности и проблема «скрытой» грамматики / Л. А. Антонюк, А. Е. Михневич // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. С. 186-193.
3. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола / Ю. Д. Апресян. М.: Наука, 1967. 251 с.
4. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ВИНИТИ, 1986. С. 5-33.
5. Апресян Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. I-II.
6. Апресян Ю. Д. О Московской семантической школе / Ю. Д. Апресян // Вопросы языкознания. 2005. №1. С. 3-30.
7. Апресян Ю. Д. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря / Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. М.: Языки славянских культур, 2010. 408 с.
8. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1976. 383 с.
9. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип (структура и значение) / Н. Д Арутюнова, Е. Н. Ширяев. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
10. Белошапкова В. А. Современный русский язык: Учеб. для филол. спец. ун-тов / В. А. Белошапкова, Е. А. Брызгунова, Е. А. Земская и др.; Под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа,1989. 800 с.
11. Березин Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. М.: Высшая школа, 1984. 310 с.

12. Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ; отв. ред. С. Г. Бархударов. – М.: Издательство АН СССР, 1963. Т. I-II.

13. Бондарко А. В. О взаимодействии языковых уровней в рамках функционально-семантической категории / А. В. Бондарко // Уровни языка и их взаимодействие. М., 1967. С. 32-35.

14. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст / А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1971. 112 с.

15. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1978. 176 с.

16. Бондарко А. В. О грамматике функционально-семантических полей / А. В. Бондарко // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1984. Т.43. №6. С. 492-503.

17. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость / Под ред. А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1991. 371 с.

18. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании / А. В. Бондарко (отв. ред.). СПб: Наука, 2000. 346 с.

19. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики / А. В. Бондарко. М.: Языки славянских культур, 2011. 488 с.

20. Борискина О. О. Криптоклассы английского языка / О. О. Борискина. Воронеж: «Истоки». 2011. 333 с.

21. Булыгина Т. В, Шмелев А. Д.. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 576 с.

22. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев [Вступ. статья И. Кузьминой и др.]. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.

23. Быстрых А. В., Чирко Т. М. Реализация когнитивно-дискурсивных свойств субстантива pain в когнитивном и дискурсивно-

синтаксическом ракурсах / А. В. Быстрых, Т. М. Чирко // Дайджест – 2004. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2005. С. 37-50.

24. Васильев Л. М. Семантические классы глаголов чувства, мысли и речи: Очерки по семантике русского глагола / Л. М. Васильев // Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. 1970. С. 38-310.

25. Вахтель Н. М. Прагмалингвистика в таблицах и схемах: Учеб. пособие / Н. М. Вахтель. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2006. 31 с.

26. Веренк Ж. Диатеза и конструкции с глаголами на –ся / Ж. Веренк // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XV: Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс, 1985. С. 286-302.

27. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г. А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986. 640 с.

28. Виноградов В. А. Вариативность именных классификаций / В. А. Виноградов // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М., 1990. С. 171-209.

29. Виноградов В. А. Семантика классификативных категорий / В. А. Виноградов // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. М.: 1998. Т. 1. С. 22-24.

30. Волохина Г. А., Попова З. Д. Синтаксические концепты русского простого предложения / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. Воронеж: Истоки, 2003. 196 с.

31. Воротников Ю. Л. Академик Наталия Юльевна Шведова (1916 – 2009) / Ю. Л. Воротников // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2010. Т. 69. №1. С. 75-79.

32. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник / М. В. Всеволодова. М.: МГУ, 2000. 501 с.

33. Всеволодова М. В. Функционально-семантические поля и функционально-семантические категории (К вопросу о структуре содержательного пространства языка) / М. В. Всеволодова // Лингвистические исследования: сборник научных трудов. Донецк, 2007. Вып. 15. С. 34-43.

34. Гилярова К. А. Языковая концептуализация формы физических объектов: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2002.

35. Голикова О. А. Именная классификативность в языке: криптокласс «Res Planae»: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2018. 27 с.

36. Грамматика русского языка (в 2-х тт.) / Ред. коллегия: В. В. Виноградов, Е. С. Истрина, С. Г. Бархударов. М.: Издательство академии наук СССР, 1960.

37. Грамматика современного русского литературного языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1970. 767 с.

38. Донина О. В. Скрытая категоризация эмоций в вариантах языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2017. 24 с.

39. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 400 с.

40. Задобривская О. Ф. Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Воронеж, 2019. 23 с.

41. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. М.: Языки славянской культуры, 2006. 672 с.

42. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса / Г. А. Золотова. М.: Наука, 1973. 353 с.

43. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка / Под общ. ред. Г. А. Золотовой. М.: Издательство МГУ, 1998. 528 с.

44. Иомдин Л. Л. Симметричные предикаты в русском языке / Л. Л. Иомдин // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1981. С. 89-104.

45. Картавцев В. Н. Глаголы реципрокной семантики в английском языке (анализ словарных дефиниций) // Психолингвистика и лексикография: сборник научных трудов. Воронеж: Истоки. 2016. С. 126-130.

46. Кашкин В. Б. Континуально-дискретный принцип в универсальной функциональной граматике: автореф. дис. … д-ра филол. наук СПб, 1996. 41 с.

47. Кашкин В. Б. Функциональная типология (неопределенный артикль) / В. Б. Кашкин. Воронеж: Издательство ВГТУ, 2001. 255 с.

48. Кашкин В. Б. Факторная модель грамматического действия и перевод / В. Б. Кашкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. №2. С. 65-70.

49. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. Л.: Наука, 1972. 213 с.

50. Кибрик А. А. Функционализм в лингвистике [Электронный ресурс] / А. А. Кибрик. Режим доступа: http://files.school-collection.edu.ru /dlrstore/5516c21e-387d-c123-badb-9548abf5852a/1008265A.htm.

51. Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке) / А. Е. Кибрик. М.: Издательство МГУ, 1992. 337 с.

52. Кибрик А. Е., Кобозева И. М., Секерина И. А. Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / А. Е. Кибрик, И. М. Кобозева, И. А. Секерина (ред.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 480 с.

53. Кибрик А. Е. и др. Введение в науку о языке / А. Е. Кибрик и др. М.: Буки Веди, 2019. – 672 с.

54. Князев Ю. П. К типологии реципрока: совпадение показателей взаимности и возвратности / Ю. П. Князев // Всесоюзная конференция по по лингвистической типологии. Тезисы докладов. М.: Институт языкознания АН СССР, 1990. С. 71-72.

55. Князев Ю. П. Местоименные конструкции с взаимным значением: друг друга, один другого, между собой [Электронный ресурс] / Ю. П. Князев // Вестник Новгородского государственного университета. 1998. №9. Режим доступа: http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/All/E18F8B7F4D0A93F8C3256727002E7BA3.

56. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе / Ю. П. Князев. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.

57. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.

58. Колшанский Г. В. Логика и структура языка / Г. В. Колшанский. М.: Высшая школа, 1965. 240 с.

59. Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика в современной лингвистике и практике преподавания языков как иностранных / В. Ю. Копров // Семантико-функциональная грамматика в лингвистике и лингводидактике: Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016а. С.6-15.

60. Копров В. Ю. Семантико-функциональная грамматика русского и английского языков: монография. / В. Ю. Копров. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016б. 348 с.

61. Кретов А. А. Съедобное – несъедобное, или криптоклассы русских существительных / А. А. Кретов // Linguistica Silesiana. Warszawa, 1992. № 14. С. 104-114.

62. Кретов А. А. Основы лексико-семантической прогностики / А. А. Кретов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2006. 390 с.

63. Кретов А. А. Жизнь и судьба Фердинанда де Соссюра / А. А. Кретов // Идеи Фердинанда де Соссюра в современной лингвистике: сборник научных трудов. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского государственного университета, 2007. С. 20-32.

64. Кретов А. А., Титов В. Т. Роль скрытых категорий в типологическом описании грамматики романских языков / А. А. Кретов, В. Т. Титов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 7-12.

65. Кретов А. А. Скрытые категории в исследованиях Воронежской лексико-типологической школы / А.А. Кретов, О.О. Борискина, О.В. Донина // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 65-летию кафедры русского языка. Владимир, 2017. С. 267-270.

66. Кронгауз М. А. Текст и взаимодействие участников в речевом акте / М. А. Кронгауз // ЛАЯ. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 22-29.

67. Летучий А. Б. Периферийные показатели реципрока в русском языке [Электронный ресурс] / А. Б. Летучий. 2005. Режим доступа: http://www.dialog-21.ru /Archive/2005/Letuchiy/Letuchiy.pdf.

68. Летучий А. Б. Двойной реципрок: значение и употребление / А. Б. Летучий // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 335-361.

69. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 688 с.

70. Ломов А. М. Аспектуальные категории русского языка и их функциональные связи: автореф. дис. … д-ра филол. наук. 1977а. 42 с.

71. Ломов А. М. Очерки по русской аспектологии / А. М. Ломов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1977б. 140 с.

72. Ломов А. М. Типология русского предложения / А. М. Ломов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1994. 277 с.

73. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2004. 400 с.

74. Ломов А. М. «Слово о полку Игореве» и вокруг него / А. М. Ломов. Воронеж: Издательско-полиграфический центр Воронежского университета, 2010. 244 с.

75. Ломова Т. М., Чирко Т. М. «Язык как фразеология»: опыт лексико-синтаксического описания / Т. М. Ломова, Т. М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 8. 2010. С. 202-212.

76. Ломова Т. М., Чирко Т. М. К вопросу о грамматической периферии: глагол *fail* как "контекстный вытеснитель" / Т. М. Ломова, Т. М. Чирко // Язык, коммуникация и социальная среда. Вып. 12. Воронеж, 2014 . С. 241-254.

77. Ломоносов М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1755. 212 с.

78. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. М.: МГУ, 1972. 199 с.

79. Лукина С. Л. Русские возвратные глаголы и их английские эквиваленты: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19. Воронеж, 2001. 16 с.

80. Мальчуков А. Л. Условные конструкции в эвенском языке / А. Л. Мальчуков // Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998. С. 453-477.

81. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов / Ю. С. Маслов. М.: Высшая школа, 1987. 272 с.

82. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики / Под. ред. Ю. Г. Косарева. М.: Сов. радио, 1978. 368 с.

83. Мельников Г. П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадиальной: Курс лекций / Г. П. Мельников. М.: Издательство РУДН, 2000. 78 с.

84. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст» / И. А. Мельчук. М.: Наука, 1974. 314 с.

85. Мельчук И. А. Курс общей морфологии // И. А. Мельчук. М. – Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1997-2006. Т. I-V.

86. Меркулова И. А. Лексическая нуклеология славянских языков: автореф. дис. … д-ра филол. наук / Меркулова И. А. – Тверь, 2018. 35 с.

87. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса / А. Мустайоки. М.: Языки славянской культуры, 2006. 509 с.

88. Недялков В. П. Типология взаимных конструкций / В. П. Недялков // Теория функциональной грамматики: Персональность. Залоговость. СПб: Наука, 1991. С. 276-312.

89. Недялков В. П. Типология способов выражения реципрокального значения / В. П. Недялков // Язык. Глагол. Предложение. Смоленск: СГПУ, 2000. С. 14-37.

90. Недялков В. П. Анафорические и медиальные способы выражения реципрокального значения / В. П. Недялков // Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие. СПб: Наука, 2003. С. 103-107.

91. Недялков В. П. Заметки по типологии выражения реципрокального и рефлексивного значений (в аспекте полисемии реципрокальных показателей) / В. П. Недялков // 40 лет Санкт-Петербургской Типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 315-393.

92. Норман Б. Ю. Переходность, залог, возвратность / Б. Ю. Норман. Минск: Издательство БГУ им. В. И. Ленина, 1972. 132 с.

93. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е. В. Падучева. М.: Наука, 1974. 292 с.

94. Падучева Е. В. Высказывание и его соотношение с действительностью / Е. В. Падучева. М.: Наука, 1985. 272 с.

95. Панов М. В. Русский язык / М. В. Панов // Языки народов СССР. М., 1966-1968. Т. I-V.

96. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. М.: Языки славянской культуры, 2004. 464 с.

97. Перельмутер И. А. Залог древнегреческого глагола / И. А. Перельмутер. СПб.: Ноах, 1995. 272 с.

98. Перцов Н. В. Грамматическое и обязательное в языке / Н. В. Перцов // Вопросы языкознания. 1996. №4. С. 39-61.

99. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. М.: Учпедгиз, 1956. 511 с.

100. Плунгян В. А. Грамматические категории, их аналоги и заместители: дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 1998. 256 с.

101. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, исправленное / В. А. Плунгян. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

102. Плунгян В. А. Рецензия на книгу: Reciprocal constructions / Ed. by V. Nedjalkov, w. the ass. of E. Geniušienė and Z. Guentchéva. Amsterdam: Benjamins, 2007, v. 1-5 / В. А. Плунгян // Вопросы языкознания. 2009. № 6. С. 109-113.

103. Поликарпов А. А. Циклические процессы в становлении лексической системы языка: моделирование и эксперимент: дис. … доктора филол. наук: 10.02.19 / Поликарпов А. А. М., 1998. 347 с.

104. Попов А. В. Сравнительный синтаксис именительного, звательного и винительного падежей в санскрите, зендском, греческом, латинском, немецком, литовском, латышском и славянских наречиях /

А. В. Попов // Филологические записки. Вып.4-5. Воронеж: Издательство А. Хованского, 1881. С. 1-42.

105. Попова З. Д., Стернин И. А. Общее языкознание : учеб. пособие / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004. 208 с.

106. Попова З. Д., Стернин И. А. Лексическая система языка (внутренняя организация, категориальный аппарат и приемы описания) / З. Д. Попова, И. А. Стернин. М.: Либрком, 2009. 172 с.

107. Поржезинский В. К. Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках: Исслед. В. К. Поржезинского / В. К. Поржезинский. М.: Университетская типография, 1903. X, 109 с.

108. Порядина Р. Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р. Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты. Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых учёных «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 года). Томск: Издание ТГУ, 2002. С.74-80.

109. Порядина Р. Н. О семантической категории желательности / Р. Н. Порядина // Миромоделирование в языке и тексте. Томск: Издание ТГУ, 2003. С.19-31.

110. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса / И. П. Распопов. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1973. 220 с.

111. Распопов И. П., Ломов А. М. Основы русской грамматики: Морфология и синтаксис / И. П. Распопов, А. М. Ломов. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1984. 361 с.

112. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: «Издательский центр «Азбуковник», 2010. 584 с.

113. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка / Е. В. Рахилина, Я. Г. Тестелец // Вопросы языкознания. 2016. №2. С. 7-21.

114. Русская грамматика / Vilma Barnetova, Helena Běličová-Křižkova, Oldřich Leška et al. Praha: Acad., 1979. T. I-II.

115. Русская грамматика (в 2 тт.) / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. ; [редкол.: д. филол. н. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980.

116. Русская глагольная лексика: пересекаемость парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1997. 517 с.

117. Стернин И. А, Рудакова А. В. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. Воронеж: «Ламберт», 2011. 192 с.

118. Сусов И. П. Языковое общение и лингвистика / И. П. Сусов // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса: межвузовский сборник научных трудов. Калинин: Калининский государственный университет, 1985. С. 3-12.

119. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер; [Пер. с франц. Вступ. ст. и общ. ред. В. Г. Гака]. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

120. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис / Я. Г. Тестелец. М.: РГГУ, 2001. 800 с.

121. Уорф Б. Ли. Грамматические категории / Б. Ли Уорф // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 7-21.

122. Харитончик З. А. Хомсианская революция: обещания и результаты / З. А. Харитончик // Вестник Воронежского государственного университета. 2017. №1. С. 5-10.

123. Холодович А. А. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги / А. А. Холодович (отв. ред.). М.: Наука, 1974. 383 с.

124. Храковский В. С. Проблемы теории грамматического залога / В. С. Храковский (отв. ред.). Л.: Наука, 1978. 288 с.

125. Храковский В. С. Залоговые конструкции в разноструктурных языках / В. С. Храковский (отв. ред.). Л.: Наука, 1981. 286 с.

126. Чагина О. В. Возвратные глаголы в русском языке. Описание и употребление: учебное пособие по русскому языку для иностранных учащихся / О. В. Чагина. М.: Русский язык. Курсы, 2009. 264 с.

127. Чагина О. В. Возвратные глаголы и их функционирование / О. В.Чагина // Книга о грамматике. Для преподавателей русского языка как иностранного. СПБ: Златоуст, 2018. 752 с.

128. Чирко Т. М., Ломова Т. М. Скрытая грамматика и языковая компетенция обучаемых / Т. М. Чирко, Т. М. Ломова // Актуальные проблемы языкового образования в России XXI века: междунар. науч.-метод. конф. Воронеж, 2000. Ч. 1. С. 149-155.

129. Чирко Т. М., Ломова Т. М. Синтагматика актуальных смыслов и ее парадигматические основания / Т. М. Чирко, Т. М. Ломова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008 . № 3. С. 7-11.

130. Шарандин А. Л. Найти свой собственный путь: Вклад проф. А. А. Кретова в развитие Воронежской филологической школы / А. Л. Шарандин // Воронежская филологическая школа: история, традиции, современность. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2019. С. 30-37.

131. Шведова Н. Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке: Опыт типологии / Н. Ю. Шведова // Русский язык: Грамматические исследования. Москва: Наука, 1967. С. 3-77.

132. Шелякин М. А. Русские возвратные глаголы в общей системе отношений залоговости / М. А. Шелякин // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 312-326.

133. Шлуинский А. Б. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения: дис. … канд. филол. наук: 10.02.20. М.: 2005. 372 с.

134. Янко-Триницкая Н. А. Возвратные глаголы в современном русском языке / Н. А. Янко-Триницкая. М.: Наука, 1962. 247 с.

135. Biber D. et al. Longman Student`s Grammar of Spoken and Writtten English / D. Biber, S. Conrad, G. Leech. Longman, 2002. 487p.

136. Borillo A. Remarques sur les verbes symétriques français / A. Borillo. Langue française 11(1). 1971. P. 17-31.

137. Celce-Murcia M., Larsen-Freeman D. The Grammar Book: An ESL/EFL Teacher`s Course / M. Celce-Murcia, D. Larsen-Freeman. Heinle and Heinle Publishers, 1983. 655 p.

138. Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax / N. Chomsky. The MIT Press, 1965. 261 p.

139. Collins B. Tonga grammar / B. Collins. London: Longmans, 1962. 182 p.

140. Collins COBUILD English Grammar. Harper Collins Publishers, 1990. 486 p.

141. Collins COBUILD Grammar Patterns 1: Verbs. London: Harper Collins Publishers, 1996. 650 p.

142. Cooper W. E., Ross J. R. A. Word order. / W. E. Cooper, J. R. A. Ross // Papers from the parasession on functionalism. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1975. P. 63-111.

143. Dalrymple M. et al. Reciprocal expressions and the concept of reciprocity / M. Dalrymple, M. Kanazava, Y. Kim, S. Mchombo // Linguistics and Philosophy, 21. 1998. P. 159-210.

144. Dixon R. M. W. The languages of Australia / R. M. W. Dixon. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 547 p.

145. Evans N. Reciprocals and Semantic Typology / Ed. by N. Evans, A. Gaby, S. C. Levinson, A. Majid. John Benjamins Publishing, 2011. 349 p.

146. Fillmore Ch. J. The Case for Case / Ch. J. Fillmore // Universals in Linguistic Theory. New York: Harper and Row, 1968. P. 1-88.

147. Fillmore Ch. J. Santa Cruz lectures on deixis / Ch. J. Fillmore. – Bloomington (IN): Indiana University Lingvistics Club, 1975. 87 p.

148. Fillmore Ch. J. Frame Semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the Morning Calm. Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. P. 111-137.

149. Fillmore Ch. J. The mechanisms of “Construction Grammar” / Ch. J. Fillmore // Proceedings of the Annual Meeting of the Berkeley Linguistic Society 14. 1988. P. 35-55.

150. Fillmore Ch. J., Kay, P. Construction Grammar Course Book / Ch. J. Fillmore, P. Kay. Berkley: University of California, 1992. 320 p.

151. Frajzyngier Z. Reciprocals: form and function / Ed. by Z. Frajzyngier, Traci S. Curl. John Benjamins Publishing Company, 2000. 203 p.

152. Geniušienė E. The Typology of Reflexives / E. Geniušienė. Berlin – New York – Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1987. 435 p.

153. Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure / A. Goldberg. Chicago: University of Chicago Press, 1995. 271 p.

154. Hackl M. The Ingredients of Essentially Plural Predicates / M. Hackl // Proceedings of the 32nd North East Linguistic Society conference. GLSA, University of Massachusetts. Amherst, 2002. P. 171-182.

155. Haiman J. The Iconicity of Grammar: Isomorphism and Motivation / J. Haiman // Language 56: 3. 1980. P. 515-540.

156. Haiman J. Iconic and Economic Motivation / J. Haiman // Language. Issue 59. 1983. P. 781-819.

157. Haspelmath M. Further remarks on reciprocal constructions / M. Haspelmath // Reciprocal constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V 4. P. 2087-2115.

158. Holenstein E. Sprachliche Universalien. Eine Untersuching zur Natur des Menschlichen Geistes / E. Holenstein. Bochum: Brockmeyer, 1985. 258 p.

159. Horton A. E. A grammar of Luvale. / A. E. Horton // Bantu Grammatical Archives, II. Johannesburg: Witwatersrand University Press, 1949. 221 p.

160. Jespersen O. The Philosophy of Grammar / O. Jespersen. London, New York: Allen & Unwin, 1924. 359 p.

161. Kemmer S. E. The middle voice: a typological and diachronic study. Doctoral dissertation / S. E. Kemmer. Stanford University, 1988. 363 p.

162. Kemmer S. E. The middle voice / S. E. Kemmer. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1993. 300 p.

163. Knjazev Yu. P. Lexical reciprocals as a means of expressing reciprocal situations / Yu. P. Knjazev // Reciprocal constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V 1. P. 115-147.

164. König E. Reciprocals and reflexives: theoretical and typological explorations / Ed. by E. König, V. Gast. Trends in Linguistics, 192. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 2008. 652 p.

165. Kruitwagen I. Reciprocal Verbs as Collective Predicate Concepts [Электронный ресурс] / I. Kruitwagen, E. B. Poortman, Y. Winter // NELS 47: Proceedings of the 47th annual meeting of the North East Linguistic Society. 2017.Vol. 2. Режим доступа: https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/362284/Reciprocal_Verbs_as_Collective_Predicate_Concepts.pdf?sequence=1.

166. Langedoen D. T. The logic of reciprocity / D. T. Langedoen // Linguistic Inquiry. 1968. №2. V. 9. P. 177-197.

167. Lichtenberk F. Multiple uses of reciprocal constructions / F. Lichtenberk // Australian journal of linguistics. 1985. №5. P. 19-41.

168. Lichtenberk F. Reflexives and Reciprocals / F. Lichtenberk // The Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford and New York: Pergamon Press, 1994. V. 7. P. 3504-3509.

169. Lomova T. M., Chirko T. M. Express Corpus Research for Teaching Usage / T. M. Lomova, T. M. Chirko // Festival of Teaching, Festival of NATE : Proceedings of the 20th NATE-Russia International Conference. Воронеж, 2014. С. 46-47.

170. Maslova E. Reciprocal and polyadic (Remarkable reciprocals in Bantu) / E. Maslova // Reciprocal Constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V. 1. P. 335-352.

171. Mrazek R. Funkcional'no-semantiˇceskoe pole vzaimnosti i sovmestnosti / R. Mrazek // ˇCeskoslovenska rusistika. 1988. №3. P. 114-122.

172. Nedjalkov I. V., Nedjalkov V. P. Reciprocals, sociatives, comitatives, and assistives in Yakut // I. V. Nedjalkov, V. P. Nedjalkov // Reciprocal Constructions. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V. 3. P. 1095-1162.

173. Nedjalkov V. P. Reciprocal Constructions / Ed. by V. P. Nedjalkov, with the assistance of E. Geniusiene and Z. Guentcheva. Amsterdam: John Benjamins, 2007. V 1-5. 2219 p.

174. Poulos G. A linguistic analysis of Venda / G. Poulos. Pretoria: Via Africa, 1990. 605 p.

175. Rakhilina E. V., Reznikova T. I. Doing lexical typology with frames and semantic maps [Электронный ресурс] / E. V. Rakhilina, T. I. Reznikova // Working papers by NRU HSE. Series WP BRP «Linguistics», 2014. P. 1-13. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/02/12/1092528126/18LNG2014. pdf.

176. Rubinstein A. Groups in the semantics of reciprocal verbs / A. Rubinstein // NELS 38: Proceedings of the 38th annual meeting of the North East Linguistic Society. 2007. P. 269-282.

177. Siloni T. Reciprocal verbs and symmetry / T. Siloni // Natural Language and Linguistic Theory. Issue 30. 2012. P. 261-320.

178. Sinclair J. Corpus, Concordance, Collocation / J. Sinclair. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.

179. Shibatani M. Passives and related constructions: A prototype analysis / M. Shibatani // Language. Issue 61. 1985. P. 821-848.

180. Stefanowitsch An., Gries St. Th. Collostructions: Investigating the interaction of words and constructions / An. Stefanovisch, St. Th. Gries // International Journal of Corpus Linguistics. 2003. № 8. P. 209-243.

181. Talmy L. How languages structure space / L. Talmy // Spatial orientation: theory, research and application. New York: Plenum, 1983. P. 225-282.

182. Tomasello M. Constructing a Language: A Usage-Based Theory of Language Acquisition / M. Tomasello. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. 388 p.

183. Turek Ch. The origin of symmetric verb sentences / Ch. Turek. Grazer Linguistische Studien 30. Bd.: 1988. P. 115–124.

184. Vitale A. J. Swahili Syntax / A. J. Vitale. Dordrecht Cinnaminson: Foris Publications, 1981. 214 p.

185. Whorf B. L. Language, Thought, and Reality / B. L. Whorf, J. B. Carroll, S. Chase. MIT Press, 1956. 278 p.

186. Wierzbicka A. Lingua Mentalis. The Semantics of Natural Language / A. Wierzbicka. London: Academic Press, 1980. 367 p.

187. Wierzbicka A. Semantic universals and “primitive thought”: the question of the psychical unity of humankind / A. Wierzbicka // Journal of linguistic anthropology. 1994. №4. V. 1. P. 23-49.

Электронные ресурсы и словари

1. Англо-русский синонимический словарь / Ю. Д. Апресян, В. В. Ботякова, Т. Э. Латышева и др.; Под рук. А. И. Розенмана, Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1979. 544 с.

2. Карта слов.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kartaslov.ru.

3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа:http://ruscorpora.ru.

4. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под редакцией Н. Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1973. 846 с.

5. Словарь синонимов русского языка онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://synonymonline.ru.

6. Собрание корпусов М. Дэвиса (British National Corpus (BNC); Corpus of Contemporary American English; Corpus of Global Web-Based English; NOW Corpus; iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 20 countries, 2017; The TV Corpus; The Movie Corpus). Режим доступа: http://corpus.byu.edu.

7. Alexander Pushkin [Электронный ресурс] // Wikipedia. Режим доступа: http://www.en.wikipedia.org/wiki/Alexander_Pushkin.

8. Collins COBUILD Advanced Learner`s English Dictionary. Harper Collins Publishers, 2006. 1744 p.

9. Collins English Thesaurus [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.collinsdictionary.com/dictionary/englishthesaurus/idea.

10. Cryptotypes of the English Language [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rgph.vsu.ru/coel.

11. Langenscheidt Grosswörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Langenscheidt, 2003. 1254 S.

12. Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 2006. 1620 p.

13. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd edition. Macmillan, 2007. 1872 p.

14. Oxford Advanced Learner`s Dictionary of Current English. Oxford: Oxford University Press, 2006. 1799 p.

15. Reverso Context [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://context.reverso.net/перевод.

16. Wooordhunt [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://wooordhunt.ru.